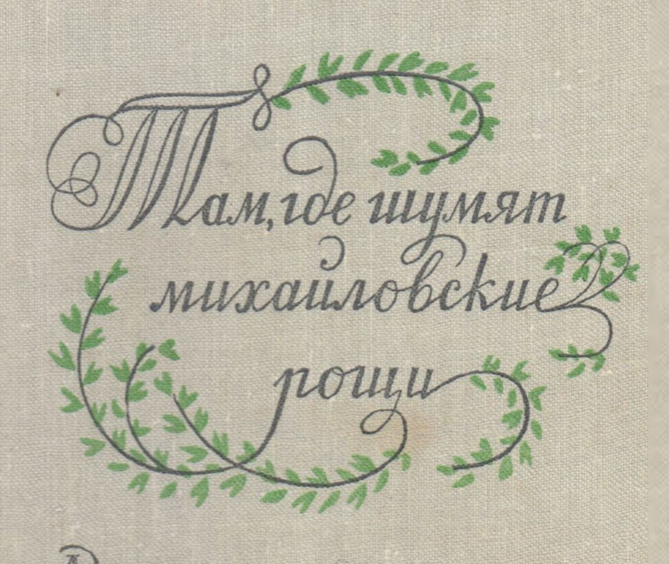
М. БАСИНА

Д

М.БАСИНА Там, где шумят михайловские рощи

П О Д О Р О Г И М М Е С Т А М

М. БАСИНА

Там, где шумят михайловские рощи

Издательство «Детская литература»

Ленинград

1971

8 Р 1—8 Р (069)
Б 27

7—6—3

Научный редактор
А. М. Гордин

Всю свою жизнь великий русский поэт А. С. Пушкин был неразрывно связан с псковской деревней своей матери — сельцом Михайловским. Сюда, в этот чудесный край, под сень тенистых Михайловских рощ приезжал поэт и «веселым юношей» и «ссылочным невольником». А позднее «убегал» сюда, преследуемый самодержавием, в поисках «покоя и воли». И здесь он находил «приют спокойствия, трудов и вдохновенья».

Автор рассказывает о красоте и богатстве русской природы, воспетой Пушкиным, о памятных местах, где в «разны годы» жил и трудился поэт, создавая такие произведения, как роман «Евгений Онегин», трагедия «Борис Годунов», стихотворения «Деревня», «Зимний вечер», «Я помню чудное мгновенье» и многие, многие другие.

Издание второе

И, КАЖЕТСЯ, ВЕЧОР ЕЩЕ БРОДИЛ
Я В ЭТИХ РОЩАХ.

А. С. Пушкин

Встреча со старым другом

Вскоре после Великой Октябрьской социалистической революции, в двадцатых годах, среди крестьян Опочецкого уезда на Псковщине ходила легенда.

Будто бы случилось это в тревожном 1918 году. Прогоняли тогда мужики помещиков и, чтобы духу от притеснителей не осталось, принялись жечь дворянские усадьбы. Но народ был темный. Запылало и сельцо Михайловское, где когда-то жил Александр Сергеевич Пушкин с няней своей Ариной Родионовной. Сгорел уже барский дом, пламя подбиралось к маленькому флигельку — домику няни. И вот в это время вступил в Михайловское красный отряд. Командовал им командир-калмык. Увидел командир, что творится вокруг, разогнал поджигателей и вместе с красноармейцами потушил пожар. А потом собрал крестьян, разъяснил им, что за место Михайловское. И еще прочел наизусть из Пушкина:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгуз, и друг степей калмык.

Многие слышали этот волнующий рассказ. Но все так и думали — легенда.

И вдруг 18 февраля 1932 года известный пушкинист, профессор Дмитрий Петрович Якубович получил письмо. Вернее не письмо, а военный рапорт. «В Пушкинский дом от бывшего начальника штаба Отдельной башкирской бригады Гареева Загида Ходжаевича...»

Профессор недоумевал. Пушкинский дом — научное учреждение, где изучают жизнь и творчество великого русского поэта, историю русской литературы. При чем здесь военный рапорт? Ошибка?

Но ошибки не произошло. Адрес был правильный. В рапорте рассказывалось о том, как в 1920 году красноармейцы Отдельной башкирской бригады по своей инициативе восстанавливали сельцо Михайловское.

Да, этот документ имел прямое отношение к Пушкину и Пушкинскому дому. Профессор передал его на хранение в архив.

Прошло еще четыре года. Вся наша страна готовилась отметить столетнюю годовщину со дня гибели Пушкина. Редакция молодежного журнала «Смена» решила выпустить специальный пушкинский номер. Собирали материал. Среди очерков, статей ученых и писателей предполагали напечатать и рапорт З. Х. Гареева.

Но вдруг кому-то в редакции пришла мысль: а почему бы не попытаться разыскать самого Загида Ходжаевича и не попросить его рассказать подробнее о том, что происходило в сельце Михайловском в 1920 году? Принялись искать и нашли Гареева в Москве. К этому времени он давно уже окончил военную академию, стал полковником. На груди его поблескивал орден Боевого Красного Знамени, полученный за боевые заслуги в гражданской войне.

Вот что рассказал полковник Гареев.

Когда Красная Армия разгромила Юденича, Башкирскую бригаду поставили на заслон финляндской границы. Затем, в 1920 году, перебросили на латвийскую границу. Штаб бригады разместился в Святогорском монастыре, невдалеке от сельца Михайловского. Гареев, начальник штаба, вместе с товарищами отправился осматривать монастырь — «свои новые владения». Пошли с ними и монахи. Все поднялись на холм к собору и тут увидели могилу и памятник.

— Кто похоронен? — спросил Гареев.

Монахи ответили:

— Пушкин.

Пушкин... Необычайное чувство охватило Гареева. Показалось, что в самом неожиданном месте встретил старого близкого друга. Сразу вспомнились детство и юность, степной аул Верхний Ахташ, начальная школа, учительская семинария... Там он узнал и навсегда полюбил Пушкина.

На другой день Гареев поехал в Михайловское. Господского дома не было. Повсюду виднелись следы огня и топора. Возле огромного клена стоял какой-то полуразрушенный сруб. Это был домик няни.

Гареев собрал окрестных крестьян.

— Вокруг вас лес, — сказал он им. — Зачем же вы разрушаете здания? Знаете ли вы, кто здесь жил?

И взял с крестьян слово не трогать ничего на усадьбе.

В поселке Святые Горы Гареев отыскал какую-то древнюю старушку. Она хорошо знала тамошние места. Повезли красноармейцы

Михайловские рощи.

старушку в Михайловское, и она, как умела, рассказала им о любимых аллеях поэта, о том, где он бывал, как жил.

Внимательно слушали бойцы немудреный рассказ. И всем захотелось хоть что-нибудь сделать, чтобы сохранить этот дорогой для народа уголок. Но что сделать? Подумали и решили восстановить домик няни. Какой же он был? Как выглядел? Ведь это надо знать точно, а ни рисунков, ни фотографий — ничего не имелось.

И вот однажды в Святогорский монастырь, в штаб бригады явился невысокий сухощавый человек ученого вида.

— Моя фамилия Устимович, — сказал он. — Я из Петрограда. Сотрудник Пушкинского дома Академии наук. У меня к вам важное дело, товарищи, помогите уберечь Михайловское от разрушения.

— Мы делаем все, что можем! — воскликнул Гареев. — Даже хотели восстановить домик няни, да не знаем, какой он был.

— Это известно!

Устимович сразу оживился, он поспешно вытащил из портфеля какие-то бумаги. Это были фотографии, зарисовки, описания домика.

Гареев не стал медлить.

— Начальника саперной роты Турчанинова ко мне!

И приказал Турчанинову:

— Саперной роте выступить в Михайловское для восстановления домика няни.

Саперы работали споро, весело, дружно. Петр Митрофанович Устимович не отходил от них ни на шаг.

Прошла неделя. И под сенью старого клена на месте полуразрушенного сруба стоял маленький домик с тесовой кровлей. Точь-в-точь такой, как на фотографиях и рисунках, привезенных из Петрограда.

— Какой это был праздник для нас всех! — вспоминал полковник Гареев.

Так вот, оказывается, откуда пошла легенда о красном командире-калмыке и о его бойцах, отстоявших от пожара сельцо Михайловское!

Когда Отдельная башкирская бригада ушла из пушкинских мест, сельцо Михайловское не осталось без охраны. Вскоре, весною 1922 года, Совет Народных Комиссаров издал особый декрет. Этим декретом Михайловское, Тригорское, Святогорский монастырь с могилой поэта объявлялись Государственным Пушкинским заповедником. Позднее к заповеднику присоединили село Петровское, Савкину горку и городище Воронич. А в 1924 году, когда исполнилось сто лет со дня приезда Пушкина в михайловскую ссылку, поселок Святые Горы был переименован в Пушкинские Горы.

Ганнибаловская вотчина

Девятого июля 1817 года с самого утра в неуютной петербургской квартире Пушкиных на Фонтанке началась суета. Слуги с ног сбились. Господа сегодня уезжают на лето в псковскую деревню — родовое Михайловское, а не все еще готово, не все уложено. Надежда Осиповна, неприбранная, в капоте, то покрикивает на горничных (такие неумехи!), то в изнеможении падает в кресло и обмахивается платочком.

Что может быть ужаснее сборов в дорогу? И все сама, все сама... Ее почтенный супруг Сергей Львович всегда так — запрется в кабинете и выйдет лишь тогда, когда подадут лошадей. Старшей дочери Ольге уже двадцать лет (боже, как летит время!), но и она не помощница. Несносный характер. Обиды, слезы... Нельзя и прикрикнуть, нельзя побранить. И Александр хорош. С неделю как окончил Лицей, зачислен в Иностранную коллегию. Но в голове разве служба? Стихи, театры, приятели. Вот и теперь... Носится по комнатам, хохочет, острит. Со слугами фамильярен. Нет, дети не удались... Одно утешение — младший, Левушка.

Наконец все уложено. Карета у подъезда. А денек-то какой! Настоящее лето. Первым в карету влезает Левушка, за ним садятся старшие.

— Но-о, залетные, гляди веселей!

В дороге.
Литография. Первая четверть XIX века.

По булыжной мостовой звонко цокают лошадиные копыта. В путь! В путь!

От Петербурга до Михайловского три дня пути. Ехали через Царское Село, Лугу, Порхов, Новоржев.

Настроение у Александра Пушкина было прекрасное. Все его занимало: поля и леса, убегавшие вдаль, придорожные деревеньки, неказистые уездные городишки с немощеными улицами, чаепития на станциях, ругань ямщиков, сонные инвалиды, поднимавшие шлагбаумы.

Проехав Новоржев, что стоит в тридцати верстах от Михайловского, Пушкин сочинял шутливые стихи:

Есть в России город Луга
Петербургского округа;
Хуже не было б сего
Городишки на примете,
Если б не было на свете
Новоржева моего.

На третий день, к вечеру, прибыли на место.

В Михайловском хозяйничала мать Надежды Осиповны — умная, домовитая Мария Алексеевна Ганнибал.

Пушкин был рад встрече с бабушкой. Он любил ее. С ней было интересно. Ребенком, в Москве, он залезал в большую бабушкину рабочую корзину, сидел там не шевелясь, а Мария Алексеевна шила, вязала и вспоминала старину. Сколько раз рассказывала она семейные предания про знаменитого «арапа Петра Великого» — Абрама Петровича Ганнибала, сына его — Ивана Абрамовича, покорившего турецкую крепость Наварин, про мужа своего Осипа Абрамовича, про то, как сельцо Михайловское и другие земли достались роду Ганнибалов.

И вот он, Саша Пушкин, в ганнибаловской вотчине, в тех местах, где бывал прадед, где жил дед.

Абрам Петрович Ганнибал...

Пушкин знал своего прадеда только по портрету. Строгое, будто

Вид на усадьбу Михайловского с берега Сороти.

А. П. Ганнибал.
Портрет работы неизвестного художника. Конец XVIII века.

выточенное из черного дерева лицо, проницательные глаза, шитый золотом мундир со звездами.

Пушкину вспомнилась вся фантастическая жизнь «царского арапа». Она была интереснее любого романа.

Абрам Петрович, или, как его в детстве называли, Ибрагим, родился в Африке, в северной Абиссинии. Был он одним из младших сыновей владетельного князька.

В XVII веке на Абиссинию часто совершали набеги турки. После набегов увозили они в Константинополь рабов и ценных заложников — «амонатов». Однажды среди них оказался и княжеский сын — восьмилетний Ибрагим.

Как раз в ту пору царь Петр I приказал русскому посланнику в Турции прислать ему несколько смышленых мальчиков «арапчат». С помощью визиря маленький Ибрагим был выкраден из султанского дворца и доставлен в Россию. Петру он понравился. Царь оставил его при себе и брал повсюду — в разъезды, походы, путешествия. Ибрагим находился при Петре неотлучно.

Видя ум и сметливость «арапчонка», царь определил его в военную службу, дал ему лучших учителей, а затем, будучи в Париже, оставил Ибрагима во Франции для изучения инженерных наук.

Через несколько лет Абрам Петрович Ганнибал возвратился в Россию инженером и ученым математиком. Обладая характером деятельным и сильным, незаурядными способностями и знаниями, Ганнибал стал одним из ближайших помощников Петра, участником великого преобразования России.

После смерти Петра звезда Ганнибала закатилась. Начались гонения, ссылки. Когда же на престол вступила дочь Петра — Елизавета, Абрам Петрович решил напомнить о себе. Он написал царице евангельские слова: «Помяни мя, егда приидеши во царствие твое». Елизавета тотчас призвала Ганнибала ко двору, произвела его в бригадиры, позднее в генерал-майоры и генерал-аншефы. За заслуги перед отечеством пожаловала ему несколько десятков деревень «в губерниях Псковской и Петербургской».

В семействе Ганнибалов, а затем Пушкиных, хранилась старинная жалованная грамота, в переплете, обтянутом зеленым муаром. В грамоте, богато украшенной акварелью и золотом, за собственноручной подписью Елизаветы, говорилось, что «нашему генералу маэору и ревельскому обер-коменданту Авраму Ганнибалу... пожаловали во Псковском уезде пригорода Воронича Михайловскую губу»[1].

Так обширные земли в Псковской губернии на берегах реки Сороти — около пяти тысяч десятин, более сорока деревень перешли в вечное владение Ганнибала. Среди этих деревень было и Зуево, которое затем стало называться Михайловским.

Когда Абрам Петрович скончался, владения его были поделены между сыновьями. Сельцо Михайловское досталось деду Пушкина — Осипу Абрамовичу.

Осип Абрамович — третий сын Ганнибала — первоначально получил от отца затейливое имя — Януарий. Но мать не согласилась называть сына таким «чертовским именем». И Януарий был переименован в Осипа.

Портретов Осипа Абрамовича не сохранилось. Но, по семейным преданиям, наружность имел он приятную. Недаром дочь его, Надежда

---

[1] Губой в Древней Руси называли небольшую административную единицу, включающую в себя несколько селений.

Осиповна, слыла красавицей. Смуглый цвет лица, темные глаза и кудри придавали особую прелесть «прекрасной креолке», так называли Надежду Осиповну в свете.

Был Осип Абрамович необуздан, легкомыслен, на расправу скор. Как и другие его братья, служил артиллеристом на флоте, но карьеры не сделал. Вышел в отставку капитаном 2-го ранга.

С середины 80-х годов поселился он в Михайловском, где прожил почти безвыездно двадцать лет, до самой своей смерти. Жил один — вскоре после женитьбы жену с малолетней дочерью оставил.

Обосновавшись в Михайловском, принялся Осип Абрамович благоустраивать имение. Ведь здесь, по его словам, «строения никакого не было, кроме скотского двора, избы и анбаров ветхих».

Выстроил он господский дом с балконом, флигеля, баньку, сараи, службы. Приказал на усадьбе возле дома расчистить дорожки, наса-

Жалованная грамота А. П. Ганнибалу на Михайловскую губу. 1746 год.

Н. О. Пушкина.
Миниатюра К. де Местра. 10-е годы XIX века.

дить цветы, кусты, деревья различных пород, большой фруктовый сад. Разбил он и парк, вырыл пруды. Зажил, как полагалось заправскому помещику. Хотя доходов с имения не приумножил, но крепостных рабов держал в повиновении и страхе.

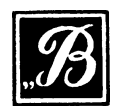
В 1796 году единственная дочь Осипа Абрамовича, жившая при матери, вышла замуж за Сергея Львовича Пушкина. Летом 1799 года в Москве у молодых родился первый сын — Александр. Осенью того же года Пушкины отправились из Москвы в Петербург, по дороге заехали в Михайловское — показать Осипу Абрамовичу внука.

В 1806 году Осип Абрамович скончался. Михайловское перешло к его жене Марии Алексеевне и дочери Надежде Осиповне.

После смерти Осипа Абрамовича кончились в Михайловском ганнибаловские времена. Новые, не похожие на прежних люди стали наезжать на берега светлой Сороти.

11 июля 1817 года сюда впервые приехал юный Пушкин.

„В первый раз"

ышед из Лицея, — рассказывал позже в своих «Записках» Пушкин, — я почти тотчас уехал в псковскую деревню моей матери. Помню, как обрадовался сельской жизни, русской бане, клубнике и проч...»

Русская деревня полюбилась Пушкину с детства. Он помнил бабушкину подмосковную — сельцо Захарово. Там было хорошо. Но здесь, в Михайловском, куда как лучше. Холмы, поросшие соснами, тенистый парк, почти у самого дома река и два озера — приволье...

Запись Пушкина о первом посещении Михайловского в 1817 году. *Автограф.*

Сельцо Михайловское.
Литография П. Александрова по рисунку И. Иванова. 1837 год.

Старый ганнибаловский дом стоял над Соротью на вершине холма. По обе его стороны выглядывали из зелени кустов два совершенно одинаковых флигелька. В одном слышался стук ножей, шум голосов — здесь была кухня. В другом обычно царила тишина — в нем помещалась банька. Перед домом, обсаженный стрижеными кустами, обнесенный заборчиком, раскинулся круглый зеленый газон. Траву на нем сеяли, и она росла густая, невысокая, ровная, будто раскинули близ крыльца большой зеленый ковер. По одну сторону газона был спуск к реке. По другую — службы, за ними фруктовый сад.

Так выглядела Михайловская усадьба при Пушкине, такою нарисовал ее с натуры в 1837 году псковский землемер И. Иванов.

С тех пор прошло более ста лет и кое-что на усадьбе изменилось. Газон перед домом обсажен не кустами, а двадцатью шестью стрижеными липами. В середине газона растет огромный вяз. Его посадил сын Пушкина — Григорий Александрович. Но общий вид михайловской

усадьбы остался прежний. Как и в те далекие годы, когда бывал здесь поэт, она уютна и красива, полна зелени и цветов.

В Михайловском недавний лицеист наслаждался деревенской свободой. Он с радостью просыпался, с радостью засыпал. Целые дни бродил по полям и лесам, ездил верхом, купался в Сороти.

Курчавая темно-русая голова, юное смуглое лицо с по-детски округлыми щеками, толстоватые губы, небольшие голубые глаза, то веселые, насмешливые, то задумчивые и хмурые... Таким впервые увидели Пушкина михайловские рощи.

...Тогда я был
Веселым юношей, беспечно, жадно
Я приступал лишь только к жизни.

Недалеко от Михайловского жили в своих имениях потомки Абрама Петровича, родня Надежды Осиповны — Ганнибалы.

В селе Петровском — последний сын «арапа Петра Великого» — престарелый Петр Абрамович. В селе Воскресенском — чуть не с дюжину дочерей и сыновей Исаака Абрамовича — все смуглые, курчавые, вспыльчивые, до назойливости гостеприимные — настоящие Ганнибалы.

Пушкин перезнакомился со всеми, ездил к ним в гости.

Как-то утром, когда поэт гостил у родных, его разбудил стук в дверь отведенной ему комнаты. Оказалось, стучал дядя, весельчак и затейник Павел Исаакович Ганнибал. Он собрал целый хор домочадцев и, с бутылкой шампанского в руке, пропел Пушкину куплет, который тут же сочинил:

Кто-то в двери постучал:
Подполковник Ганнибал,
Право-слово, Ганнибал,
Пожалуйста, Ганнибал,
Сделай милость, Ганнибал,
Свет-Исакыч Ганнибал,
Тьфу, ты, пропасть, Ганнибал!

Дядя и племянник быстро подружились. Но дело не обошлось без размолвки. На деревенском балу Саша Пушкин танцевал с местной девицей Лошаковой. Несмотря на ее «дурноту», она ему нравилась. Во время танцев Павел Исаакович отбил у племянника его даму. Пушкин вспылил, вызвал дядю на дуэль. Но все окончилось миром. А за ужином Павел Исаакович возгласил:

Хоть ты, Саша, среди бала
Вызвал Павла Ганнибала,
Но, ей-богу, Ганнибал
Ссорой не подгадил бал!

Пушкин тут же при всех кинулся обнимать шутника.

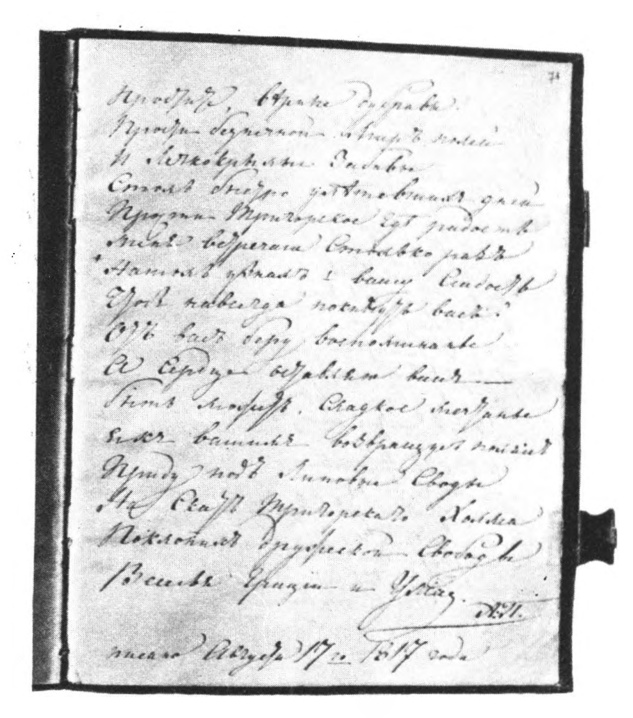
А. С. Пушкин.
Гравюра Е. Гейтмана. Около 1820 года.

Вместе с родителями и сестрой Ольгой поэт часто бывал и в соседнем поместье — Тригорском. Жила там Прасковья Александровна Осипова-Вульф с семьей. В обширном доме, в старинном парке на берегу Сороти затевались увеселения, устраивались игры и танцы. Время летело незаметно.

Поэзия сопутствовала Пушкину повсюду. Среди отдыха и забав он писал первую песнь своей поэмы — сказки «Руслан и Людмила», которую начал еще в Лицее.

Пушкин пробыл в деревне до середины августа. За два дня до отъезда он написал стихотворение «Простите, верные дубравы» — прощальный привет миру лесов и полей.

Простите, верные дубравы!
Прости, беспечный мир полей,
И легкокрылые забавы
Столь быстро улетевших дней!
Прости, Тригорское, где радость
Меня встречала столько раз!
На то ль узнал я вашу сладость,
Чтоб навсегда покинуть вас?
От вас беру воспоминанье,
А сердце оставляю вам.
Быть может (сладкое мечтанье!),
Я к вашим возвращусь полям,
Приду под липовые своды,
На скат тригорского холма,
Поклонник дружеской свободы,
Веселья, граций и ума.

Страница альбома П. А. Осиповой с записью стихотворения Пушкина «Простите, верные дубравы. . .» 1817 год.

В архиве Пушкинского дома Академии наук и сейчас хранится альбом в темном сафьяновом переплете с металлическими застежками. Альбом этот принадлежал Прасковье Александровне Осиповой-Вульф. На последней его странице рукою Прасковьи Александровны переписано стихотворение «Простите, верные дубравы». Под ним дата: «Августа 17-го 1817».

С первого приезда в Михайловское Пушкин всей душой полюбил эти места, сроднился с ними. Признание — «сердце оставляю вам» — не было поэтическим преувеличением.

Уже тогда, в годы юности, псковская деревня стала ему родной. Позднее он так и писал в черновиках «Онегина»:

О ты, губерния псковская,
Теплица юных дней моих,
Ты для меня страна родная.

19 августа 1817 года поэт уехал из Михайловского в Петербург. «Сладкое мечтание» вновь побывать в псковской деревне сбылось через два года.

„Меня зовут холмы, луга“

Незаметно пролетели для Пушкина два года после первой поездки в Михайловское.

Петербург жил кипучей, напряженной жизнью. Молодого Пушкина видели везде — на балах у графа Лаваля, в гостиной княгини Голицыной, в салоне президента Академии художеств А. Н. Оленина, на субботах В. А. Жуковского, на заседаниях общества «Зеленая лампа», в креслах Большого театра, на дружеских сходках вольнодумцев у Никиты Муравьева и Ильи Долгорукова. Талантливый поэт, подающий большие надежды, везде был желанным гостем.

Далеко за полночь возле дома Клокачева на Фонтанке останавливались дрожки. Пушкин возвращался к себе после шумного, бурно проведенного дня.

И лишь изредка, во сне, виделось ему тихое Михайловское — белые облака плывут над Соротью, неумолчно стрекочут кузнечики в лугах, золотятся на солнце стройные сосны.

В начале лета 1819 года Пушкин тяжело заболел. Врачи разводили руками — гнилая горячка... Даже сам известный Лейтон ни за что не ручался. Но крепкий молодой организм взял свое — Пушкин выздоровел.

А. С. Пушкин.
Автопортрет. 1820 год.

Похудевший, с обритой головой, в ермолке — «бухарской шапке», в полосатом бухарском халате, он валялся на постели, читал, писал стихи, наслаждаясь неизъяснимо приятным чувством выздоровления. В комнате было душно — за окном в полном разгаре лето. Пушкина потянуло на воздух, в деревню.

Он рад был на время оставить Петербург, одуряющий угар большого света. Модные залы, великосветские гостиные, за их приманчивым блеском — фальшь и пустота. А их завсегдатаи — лощеные глупцы, спесивые невежды, бессердечные красавицы — все они ничтожны, а подчас и подлы. Они наскучили ему. Тем желаннее казалась поездка в Михайловское, где можно отдохнуть от столичной суеты.

От суеты столицы праздной,
От хладных прелестей Невы,
От вредной сплетницы молвы,

От скуки, столь разнообразной,
Меня зовут холмы, луга,
Тенисты клены огорода,
Пустынной речки берега
И деревенская свобода.

В Михайловском Пушкин мечтал не только отдыхать, но и писать, работать.

...Под сенью дедовских лесов,
Над озером, в спокойной хате,
Или в траве густых лугов,
Или холма на злачном скате,
В бухарской шапке и в халате
Я буду петь моих богов.

Поездка в Михайловское была решена. Девятого июля 1819 года переводчик Иностранной коллегии Александр Пушкин подал прошение об отпуске для выезда «в здешнюю губернию» на двадцать восемь дней по собственным делам. На другой день он был уже в дороге.

В Михайловском, как и два года назад, приветливо шумели деревья старого парка, пестрели луга, синела недвижная гладь озер. Только не было здесь больше бабушки Марии Алексеевны. Она умерла летом 1818 года.

После петербургской квартиры, где на всем лежал отпечаток неустроенности и беспорядка, михайловская усадьба пришлась Пушкину особенно по душе.

Дом, сад, огород — все знакомое, родное... Казалось, их любовно хранит невидимка-домовой, крошечный старичок из няниных сказок. Хотелось попросить его, чтобы он и впредь оберегал этот милый уголок.

Поместья мирного незримый покровитель,
Тебя молю, мой добрый домовой,
Храни селенье, лес и дикий садик мой
И скромную семьи моей обитель!
Да не вредят полям опасный хлад дождей
И ветра позднего осенние набеги;
Да в пору благотворны снеги
Покроют влажный тук полей!
Останься, тайный страж, в наследственной сени,
Постигни робостью полунощного вора
И от недружеского взора
Счастливый домик охрани!
Ходи вокруг его заботливым дозором,
Люби мой малый сад и берег сонных вод,
И сей укромный огород
С калиткой ветхою, с обрушенным забором!
Люби зеленый скат холмов,
Луга, измятые моей бродящей ленью,
Прохладу лип и кленов шумный кров —
Они знакомы вдохновенью.

Вид из усадьбы Михайловского на реку Сороть и озеро Кучане.

В Михайловском все рождало вдохновенье.

Пушкин и на этот раз привез из Петербурга свою неоконченную поэму-сказку «Руслан и Людмила». Здесь писал ее предпоследнюю, пятую песнь.

Стихи слагались и во время прогулок. Крепкий, ловкий, он часами бродил по лугам и лесам, по берегу Сороти, и под шум деревьев, плеск реки возникали поэтические картины поэмы:

На склоне темных берегов
Какой-то речки безымянной,
В прохладном сумраке лесов,
Стоял поникшей хаты кров,
Густыми соснами венчанный,
В теченьи медленном река
Вблизи плетень из тростника
Волною сонной омывала
И вкруг него едва журчала
При легком шуме ветерка.

В хате на берегу реки живет со своей подругой недавний соперник Руслана, хазарский хан Ратмир. Хан стал рыбаком. Могучий Руслан, победив Черномора и отрубив ему бороду, везет в Киев объятую волшебным сном Людмилу. По дороге они попадают в долину, где живет Ратмир. Чудеса, необычайные приключения сменяют друг друга...

В начале августа 1819 года старинный друг семьи поэта Александр Иванович Тургенев сообщал из Петербурга в Москву писателю И. И. Дмитриеву: «Пушкина здесь нет; он в деревне на все лето и отдыхает от Парнасских своих подвигов. Поэма у него почти вся в голове. Есть, вероятно, и на бумаге».

Тургенев не ошибся. Пятая песнь поэмы была почти закончена.

В этот свой приезд в псковскую деревню Пушкин был уже не тот беспечный юноша, что два года назад. Он многое узнал, понял, перечувствовал. И теперь Михайловское вдохновило его не только на создание веселых чудес «Руслана и Людмилы», но и на смелое политическое стихотворение «Деревня», направленное против крепостнического рабства.

„Деревня“

В Ленинграде на набережной реки Фонтанки близ Летнего сада и сейчас стоит красивый особняк с четырьмя колоннами. Когда-то, в десятых годах XIX века, верхний этаж особняка занимали два брата Тургеневы — Александр и Николай. Старший — Александр Иванович, крупный чиновник, историк по образованию, собирал старинные рукописи и книги, интересовался литературой. Был он, что называется, «добрый малый» — добродушный, общительный, любитель вкусно поесть, потанцевать на балах, с улыбкой подремать в ученом собрании. Перед братом Николаем благоговел. Тот был иной — серьезный, сосредоточенный, всецело преданный своим политическим идеалам. Ученый-экономист, Николай Иванович, или, как его называли за хромоту — «хромой Тургенев», ненавидел крепостничество. Чтобы бороться за свои идеалы, вступил он в тайный «Союз благоденствия».

Часто по вечерам в обширной холостятской квартире Тургеневых собирались молодые вольнодумцы. Один из них — Н. И. Кривцов — записал в своем дневнике: «Вечером я был у Тургеневых, где был молодой Пушкин, исполненный ума и обещающий еще больше в будущем».

Н. И. Тургенев.
Литография. 20-е годы XIX века.

Пушкин знал Тургеневых с детства. Ведь это Александр Иванович помог определить его в Царскосельский лицей.

Окончив ученье, поэт постоянно бывал у своих старших друзей. Его куда сильнее, чем модные залы, привлекали дружеские сходки вольнодумцев —

Где ум кипит, где в мыслях волен я,
Где спорю вслух, где чувствую живее,
И где мы все — прекрасного друзья.

Жадно вслушивался юный Пушкин в гневные речи будущих декабристов. В стране аракчеевщина.

Сам народ поет в своих песнях:

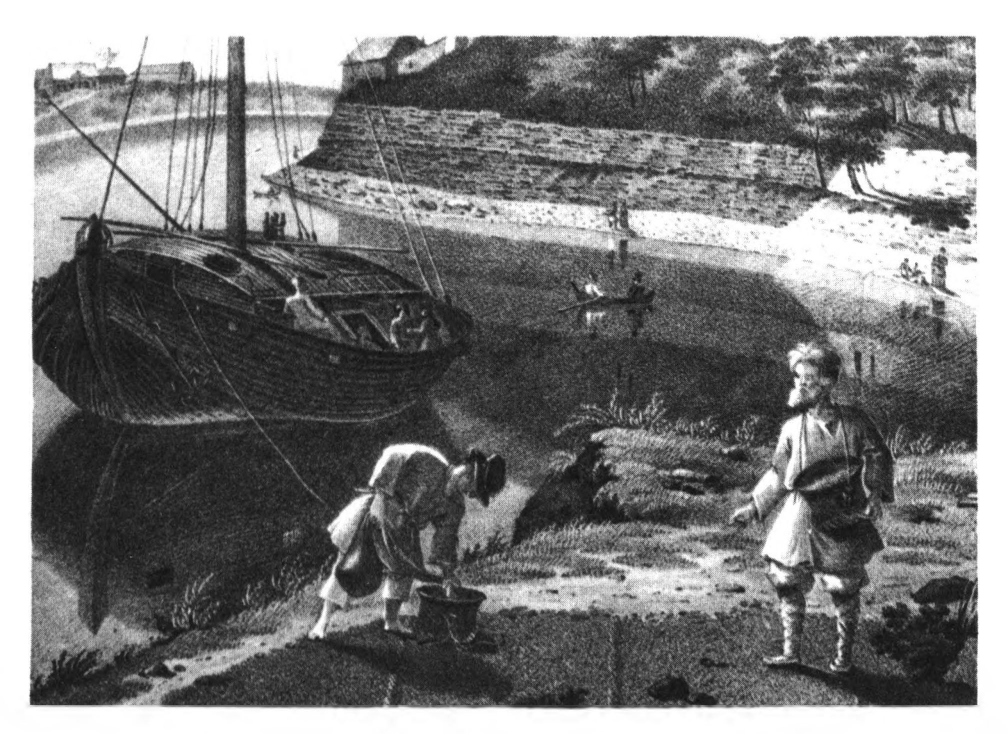
Ты, Ракчеев господин,
Всю Россию разорил,
Бедных людей прослезил,
Солдат гладом поморил.

Военные поселения, издевательства над простым человеком, избиения солдат и крестьян, тиранство помещиков и это гнусное рабство, постыдная торговля людьми...

Правда, при Александре I было запрещено печатать в «Санкт-Петербургских ведомостях» объявления о продаже крепостных людей без земли, но это ловко обходили. Вместо «дворовый человек доброго поведения 45 лет и здоровая, видная собою крепостная девка, умеющая плести кружева, продаются» — печатали: «отпускаются в услужение». И все понимали, что это значило. Торговля людьми процветала.

И вот летом 1819 года, приехав в Михайловское, Пушкин, друг декабристов, друг Николая Тургенева, увидел крепостную деревню иными глазами, чем прежде.

Кроме холмов, лугов и рощ, он увидел здесь «барство дикое» и «рабство тощее» — произвол помещиков и ужасающую нищету и бесправие крестьян.

Псковские крестьяне на барщине.
Деталь литографии П. Александрова по рисунку И. Иванова. 1837 год.

Псковские крестьяне на барщине.
Деталь литографии П. Александрова по рисунку И. Иванова. 1837 год.

Повсюду вокруг Михайловского раскинулись большие и маленькие поместья, где владельцы крепостных душ самовластно управляли своими рабами, чинили суд и расправу.

На сходках декабристов много говорилось о жестокосердии помещиков. Но как бледнели даже самые страшные рассказы перед действительной жизнью! Вот они — псковские мужики... Изнуренные, в жалкой одежде. Вот их труд — беспросветный и тяжкий. И так до могилы. А их господа? Те, кто волен в их жизни и смерти? Какое невежество! Какая жестокость и дикость!

Один (это «добрый» помещик) заставляет крепостного человека не спать и будить его, барина, среди ночи: ведь так приятно засыпать снова! Второй — велит выдрать на конюшне повара за невкусный пирог. Третий отдает на растерзание собакам крепостную девушку — она не захотела быть его фавориткой. Четвертый... Да разве всех перечтешь!

Пушкин знал тогда помещика, который задался целью разорить своих крестьян. За три года он превратил их в нищих. У крестьянина не было ничего своего. «Он, — рассказывал Пушкин, — пахал барскою сохою, запряженной барскою клячею, скот его был весь продан... Он садился за спартанскую трапезу на барском дворе; дома не имел он ни штей, ни хлеба...»

Крестьяне убили своего мучителя-барина. Но сколько оставалось таких же других!

Как раз в то время, когда Пушкин приехал в Михайловское, в близлежащем Порховском уезде помещик Баранов засек насмерть своего крепостного Григория Иванова.

Все это обступило поэта в Михайловском, глубоко взволновало. Ему стали понятны слова Николая Тургенева, что в деревне невозможно спокойно наслаждаться природой, — все отравляет «нечестивое рабство».

Свои мысли, чувства, впечатления Пушкин высказал в стихотворении «Деревня».

Наказание дворового батогами.
Гравюра по рисунку Х. Гейслера. Начало XIX века.

Вид из усадьбы Михайловского.

В первой его части описана деревенская природа. Это природа Михайловского:

Везде передо мной подвижные картины:
Здесь вижу двух озер лазурные равнины,
Где парус рыбаря белеет иногда,
За ними ряд холмов и нивы полосаты,
    Вдали рассыпанные хаты,
На влажных берегах бродящие стада,
Овины дымные и мельницы крилаты...

Все в этом описании точно: и «лазурные равнины» двух озер — Маленца и Кучане, и широкая холмистая долина с лугами и нивами, далеко уходящая к самому горизонту, и стада на влажных берегах Сороти.

Эти «подвижные картины» и сейчас открываются с михайловского холма.

Деревня

Приветствую тебя, пустынный уголок,
Приют спокойствия, трудов и вдохновенья,
Где льется дней моих невидимый поток
На лоне счастья и забвенья.
Я твой — я променял порочный двор Цирцей,
Роскошные пиры, забавы, заблужденья
На мирный шум дубров, на тишину полей,
На праздность вольную, подругу размышленья.

Я твой — люблю сей темный сад
С его прохладой и цветами,
Сей луг, уставленный душистыми скирдами,
Где светлые ручьи в кустарниках шумят.
Везде вокруг меня лазурные широкие холмы
Здесь вижу двух озер лазурные равнины,
Где парус рыбарей белеет иногда,
За ними ряд холмов и нивы полосаты —
Вдали рассыпанные хаты,
На влажных берегах бродящие стада,
Овины дымные и мельницы крылаты;
Везде следы довольства и труда...

Я здесь, от суетных оков освобожденный,
Учуся в истине блаженство находить,
Жалеть не многих, добро боготворить —
Роптанью не внимать толпы непросвещенной,
Участьем отвечать застенчивой мольбе
И не завидовать судьбе
Злодея иль глупца — в величии неправом.

«Деревня»
Автограф.

Пейзаж полон прелести и гармонии. А жизнь крепостного крестьянина, того, кто возделывает нивы, пасет стада? Там иное.

Но мысль ужасная здесь душу омрачает:
Среди цветущих нив и гор
Друг человечества печально замечает
Везде невежества убийственный позор.
Не видя слез, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здесь барство дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца.
Склонясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,
Здесь рабство тощее влачится по браздам
Неумолимого владельца.
Здесь тягостный ярем до гроба все влекут,
Надежд и склонностей в душе питать не смея,
Здесь девы юные цветут
Для прихоти бесчувственной злодея...

Пушкин ничего не придумал, не преувеличил. Он только в гневных стихах запечатлел то, что, как язва, разъедало Россию на всем необъятном пространстве от Петербурга до Камчатки.

Псковская деревня дала жизненные наблюдения, конкретные факты. Жестокость и произвол помещиков-крепостников, которые Пушкин заклеймил в стихотворении «Деревня», в кружке Тургеневых так и называли «псковское хамство».

Летом 1819 года Пушкин пробыл в Михайловском месяц. В середине августа он уже вернулся в Петербург.

Александр Иванович Тургенев сообщал своему младшему брату Сергею: «Пушкин возвратился из деревни, которую описал».

Появиться в печати «Деревня» не могла. Но она ходила по рукам в бесчисленных списках.

Когда царь Александр I прочитал один из них, он сперва попросил поблагодарить Пушкина «за добрые чувства», но вскоре раздраженно заявил директору Царскосельского лицея Е. А. Энгельгардту: «Пушкина надобно сослать в Сибирь. Он наводнил всю Россию возмутительными стихами; вся молодежь наизусть их читает».

Над вольнолюбивым автором «Деревни» собирались тучи.

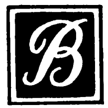
Заступничество влиятельных друзей избавило Пушкина от Сибири. Но царь не простил его.

Поэт был выслан на юг. Его отправили к генералу Инзову, при котором он служил в Кишиневе, затем перевели в Одессу под начальство генерал-губернатора Новороссийского края графа Воронцова.

Пять лет провел Пушкин вдали от Михайловского.

Он и не предполагал, что вернется сюда не по собственной воле.

„Ссылочный невольник"

мае 1824 года московская полиция перехватила письмо, адресованное литератору Петру Андреевичу Вяземскому. Письмо было из Одессы, от Александра Пушкина. Пушкин между прочим писал, что берет у философа-англичанина «уроки чистого афеизма», то есть безбожия. И, потешаясь, прибавлял: «Святой дух иногда мне по сердцу, но предпочитаю Гете и Шекспира».

Московская полиция всполошилась: «Безбожие! Потрясение основ!» Письмо незамедлительно переслали в Петербург и представили царю.

Александр I безбожия не терпел. С Пушкиным у него имелись особые счеты. Ведь этот вольнодумный мальчишка в своем «Ноэле», который распевали повсюду, чуть не на улицах, назвал его, российского императора, «кочующим деспотом», а его обещания народу — сказками. Насмешек царь не прощал, тем более стихотворных.

К тому же из Одессы сообщали, что ссыльный Пушкин ведет себя недопустимо смело. Генерал-губернатору Новороссийского края графу Воронцову он как бельмо на глазу. Холодный и чопорный «милорд» Воронцов чуть не лопнул от злости, когда до ушей его дошла эпиграмма Пушкина:

Полу-милорд, полу-купец,
Полу-мудрец, полу-невежда,
Полу-подлец, но есть надежда,
Что будет полным наконец.

Воронцов настоятельно просил удалить Пушкина из Одессы и сослать в какую-нибудь глушь, где он не будет столь опасен. Царь не возражал. Перехваченное письмо решило дело.

В том году жена П. А. Вяземского Вера Федоровна проводила лето в Одессе. Однажды июльским вечером к ней прибежал Пушкин. Он запыхался, был бледен, без шляпы, без перчаток.

— Новости, княгиня, — сказал он взволнованным голосом. — Меня высылают из Одессы. А я ведь пророк, право же пророк! Милорд Воронцов с непостижимой быстротой из полуподлеца превратился в законченного и совершенно полного...

Пушкин только что узнал, что «за дурное поведение» повелено его со службы уволить и выслать из Одессы в Псковскую губернию, в имение его родителей, под надзор местных властей.

На следующий день Пушкина вызвал одесский градоначальник.

— Извольте прочитать и поставить свою подпись.

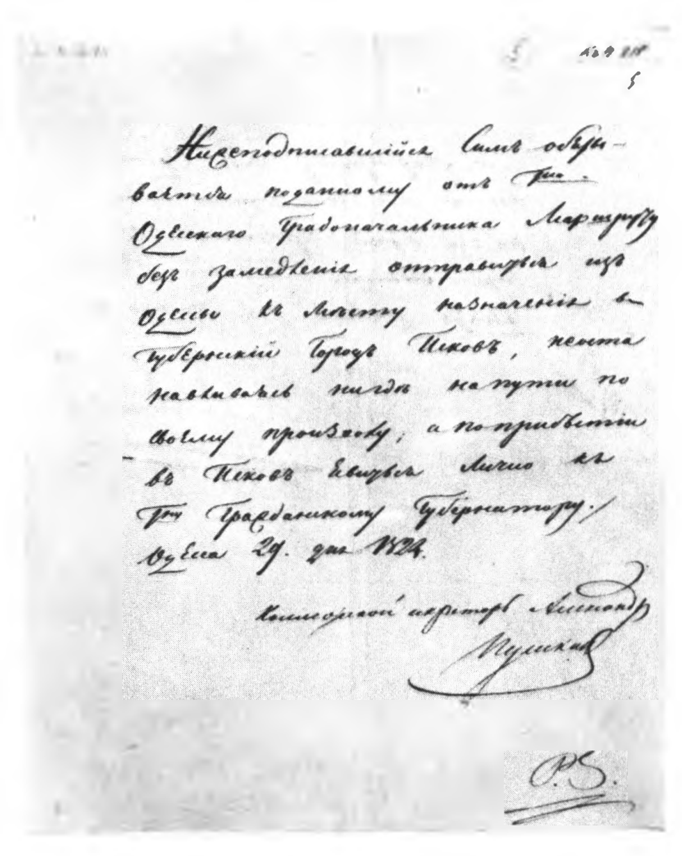
«Нижеподписавшийся, — читал бумагу Пушкин, — сим обязывается по данному от г. одесского градоначальника маршруту без замедления отправиться из Одессы к месту назначения в губернский город Псков, не останавливаясь нигде на пути по своему произволу, а по прибытии

в Псков явиться лично к г. гражданскому губернатору. Одесса, июля 29 дня 1824 года».

Пушкин расписался, получил на руки дорожные деньги — «прогоны» — на три лошади 389 рублей 4 копейки. Маршрут был дан следующий: Одесса — Николаев — Елисаветград — Кременчуг — Нежин — Чернигов — Могилев — Орша — Витебск — Полоцк — Себеж — Опочка — Михайловское.

Через день Пушкин вместе со своим верным дядькой Никитой Тимофеевичем Козловым пустился в далекий путь.

Тысячу шестьсот двадцать одну версту, отделявшие Одессу от Михайловского, проехали за десять дней. В Псков поэт не захотел

Нижеподписавшийся симъ обязываюсь по данному отъ Г-на Одесскаго Градоначальника маршруту безъ замедленія отправиться изъ Одессы къ месту назначенія въ губернскій городъ Псковъ, не останавливаясь нигде на пути по своему произволу; а по прибытіи во Псковъ явиться лично къ Г-ну Гражданскому Губернатору. Одесса 29. дня 1824.

Коллежской секретарь Александръ Пушкинъ

Подписка Пушкина о выезде из Одессы в Псков 29 июля 1824 года.

С. Л. Пушкин.
Рисунок К. Гампельна. 1824 год.

заезжать. В Опочке ждал его с лошадьми михайловский кучер Петр. Перепрягли лошадей и двинулись на Святые Горы.

Девятого августа забрызганная дорожной грязью коляска вкатилась под тенистые своды ганнибаловской еловой аллеи. Пушкин был в Михайловском.

А я от милых южных дам,
От жирных устриц черноморских,
От оперы, от темных лож
И, слава богу, от вельмож
Уехал в тень лесов тригорских,
В далекий северный уезд;
И был печален мой приезд.

Л. С. Пушкин.
Рисунок А. Орловского.

С бьющимся сердцем взбежал Пушкин по скрипучим ступенькам старого ганнибальского дома.

— Боже мой, Александр!

— Приехал, приехал!

Пушкин застал в Михайловском всю свою семью, проводившую здесь лето. Встреча была шумной, радостной. Сергей Львович прослезился. Надежда Осиповна нежно прижала сына к груди. Лев и Ольга не отходили от брата. За те четыре года, что они не виделись, он несколько изменился — посерьезнел, возмужал, стал шире в плечах.

Начались расспросы. Почему он приехал так внезапно? Значит, он свободен? Пушкин отвечал прямо, без обиняков, всю правду. И тут благодушное настроение отца резко переменилось. Сергей Львович ис-

О. С. Пушкина.
Рисунок неизвестного художника.

пугался. Он бегал по комнате, театрально воздевал руки к небу, кричал, что Александр погубит всю семью, что он испортит своим безбожием сестру и брата. Он запретил Льву и Ольге разговаривать с Александром.

Но это было не все. Вскоре по предписанию высшего начальства опочецкий предводитель дворянства А. Н. Пещуров принялся подыскивать «благонамеренного» дворянина, чтобы тот «наблюдал» за Пушкиным. Обратились к помещику И. М. Рокотову, но получили отказ. Предлагали и другим — желающих не нашли. И только один Сергей Львович (вдруг, боже упаси, подумают, что он заодно с крамольником!) малодушно согласился шпионить за собственным сыном, распечатывать его переписку.

Письмо Пушкина Б. А. Адеркасу. Конец октября 1824 года. *Автограф.*

Пушкин был вне себя, но молчал, сдерживался. В это время в Михайловском его видели редко. «Я провожу верхом и в поле все время, что я не в постели», — писал он В. Ф. Вяземской. Даже работать уезжал в Тригорское, к Осиповым-Вульф. Там писал цикл стихов «Подражания Корану». Эти, казалось бы, далекие от жизни стихи были его раздумьями о выпавших ему на долю тяжких испытаниях — гонениях, ссылках — и готовностью мужественно сносить удары судьбы.

Невеселые мысли часто одолевали Пушкина. Недавно ему исполнилось двадцать пять лет. Четыре из них он провел уже в ссылке. И снова ссылка — еще более тяжелая, более суровая. Михайловское — чудесный уголок. Но одно — наезжать сюда в летние месяцы, и совсем

другое — явиться «ссылочным невольником» в место заточения. Сколько пробудет он здесь? Год, два, три? Может быть, и больше. После оживленной, кипящей жизнью Одессы, интересного разнообразного общества, театра — глухая деревня. И родной отец в гнуснейшей роли тюремщика...

Но злобно мной играет счастье:
Давно без крова я ношусь,
Куда подует самовластье;
Уснув, не знаю, где проснусь. —
Всегда гоним, теперь в изгнанье
Влачу закованные дни...

Недели шли, отношения в семье не налаживались. Поэт не выдержал. Он явился к отцу, высказал все начистоту. Произошла тяжелая сцена. Пушкин был в крайности. Он кинулся в свою комнату, схватил лист бумаги и написал письмо псковскому губернатору барону Адеркасу.

«Милостивый государь Борис Антонович,

Государь император высочайше соизволил меня послать в поместие моих родителей, думая тем облегчить их горесть и участь сына. Неважные обвинения правительства сильно подействовали на сердце моего отца и раздражили мнительность, простительную старости и нежной любви его к прочим детям. Решился для его спокойствия и своего собственного просить его императорское величество, да соизволит меня перевести в одну из своих крепостей. Ожидаю сей последней милости от ходатайства вашего превосходительства».

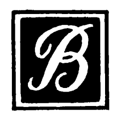
Сургуч растоплен, письмо запечатано. Нарочный везет его из Михайловского в Псков.

Трудно сказать, какие бы последствия имела эта история. Но, к счастью, нарочный не застал губернатора дома и привез письмо обратно Пушкину.

Это было в конце октября. А в ноябре брат, сестра, а за ними отец и мать — все, кроме самого Пушкина да няни Арины Родионовны, уехали из Михайловского. Перед отъездом Сергей Львович сообщил предводителю дворянства, что не может воспользоваться доверием генерал-губернатора, то есть следить за сыном, ибо имеет главное поместие в Нижегородской губернии, а постоянное жительство в Петербурге.

Кончились, наконец, невыносимо тягостные семейные сцены, непрерывные обвинения, упреки. Казалось, можно вздохнуть свободнее. Но поэта по-прежнему «опекали» предводитель дворянства Пещуров, настоятель Святогорского монастыря отец Иона, псковский гражданский губернатор барон фон Адеркас и генерал-губернатор Прибалтийского края маркиз Паулуччи. Пушкин оставался ссылочным невольником.

„Благослови побег поэта“

это время в Петербурге в один из хмурых ноябрьских дней царь Александр I, сидя в своем роскошном кабинете в Зимнем дворце, просматривал положенные ему на стол бумаги. Трудиться царь не любил, и его лицо выражало неудовольствие и скуку.

Когда-то Александр I был недурен собой. Восторженные фрейлины шептали ему вслед: «Наш ангел!» Но годы шли, и «ангел» полинял. На голове образовалась плешь, лицо стало одутловатым, бабьим.

Недовольно морщась, царь взял очередную бумагу — рапорт о приезжающих в столицу, и вдруг его белесые брови поднялись, отвислые щеки порозовели. В рапорте среди прочих приезжающих значился... Пушкин.

Царь не верил глазам. Что происходит? Куда смотрит полиция! Ссыльный Пушкин самовольно явился в столицу! Был вызван начальник Генерального штаба барон Дибич. Он получил повеление: все незамедлительно выяснить.

Дибич выяснил и поспешил успокоить царя:

— Ваше величество, Александр Пушкин не выезжал из деревни. В столицу приехал его младший брат Лев.

Тревога на сей раз оказалась напрасной.

Между тем Пушкину действительно приходило на ум — явиться в Петербург и объясниться с царем. Бродя по темным аллеям михайловского парка, сидя в своем деревенском кабинете, поэт не раз рисовал себе встречу с царем и даже набросал «Воображаемый разговор с Александром I».

«Разговор» начинался так:

«Когда б я был царь, то позвал бы Александра Пушкина и сказал ему: «Александр Сергеевич, вы прекрасно сочиняете стихи».

Тем бы похвалы и кончились. Дальше бы следовали обвинения. Первое — за оду «Вольность».

— Ах, ваше величество, — не без ехидства отвечал бы Пушкин,— зачем упоминать об этой детской оде? Лучше бы вы прочли хоть третью и шестую песнь «Руслана и Людмилы», ежели не всю поэму, или первую часть «Кавказского пленника», «Бахчисарайский фонтан». «Онегин» печатается: буду иметь честь отправить два экземпляра в библиотеку вашего величества к Ивану Андреевичу Крылову, и если ваше величество найдете время...

— Помилуйте, Александр Сергеевич. Наше царское правило: дела не делай, от дела не бегай. Скажите, как это вы могли ужиться с Инзовым, а не ужились с графом Воронцовым?

А. С. Пушкин.
Автопортрет. 1824 год.

Пушкин отвечал. Но царь не унимался. Он спросил:

— Но вы же и афей? Вот что уж никуда не годится.

— Ваше величество, как можно судить человека по письму, писанному товарищу, можно ли школьническую шутку взвешивать как преступление?..

Кончался «Разговор» словами царя:

«...Тут бы Пушкин разгорячился и наговорил мне много лишнего, я бы рассердился и сослал его в Сибирь, где бы он написал поэму *Ермак* или *Кучум*, разными размерами с рифмами».

Шутки шутками, но Пушкин прекрасно понимал — официальные пути к освобождению ему заказаны, на царскую милость рассчитывать не приходится, а он жаждал свободы. «Михайловское душно мне», — писал он Жуковскому.

Чтобы вырваться на волю, Пушкин задумал побег. Когда в ноябре 1824 года Лев Сергеевич уезжал из Михайловского, старший брат поручил ему купить среди прочих нужных вещей чемодан, дорожную чернильницу, дорожную лампу. Братья договорились, что Лев приготовит в Петербурге все для тайного отъезда Александра в Италию или Францию.

Лев Сергеевич уехал. Пушкин был печален, встревожен. Он вынужден бежать. Что ждет его? Мысль о том, что его голос «умолкнет...

под небом дальним», «угаснет в чуждой стране», была мучительно-грустной. Ведь все его помыслы принадлежали России. Он прощался с родиной, с тихим Михайловским, с братом.

Простите, сумрачные сени,
Где дни мои текли в тиши,
Исполнены страстей и лени
И снов задумчивых души. —
Мой брат, в опасный день разлуки
Все думы сердца — о тебе.
В последний раз сожмем же руки
И покоримся мы судьбе.
Благослови побег поэта...

С нетерпением ждал Пушкин вестей от брата. Вскоре он узнал, что друзья — Жуковский, Плетнев, Вяземский — не одобрили рискованных планов и что Лев ничего не стал предпринимать.

В то время в Тригорское наезжал на каникулы старший сын Прасковьи Александровны Осиповой — Алексей Вульф. Он учился в Дерптском университете, жил в городе Дерпте (Тарту). Оттуда рукой было подать до Германии.

Если бы с помощью Вульфа добраться до Дерпта... Новые планы захватили Пушкина.

Давно б на Дерптскую дорогу
Я вышел утренней порой
И к благосклонному порогу
Понес тяжелый посох мой...

Узнав, что замыслил Пушкин, Вульф загорелся. Разве плох, например, такой проект — он, Вульф, выхлопочет для себя заграничный паспорт, а Пушкина увезет с собою под видом крепостного слуги. Обсуждали, мечтали. Но отъезд не состоялся.

И тут Пушкин вспомнил: ведь у него аневризм — расширение вен на обеих ногах. Попытка не пытка: вдруг царь разрешит ему уехать лечиться в Петербург, Москву или в чужие края?

«Я умоляю ваше величество разрешить мне поехать куда-нибудь в Европу, где я не был бы лишен всякой помощи».

Письмо написано, отправлено. Но на царя надежды плохи. Не дожидаясь ответа, Пушкин вместе с Вульфом разработал еще один план побега.

План заключался в следующем. В Дерпте жил друг и свойственник Жуковского — профессор хирургии И. Ф. Мойер. Известный врач, человек уважаемый, почтенный, он имел влияние на начальника Прибалтийского края маркиза Паулуччи. Если Мойер попросит, чтобы к нему прислали Пушкина как интересного и опасного больного, начальство не откажет. А из Дерпта нетрудно уехать за границу.

В Михайловском парке. Старый ганнибаловский пруд.

С безнадежного больного спрос невелик. Так мыслили заговорщики. Уговорить Мойера должен был Вульф. Перед его отъездом в Дерпт учредили условную переписку. Вульф будто бы брал у Пушкина коляску. В случае согласия Мойера он должен был сообщить, что высылает коляску обратно в Псков. В случае неудачи — что задерживает коляску у себя в Дерпте. На том и порешили.

Они не предполагали, что история с коляской и Мойером примет совсем неожиданный оборот и закончится трагикомически.

Случилось так, что Жуковский, ничего не подозревая о тайных планах Пушкина и обеспокоенный его здоровьем, упросил Мойера поехать в Михайловское, осмотреть больного и, если понадобится, сделать операцию на месте.

Мойер согласился. Родители Пушкина дали распоряжение — отправить за профессором коляску. И вот из Пскова в Дерпт покатила не мифическая, а самая настоящая коляска.

Когда Пушкин узнал об этом, он ужаснулся. Заставить почтенного профессора напрасно тащиться за сотни верст! Необходимо отговорить его во что бы то ни стало. «Сейчас получено мною известие, что В. А. Жуковский писал вам о моем аневризме и просил вас приехать во Псков для совершения операции... — писал Пушкин Мойеру. — Умоляю вас, ради бога не приезжайте и не беспокойтесь обо мне...»

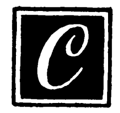
И уже без всякой конспирации Вульфу: «Друзья мои и родители вечно со мной проказят. Теперь послали мою коляску к Мойеру с тем, чтоб он в ней ко мне приехал и опять уехал и опять прислал назад эту бедную коляску. Вразумите его. Дайте ему от меня честное слово, что я не хочу этой операции».

И этот план побега не увенчался успехом.

Между тем пришел ответ на прошение царю. Царь «милостиво» разрешил Пушкину до излечения болезни переехать из Михайловского... в Псков, под надзор губернатора. Это было издевательством. Пушкин так и понял. И, отбросив всякую осторожность, на насмешку ответил насмешкой: «Неожиданная милость его величества тронула меня несказанно, — писал он Жуковскому,— тем более, что здешний губернатор предлагал уже мне иметь жительство во Пскове, но я строго придерживался повеления высшего начальства. Я справлялся о псковских операторах; мне указали там на некоторого Всеволожского, очень искусного по ветеринарной части и известного в ученом свете по своей книге об лечении лошадей. Несмотря на все это, я решился остаться в Михайловском, тем не менее чувствуя отеческую снисходительность его величества...»

Бежать не удавалось, уехать не разрешали. Неизвестно на сколько времени, но Михайловское оставалось убежищем поэта, а старый ганнибаловский дом — его жилищем.

Дом над Соротью

тарый ганнибаловский дом, где жил Пушкин в Михайловском, давно не существует. Он простоял около ста лет и в середине 60-х годов XIX века был продан на своз сыном Пушкина, Григорием Александровичем.

К этому времени дом пришел в полную негодность. Академик М. П. Розберг, посетивший Михайловское в 1856 году, рассказывал: «Господский дом... представляет вид печальной развалины; он деревянный, крыша и отчасти потолки обвалились, крыльцо рас-

палось, стекла насквозь пробиты; дождь льется в комнаты и ветер в них завывает».

Через три года после Розберга Михайловское посетил педагог и литератор К. А. Тимофеев. Вот что он писал: «Длинная аллея старых елей тянется от полуразрушенной беседки до домика Пушкина... Мы вышли в прихожую, отворяем дверь в зал... Нет, лучше бы туда и не заглядывать!.. Крыша провалилась, балки перегнили, потолок обрушился, под стропилами на перекрестке двух жердей, в углу, сидит сова, эмблема мудрости, единственная поэтическая принадлежность, которую мы нашли в жилище поэта».

Царское правительство не интересовала судьба исторического домика в Михайловском. Десятки тысяч рублей бросали на ветер. Выслужившимся придворным лакеям за счет казны возводили под Петербургом дома. Но ни царю Николаю I, ни его преемнику Александру II и в голову не пришло истратить хоть грош, чтобы сохранить жилище величайшего поэта России.

Два раза — сперва Григорий Александрович Пушкин, затем псковские дворяне — возводили в Михайловском жилые постройки, которые имели мало общего с подлинным домиком поэта. Последняя из них сгорела в 1918 году.

Долгие годы на холме над Соротью лишь виднелся из земли каменный фундамент, поросший травой.

В 1936 году, накануне столетней годовщины со дня гибели Пушкина, по постановлению Советского правительства в селе Михайловском на старом фундаменте построили Дом-музей. В 1944 году его разграбили и сожгли фашистские захватчики.

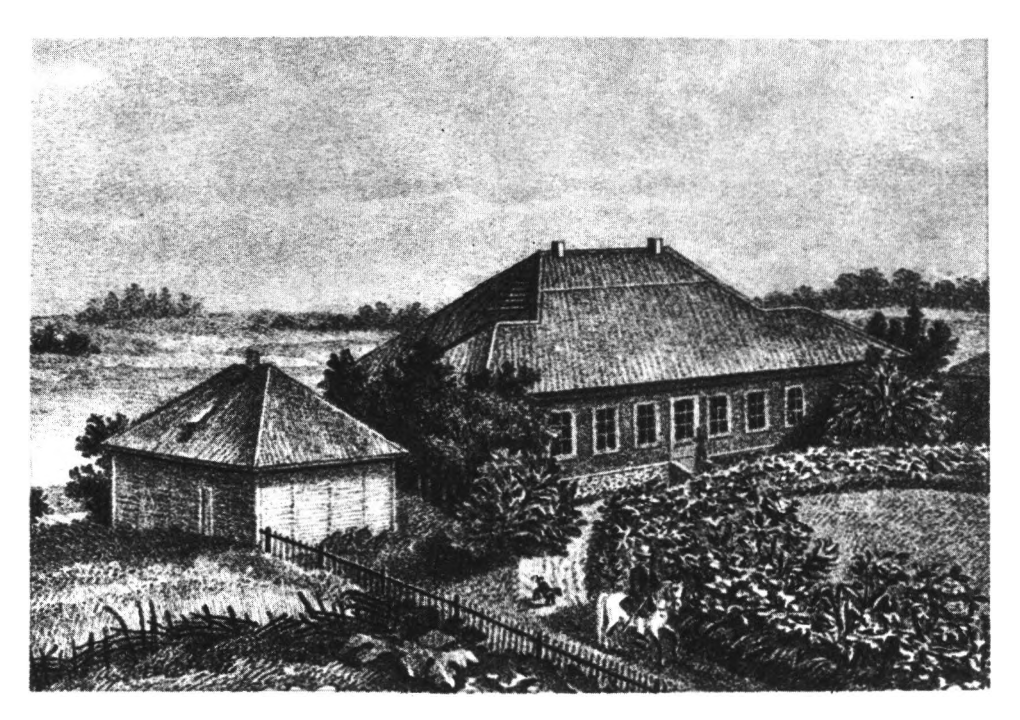
К 1949 году — стопятидесятилетию со дня рождения Пушкина — Советское правительство дало распоряжение вновь отстроить в Михайловском Дом-музей. Эту важную работу поручили строителям и ученым-пушкинистам. И те решили приложить все старания, чтобы дом над Соротью был таким, как при Пушкине.

Дело оказалось не простым и не легким. Надо было собрать многочисленные сведения.

Прежде всего обратились к самому поэту. Пушкин называл свое деревенское жилище «ветхая лачужка», «скромная семьи моей обитель», «моя изба», описал его в «Онегине»:

Господский дом уединенный,
Горой от ветров огражденный,
Стоял над речкою...

Почтенный замок был построен,
Как замки строиться должны:
Отменно прочен и спокоен
Во вкусе умной старины.

Дом Пушкиных в Михайловском.
Деталь литографии П. Александрова по рисунку И. Иванова. 1837 год.

Описание михайловского дома имелось и в стихах Н. М. Языкова:

Там, где на дол с горы отлогой
Разнообразно сходит бор
В виду реки и двух озер
И нив с извилистой дорогой,
Где, древним садом окружен,
Господский дом уединенный
Дряхлеет, памятник почтенный
Елизаветинских времен. . .

Оба эти описания поэтичны, выразительны, но строителям поэзии оказалось мало. Им нужны были точные фактические данные об архитектуре, размерах и других особенностях дома. Принялись их искать — кропотливо, тщательно.

Немало ценного оказалось в «Описи. . . имению, оставшемуся после смерти опочецкой помещицы 5-го класса Надежды Осиповны Пушки-

ной». Составил опись в 1838 году земский исправник Васюков. О господском доме там говорилось: «Дом деревянного строения на каменном фундаменте, крыт и обшит тесом, длиною 8, а шириною 6 сажен, к нему подъездов с крыльцами 2. Балкон 1. В нем печей голландских кирпичных белых с железными дверцами и чугунными вьюшками 6. Дверей столярной работы распашных на медных петлях с таковыми же внутренними замками 4. Одиноких столярной работы на железных крюках и петлях с таковыми скобками 16. Окон с рамами и стеклами на крюках, петлях железных с таковыми же крючками и задвижками 14».

Собирали воспоминания современников Пушкина и тех, кто позднее видел этот дом, описания, рисунки.

Материалы нашлись, но их было недостаточно. С первых же шагов столкнулись с трудностями. В доме, понятно, было два фасада. С южным, тем, что выходил на усадьбу, все обстояло благополучно. На литографии с рисунка псковского землемера И. С. Иванова, изображающей михайловскую усадьбу в 1837 году, южный фасад господского дома был вырисован с особой тщательностью. А как быть с северным фасадом? Ни изображений его, ни описаний — ничего не сохранилось. И тут вспомнили, что в 1911 году дом в Михайловском отстраивал известный

Дом-музей Пушкина в Михайловском, отстроенный в 1948—1949 годах.

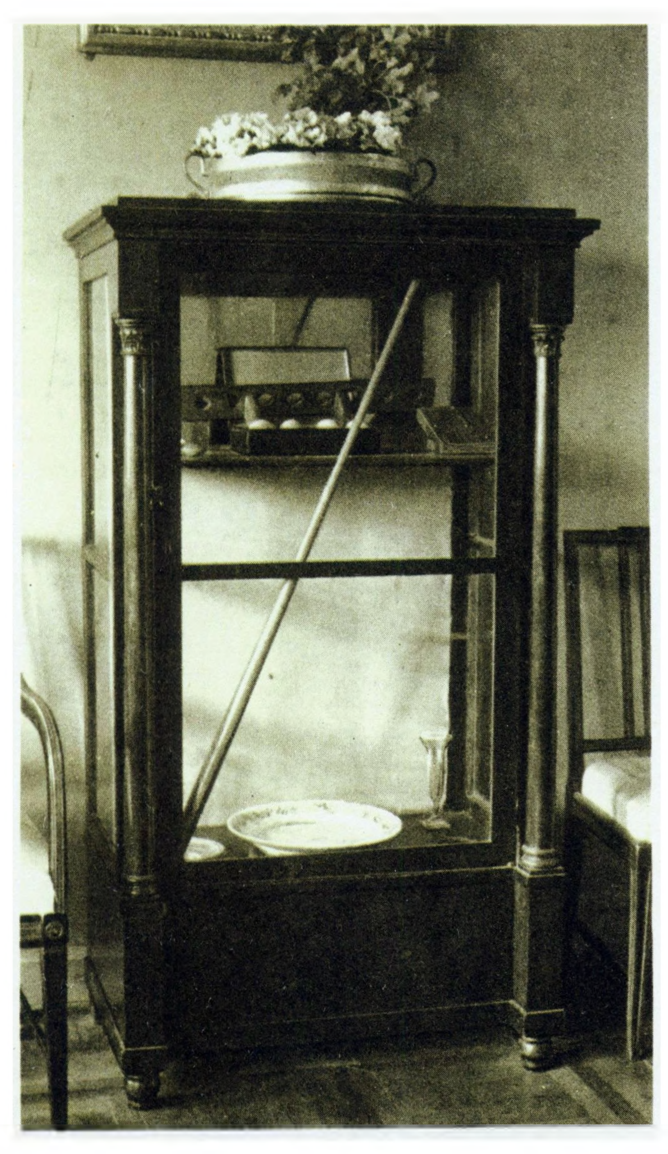
Дом-музей Пушкина в Михайловском. Зальце.

архитектор академик А. В. Щуко. У него имелись ценные сведения, материалы, которые до нас не дошли. Тогда решили — северный фасад строить, как у Щуко.

Подготовили чертежи, и строительство началось.

К весне 1949 года дом над Соротью был отстроен. Одноэтажный, деревянный, с высокой тесовой кровлей, обшитый тесом, с продолговатыми окнами, открытым крылечком, выходящим на усадьбу, и небольшим балконом, обращенным к реке.

Из Ленинграда — Пушкинского дома Академии наук — привезли все нужное для устройства музея. В трех комнатах из пяти разместили картины, портреты, документы, книги, которые рассказывают о жизни и творчестве Пушкина в Михайловском. А две комнаты — маленький зал и кабинет — решили сделать мемориальными (памятными) — как можно больше похожими на настоящие комнаты старого михайловского дома.

Бильярдные шары и кий Пушкина из Михайловского.

В маленьком зальце — светлом, уютном, с изразцовой голландской печью и дверью на балкон — старинная гостиная мебель. Круглый стол, диван, мягкие кресла и стулья. Высокие напольные часы английской работы. Зеркало. На стенах портреты в золоченых рамах: Алексей Федорович Пушкин — прадед поэта, отец его бабки Марии Алексеевны, двоюродный дед Пушкина Иван Абрамович Ганнибал — старший сын «арапа Петра Великого», родители поэта. Совсем как в черновиках «Онегина»:

Портреты дедов на стенах
И печи в пестрых изразцах...

В зальце при Пушкине стоял бильярд. Бильярд не сохранился. Но в небольшой горке — шкафчике с застекленной дверцей — лежат кий и четыре желтоватых бильярдных шара слоновой кости. Тот самый кий, те самые шары, которыми играл на бильярде Пушкин. Шары и кий чудом уцелели в 1944 году. Их спрятал один из служащих заповедника.

Позднее сделали мемориальной и комнату няни.

Немало потрудились сотрудники заповедника над устройством кабинета Пушкина.

По воспоминаниям современников, комната, которую занимал поэт, была направо от входа. Она служила Пушкину всем — кабинетом, столовой, гостиной, спальней. На известной картине художника Н. Н. Ге «Пущин у Пушкина в Михайловском» как раз и изображена эта самая комната. И можно было подумать — раз есть такая картина — чего же проще: взять да и устроить так, как нарисовано у Ге. Но это было бы неверно. Ге рисовал не с натуры. Он создавал свою картину в 1875 году, когда подлинного кабинета Пушкина уже не было в помине.

Пришлось обратиться к воспоминаниям современников.

И. И. Пущин рассказывает: «Комната Александра была возле крыльца, с окном на двор... В этой небольшой комнате помещалась кровать его с пологом, письменный стол, шкаф с книгами и проч., и проч... Вход к нему прямо из коридора».

М. И. Осипова вспоминала: «В... правой комнате, где был рабочий кабинет Александра Сергеевича, стояла самая простая, деревянная, сломанная кровать. Вместо одной ножки под нее подставлено было полено; некрашеный стол, два стула и полки с книгами довершали убранство этой комнаты».

Когда все существующие документы, воспоминания и свидетельства были изучены, приступили к устройству комнаты Пушкина. Разыскали и заказали необходимую мебель и другие вещи, собрали книги.

Ныне каждый, кто побывает в Доме-музее, видит деревенский кабинет поэта. Все здесь скромно и просто. На стенах зеленоватые штофные обои, в углу белый изразцовый камин. Близ него, у стены, старинный диван. Простой письменный стол с бумагами и книгами, большое

Дом-музей Пушкина в Михайловском. Кабинет.

мягкое кресло с высокой спинкой, скамеечка для ног. Книжный шкаф, туалетный столик с овальным зеркалом, несколько стульев. На одной из стен — подвесная полочка с книгами. У дивана — янтарные трубки с длинными чубуками, тяжелая железная трость. Старинные подсвечники, бронзовые часы из Тригорского, черная чугунная фигурка Наполеона на камине, портреты Байрона и Жуковского — вот и все небогатое убранство комнаты.

В большинстве своем это просто вещи пушкинского времени. Но есть в кабинете и подлинные вещи, принадлежавшие поэту: железная трость, подвесная книжная полочка красного дерева и низенькая мягкая скамеечка для ног.

Железную трость Пушкин привез из Одессы. Трость эта весит девять фунтов, около четырех килограммов. Поэт брал ее с собой на прогулки, и местные крестьяне видели, как он, гуляя, подбрасывал и ловил свою железную палку. Один из приятелей однажды спросил Пуш-

кина: «Для чего ты носишь такую тяжелую дубину?» Пушкин ответил: «Для того, чтобы рука была тверже; если придется стреляться, чтоб не дрогнула».

Интересна история второй пушкинской вещи — подвесной книжной полочки. После смерти поэта она находилась в Михайловском; ее изобразил на своей картине художник Н. Н. Ге. В 1899 году сын Пушкина, Григорий Александрович, перевез полочку вместе с другими вещами под Вильнюс, в имение своей жены — Маркучаи. С тех пор так и считали, что драгоценная пушкинская полка находится в Литве. Но после Великой Отечественной войны сотрудники Пушкинского заповедника отправились в Маркучаи, обошли весь дом, а полку не обнаружили. Ее разыскали на чердаке — поломанную, пыльную. Теперь, после реставрации, она, как и прежде, висит в деревенском кабинете поэта.

Третья пушкинская вещь — подножная скамеечка — была подарена поэтом Анне Петровне Керн. Потомки Анны Петровны передали этот подарок в Пушкинский дом. Оттуда скамеечка и попала в Михайловское.

Деревенский кабинет Пушкина... Небольшая скромная комната, простая мебель, книги, рукописи, цветы.

Окно открыто, и слышно, как шумят деревья в старом парке.

Два долгих года провел здесь поэт.

Если прийти сюда с томиком «Евгения Онегина», перечитать в тишине III и IV главы, кажется, будто возвратилось далекое прошлое, ожили строфы романа, в которых Пушкин описал свою деревенскую жизнь.

„В 4-ой песне „Онегина“ я изобразил свою жизнь“

В письме из Михайловского к П. А. Вяземскому Пушкин однажды признался: «В 4-ой песне «Онегина» я изобразил свою жизнь».

В IV главе романа описана жизнь Онегина в деревне. И хотя поэт сам неоднократно просил читателя не путать его с разочарованным и праздным Евгением, «вседневные занятья» Онегина во многом напоминают жизнь Пушкина в Михайловском. Конечно, напоминают лишь с внешней стороны.

А что ж Онегин? Кстати, братья!
Терпенья вашего прошу:
Его вседневные занятья
Я вам подробно опишу.

Онегин жил анахоретом;[1]
В седьмом часу вставал он летом
И отправлялся налегке
К бегущей под горой реке;
Певцу Гюльнары[2] подражая,
Сей Геллеспонт[3] переплывал,
Потом свой кофе выпивал,
Плохой журнал перебирая,
И одевался...
Прогулки, чтенье, сон глубокой,
Лесная тень, журчанье струй,
Порой белянки черноокой
Младой и свежий поцелуй,
Узде послушный конь ретивый,
Обед довольно прихотливый,
Бутылка светлого вина,
Уединенье, тишина:
Вот жизнь Онегина святая.

В летнюю пору Пушкин вставал очень рано и, подобно Онегину, сразу же отправлялся купаться. Сойдя с балкона своего дома, он по старым деревянным ступеням спускался с холма к неширокой прозрачной Сороти. На траве еще лежала роса, воздух был свеж, а вода холодна. Пушкин быстро доплывал до другого берега и возвращался. «Плавать плавал, да не любил долго в воде оставаться. Бросится, уйдет во глубь и назад», — рассказывал михайловский кучер Петр Парфенов.

За купанием следовал завтрак. Арина Родионовна приносила в кабинет кофе, простую деревенскую снедь — яйца всмятку, масло, черный хлеб, печеный картофель, до которого поэт был великий охотник. Когда пресная пища надоедала, Пушкин просил брата прислать «горчицы и сыру», «что-нибудь в уксусе».

Сразу с утра, не одеваясь, в халате поэт принимался за работу. Работал подолгу. Затем одевался, обедал и отправлялся гулять.

Костюм носил обычный — сюртук, сорочка, шейная косынка, панталоны, шляпа. Но иногда наряд его менялся. Он надевал красную рубашку с кушаком, широкие штаны, большую белую шляпу, которую привез из Одессы. Таким его видели на деревенских гуляньях, в Святых Горах на ярмарке.

Подобный наряд носил в деревне и Онегин:

Носил он русскую рубашку,
Платок шелковый кушаком,
Армяк татарский нараспашку
И шляпу с кровелю, как дом
Подвижный. Сим убором чудным,

---

[1] Анахорет — отшельник.

[2] Певец Гюльнары — Байрон; Гюльнара — героиня его поэмы «Корсар».

[3] Геллеспонт — древнее название Дарданельского пролива.

Михайловские рощи.

Безнравственным и безрассудным
Была весьма огорчена
Псковская дама Дурина,
А с ней Мизинчиков...

Из окончательного текста романа строфа эта ушла. Но интересно заметить, что псковская дама Дурина и Мизинчиков существовали в действительности. Дурина — соседка Пушкина по Михайловскому. Мизинчиков — псковский помещик Пальчиков. Очевидно, их, как и прочих окрестных помещиков, чрезвычайно шокировал простонародный костюм Пушкина. Алексей Николаевич Вульф рассказывал, что, увидев Пушкина на ярмарке «в русском платье», весь новоржевский «бо-монд», то есть «высший свет», приезжавший в Святые Горы закупать вино и сахар, был «весьма... скандализирован».

Гулял Пушкин во всякую погоду, пешком или верхом.

Страсть к ходьбе он сохранил на всю жизнь.

Снова, как в юности, бродил он по лесам и полям, по пустынным берегам озер и Сороти, обдумывал строфы «Онегина», сцены «Бориса Годунова». Иногда останавливался и громко вслух произносил сочиненное.

Встречные крестьяне изумлялись. «Иду я по дороге в Зуево (Михайловское), а он мне навстречу, — рассказывал один, — остановился вдруг ни с того ни с сего, словно столбняк на него нашел, ажно я испугался, да в рожь и спрятался, и смотрю; а он вдруг почал так громко разговаривать промеж себя на разные голоса, да руками все так разводит, — совсем как тронувшийся...»

Громкая декламация на пустынном берегу озера пугала гнездившихся в камышах диких уток.

...Тоской и рифмами томим,
Бродя над озером моим,
Пугаю стадо диких уток:
Вняв пенью сладкозвучных строф,
Они слетают с берегов.

Рифмы «томили» Пушкина и во время верховых прогулок. Однажды, когда друзья поэта восхищались сценой у фонтана из «Бориса Годунова», объяснением самозванца с Мариной Мнишек, Пушкин рассказал, что первоначально, по его мнению, эта сцена была несравненно лучше. Он сочинил ее, возвращаясь верхом из Тригорского. Но приехал домой и не смог сразу записать. В банке из-под помады(она служила чернильницей) высохли чернила.

Гуляя, поэт заходил в соседние деревни.

Держался он просто, приветливо и даже (невиданное дело!) здоровался за руку со знакомыми мужиками. «Пушкин — отлично-добрый господин, — говорили крестьяне. — Он никого не обижает и награж-

дает деньгами за услуги даже собственных своих людей. Они не могут нахвалиться своим барином».

Соседей-помещиков поэт избегал. Он сам рассказывал в письме к В. Ф. Вяземской: «Что касается соседей, то мне лишь поначалу пришлось потрудиться, чтобы отвадить их от себя: больше они мне не докучают — я слыву среди них Онегиным».

Сначала все к нему езжали;
Но так как с заднего крыльца
Обыкновенно подавали
Ему донского жеребца,
Лишь только вдоль большой дороги
Заслышат их домашни дроги,—
Поступком оскорбясь таким,
Все дружбу прекратили с ним.

Погожие летние дни вносили хоть некоторое разнообразие в деревенскую жизнь Пушкина. Но лето в Псковской губернии недолгое.

Пушкин на прогулке.
Пастель В. Серова. 1899 год.

Михайловское, усадьба зимою.

Но наше северное лето,
Карикатура южных зим,
Мелькнет и нет. .

Затем начинались дожди. «У нас осень, дождик шумит, ветер шумит, лес шумит, шумно, а скучно!»

Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало,
Короче становился день,
Лесов таинственная сень
С печальным шумом обнажалась,
Ложился на поля туман,
Гусей крикливых караван
Тянулся к югу; приближалась
Довольно скучная пора;
Стоял ноябрь уж у двора.

И снова все вокруг переменилось. В Михайловское пришла зима. Выпал снег. Начались морозы. Господский дом замело чуть не по са-

мые окошки. Затопили печи. Топили их только в кабинете да в комнате Арины Родионовны, в других помещениях — от случая к случаю. То ли печи были неисправны, то ли рано закрывали трубы, в доме всегда попахивало угаром.

...В удел нам отданы морозы...
Двойные стекла, банный пар,
Халат, лежанка и угар.

Зимою жизнь Пушкина становилась еще скучнее, уединеннее. Но привычек своих он не менял. Проснувшись — купался. В баньке была приготовлена для него ванна с холодной водой. За ночь воду затягивало льдом. Пушкин разбивал лед кулаком, окунался и, быстро одевшись, выходил во двор. Там ждал оседланный конь. Короткая прогулка — и снова домой.

В глуши что делать в эту пору?
Гулять? Деревня той порой
Невольно докучает взору
Однообразной наготой.

Михайловские рощи зимою.

Скакать верхом в степи суровой?
Но конь, притупленной подковой
Неверный зацепляя лед,
Того и жди, что упадет.

28 января 1825 года Пушкин писал Вяземскому из Тригорского: «Пишу тебе в гостях с разбитой рукой — упал на льду не с лошади, а с лошадью; большая разница для моего наездничего самолюбия».

Зимою даже в Тригорском Пушкин бывал реже. Сидел дома и писал. А в долгие зимние вечера единственным развлечением служили книги да сказки няни.

Сидя под кровлею пустынной,
Читай: вот Прадт [1], вот W. Scott [2].
Не хочешь? — проверяй расход,
Сердись иль пей, и вечер длинный
Кой-как пройдет, а завтра то ж,
И славно зиму проведешь.

Человек не столь творческий, не столь сильный духом, как Пушкин, неминуемо в такой обстановке погрузился бы в праздное безразличие или впал бы в отчаяние. Но для Пушкина рядом с внешне неприглядным, тоскливым существованием в глуши шла другая жизнь — напряженная, творческая. Она укрепляла силы, бодрила, давала удовлетворение и радость. Пушкин сам говорил, что в Михайловском его спасли труд, поэзия. «Поэзия... спасла меня, и я воскрес душой».

„В глуши звучнее голос лирный“

Пушкин приехал в михайловскую ссылку уже будучи известным поэтом. Слава его гремела по всей России. Жуковский писал ему: «По данному мне полномочию, предлагаю тебе первое место на русском Парнасе».

«Руслан и Людмила», «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», десятки превосходных стихотворений — их с восторгом читали все, кто был мало-мальски обучен российской грамоте. Пушкина любили, ему удивлялись.

И тем сильнее возмущала широкую публику участь первого поэта России. Дельвиг писал из Петербурга в Михайловское: «Я не видел ни одного порядочного человека, который бы не бранил за тебя Воронцова... Ежели б ты приехал в Петербург, бьюсь об заклад, у тебя бы

---

[1] Прадт — французский публицист.
[2] W. Scott — Вальтер Скотт.

А. С. Пушкин.
Портрет работы В. Тропинина. 1827 год.

целую неделю была толкотня от знакомых и незнакомых почитателей. Никто из писателей русских не поворачивал так каменными сердцами нашими, как ты».

Друзья опасались за Пушкина. «Как можно такими крутыми мерами поддразнивать и вызывать отчаяние человека! Кто творец этого бесчеловечного убийства? — гневно спрашивал Вяземский у Александра Ивановича Тургенева, узнав о ссылке Пушкина в деревню. — Или

не убийство — заточить пылкого, кипучего юношу в деревне русской?.. Неужели в столицах нет людей более виновных Пушкина? Сколько вижу из них обрызганных грязью и кровью!.. Да постигают ли те, которые вовлекли власть в эту меру, что есть ссылка в деревне на Руси? Должно точно быть богатырем духовным, чтобы устоять против этой пытки. Страшусь за Пушкина!.. Признаюсь, я не иначе смотрю на ссылку, как на смертельный удар, что нанесли ему».

Удар действительно мог стать смертельным. Но те, кто на это рассчитывал, недооценили Пушкина, его духовных сил, непреклонности, терпенья. Он оказался тем богатырем духовным, которого не сломили ни деревенская глухомань, ни полицейский надзор, ни одиночество. Он вынес все. И не только вынес, а к радости друзей и разочарованию врагов, как сказочный Антей, набрался свежих сил от родной земли.

Он сам говорил, что, несмотря ни на что, в деревне «хотя невольно, он все-таки отдыхает от прежнего шума и волнений, с музой живет в ладу и трудится охотно и усердно».

Я был рожден для жизни мирной,
Для деревенской тишины:
В глуши звучнее голос лирный,
Живее творческие сны.

Обосновавшись в Михайловском, Пушкин начал свои «Записки». Первое время стихов почти не писал — не мог. Не было душевного покоя, вдохновения.

Но он знал — вдохновение придет. И, обдумывая планы на будущее, просил брата и друзей присылать ему книг. Без книг он не мог ни жить, ни работать.

Книг требовалось множество, и притом самых разнообразных: поэма Баратынского «Эдда», альманах Дельвига «Северные цветы», альманах Рылеева и Бестужева «Полярная звезда», «Путешествие по Тавриде» Муравьева, «Жизнь Емельки Пугачева», «Историческое сухое известие о Стеньке Разине», «Библию, библию! и французскую непременно!», «Записки Фуше (отыщи, купи, выпроси, укради... и давай их мне сюда)», «Альманахов... в том числе Талию Булгарина», «Стихов, стихов, стихов!», «Разговоры Байрона!», «Сочинения Вальтера Скотта», «Книг, ради бога, книг!»

Книги присылали с каждой оказией, привозил из Петербурга михайловский приказчик Калашников. «Журналы будешь получать все», — обещал другу Дельвиг. Издатели считали за честь отправить Пушкину свои альманахи и журналы.

За два года ссылки книг у Пушкина накопилось столько, что после его отъезда их пришлось вывозить на нескольких телегах.

Пушкин шутил, что в Михайловском он перечитал двенадцать телег книг.

Между тем пришло вдохновение. Поэт закончил начатую в Одессе поэму «Цыганы», третью главу «Евгения Онегина». На столе его лежали тома «Истории государства Российского» Карамзина, летописи, старинные книги — он принялся за историческую трагедию «Борис Годунов» и, оставляя ее на время, писал четвертую главу своего романа в стихах. Над трагедией работал с увлечением. «У меня буквально нет другого общества кроме старушки-няни и моей трагедии; последняя подвигается, и я доволен этим».

Пушкин начинал свой рабочий день рано. Открывал одну из больших тетрадей в черном сафьяновом переплете и брался за перо. Он еще с Лицея любил писать «оглодками», которые с трудом держались в пальцах; и теперь перед ним на столе между тетрадями повсюду валялись коротенькие огрызки гусиных перьев.

Измаранные страницы с зачеркнутыми строками, с рисунками на полях... Они красноречиво рассказывают о большом труде поэта.

На одном листе дата «2 января 1826 года». В этот день Пушкин работал над IV главой «Онегина», над той самой строфой, где говорится о времяпрепровождении зимой в деревне:

Что делать, холодны прогулки,
Гулять, но все кругом голо...

Он писал, зачеркивал, опять писал:

В глуши что делать в это время?
Гулять, но голы все места,
Как лысое Сатурна[1] темя,
Как крепостная нищета.

Пушкин работал одновременно в нескольких тетрадях, набрасывал, изменял. Искал и находил те самые точные слова, те образы, которые лучше всего выражали его мысли и чувства. И лишь найдя, — переписывал набело.

В глуши что делать в эту пору?
Гулять? Деревня той порой
Невольно докучает взору
Однообразной наготой.

Начав писать с утра, Пушкин нередко работал весь день, то сидя за столом, то лежа в постели. Случалось, брался за перо и ночью. «Коли дома, так вот он тут, бывало, книги читал, и по ночам читал: спит, спит, да и вскочит, сядет писать; огонь у него тут беспереводно горел», — вспоминал михайловский кучер Петр Парфенов.

За два года ссылки в скромном домике над Соротью были написаны трагедия «Борис Годунов», центральные главы романа «Евгений

[1] Сатурн — в древнеримской мифологии бог плодородия и времени.

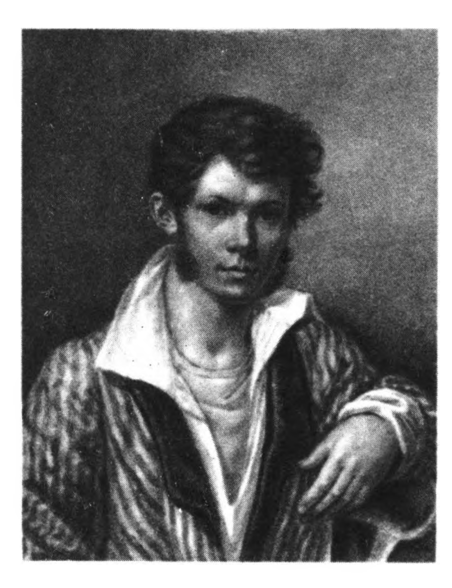

Рабочая тетрадь Пушкина с черновиками IV главы романа «Евгений Онегин».

Онегин» (III—VI), поэма «Граф Нулин», десятки лирических стихотворений. Среди них — «Вакхическая песня» и «А. П. Керн» («Я помню чудное мгновенье»), «Зимний вечер», «Жених», «Андрей Шенье», «Песни о Стеньке Разине». Всего более ста художественных произведений.

П. А. Плетнев.
Акварель неизвестного художника.

П. А. Вяземский.
Акварель И. Зонтаг.

В Михайловском Пушкин написал множество писем. Сохранилось их около ста двадцати, но было гораздо больше.

Поэт переписывался с братом Львом, В. А. Жуковским, П. А. Вяземским, педагогом и литератором П. А. Плетневым, А. А. Дельвигом, И. И. Пущиным, слепым поэтом И. И. Козловым, знаменитым переводчиком «Илиады» — Н. И. Гнедичем, поэтом Н. М. Языковым, писателями-декабристами, издателями альманаха «Полярная звезда» К. Ф. Рылеевым и А. А. Бестужевым, издателем журнала «Московский телеграф» Н. А. Полевым и многими другими.

Письма друзей вместе с газетами и журналами доносили в глухое Михайловское горячее дыхание жизни — литературные новости, политические известия. Как радовал Пушкина каждый конверт со знакомым почерком, с каким нетерпением пробегал он глазами короткие страницы! И охотно отвечал.

О своих невзгодах писал он сдержанно, скупо. «О моем житье-бытье ничего тебе не скажу — скучно вот и все» (П. А. Вяземскому, начало октября 1824 года).

Он не жаловался, а возмущался, негодовал: «Видел ли ты Николая Михайловича [Карамзина]? идет ли вперед История? где он остановился? Не на избрании ли Романовых? Неблагодарные! 6 Пушкиных подписали избирательную грамоту! да двое руку приложили за неумением писать! А я, грамотный потомок их, что я? где я...» (А. А. Дельвигу, июнь 1825 года).

Собственные горести не засло-

няли от Пушкина несчастий и горестей других. «Не знаю, получил ли ты очень нужное письмо, — спрашивал он в первом письме из Михайловского у Жуковского, — на всякий случай повторяю вкратце о деле, которое меня задирает заживо. 8-летняя Родоес Сафианос, дочь грека, падшего в Скулянской битве героя, воспитывается в Кишиневе... Нельзя ли сиротку приютить?» И через месяц, 29 ноября: «Что же, милый? Будет ли что-нибудь для моей маленькой гречанки? Она в жалком состоянии, а будущее для нее еще жалчее. Дочь героя, Жуковский!»

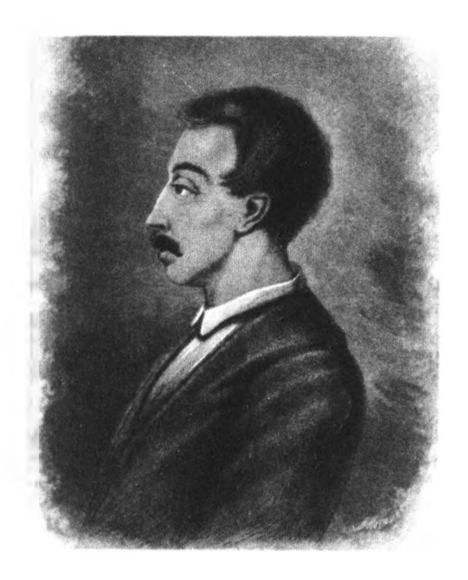
Сам «ссылочный невольник», Пушкин с волнением думает о бедствиях, которые принесло простому люду ужасное петербургское наводнение 1824 года. «Этот потоп с ума мне нейдет... — пишет он брату Льву. — Если тебе вздумается помочь какому-нибудь несчастному, помогай из Онегинских денег. Но прошу, без всякого шума».

А сколько теплоты и нежности в его письмах к друзьям и к сестре. «Милая Оля, благодарю за письмо, ты очень мила, и я тебя очень люблю, хоть этому ты и не веришь... Няня исполнила твою комиссию, ездила в Святые Горы... Она целует тебя и я тоже».

В письмах к брату — «смешному юнцу» — серьезное перемежается с шутками: «Печатай, печатай Онегина и с Разговором. Обними Плетнева и Гнедича... Будет ли картинка у Онегина? что делают Полярные господа? что Кюхля?..» Адрес: «Льву Сергеевичу Пушкину в собственные лапки».

В. А. Жуковский.
Гравюра Т. Райта.

В. К. Кюхельбекер.
Гравюра И. Матюшина.

К. Ф. Рылеев.
Рисунок О. Кипренского.

А. А. Бестужев.
Акварель неизвестного художника.

Но главное в письмах Пушкина — это русская литература.

Письма к Вяземскому, Плетневу, Катенину, Рылееву и Бестужеву почти сплошь о литературе. «Благодарю тебя за *ты* и за письмо... Жду Полярной Звезды с нетерпением... Бестужев пишет мне много об Онегине — скажи ему, что он не прав: ужели хочет он изгнать все легкое и веселое из области поэзии?» (К. Ф. Рылееву, 25 января 1825 года).

И как бы хотелось Пушкину поговорить с Бестужевым лично. «Ах! Если б заманить тебя в Михайловское!..» (А. А. Бестужеву, 24 марта 1825 года).

Много в письмах критических замечаний о произведениях друзей: «Духом прочел [оба действия] «Духов», — пишет Пушкин Кюхельбекеру о его комедии. — Нужна ли тебе моя критика?.. *Сир*[1] слово старое. Прочтут иные *сыр*... Пас стада главы моей (вшей?)... О стихосложении скажу, что оно небрежно, не всегда натурально, выражения не всегда точно русские».

В письмах Пушкин спорит: «*У нас есть критика, а нет литературы.* Где же ты это нашел? — спрашивает он Бестужева, — имянно критики у нас и недостает... Мы не имеем ни единого комментария, ни единой критической книги. Мы не знаем, что такое Крылов, Крылов, который [в басне] столь же выше Лафонтена, как Державин выше Ж. Б. Руссо».

В письмах Пушкин борется, посылая для журналов свои острые

---

[1] Сир — господин.

эпиграммы, направленные против журнальных мух и комаров, унылых поэтических кукушек, чадящих курилок.

Как! жив еще Курилка журналист? —
— Живехонек! все также сух и скучен
И груб, и глуп, и завистью размучен,
Все тискает в свой непотребный лист
И старый вздор и вздорную новинку.

Издания, в которых печатались произведения Пушкина в 1825—1826 годах.

«Фу! надоел Курилка журналист!
Как загасить вонючую лучинку?
Как уморить Курилку моего?
Дай мне совет. — Да... плюнуть на него.

Вот тебе требуемая эпиграмма на Каченовского, перешли ее Вяземскому» (Л. С. Пушкину, май 1825 года).

Гонители Пушкина просчитались. И в глухой деревне связь поэта с друзьями не прервалась, слава не потускнела, влияние на умы не уменьшилось.

Пушкин печатался в лучших изданиях Москвы и Петербурга. «Брат

Лёв и брат Плетнёв» издавали в Петербурге главы «Онегина», сборник «Стихотворения Александра Пушкина».

Теперь не он искал издателей, а издатели искали его. Недаром в стихотворении «Разговор книгопродавца с поэтом», который печатался как предисловие к первой главе «Евгения Онегина», книгопродавец обращается к поэту:

Поэма, говорят, готова
Плод новых умственных затей,
Итак, решайте; жду я слова:
Назначьте сами цену ей.

Так и было в действительности. Пушкин писал Вяземскому: «Сленин мне предлагает за Онегина сколько я хочу».

Сленин был известным петербургским книгопродавцом и издателем.

Сбылась, наконец, давнишняя мечта Пушкина добиться материальной независимости, освободиться от опеки отца, жить своим трудом. Он был первым русским поэтом, который существовал на литературные гонорары. Не разбогател, не стал помещиком, но, по шутливому выражению Вяземского, заимел «деревеньку на Парнасе». С нее собирал поэтический оброк и этим жил. Зная скупость отца, давал деньги брату. «Скажи Плетневу, — писал он Дельвигу, — чтобы он Льву давал из моих денег на орехи».

Публика с величайшим нетерпением ждала новых стихов Пушкина. Он знал об этом. В «Разговоре книгопродавца с поэтом» книгопродавец уговаривает поэта поскорее передать ему для печати стихи.

Что ж медлить? уж ко мне заходят
Нетерпеливые чтецы;
Вкруг лавки журналисты бродят,
За ними тощие певцы:
Кто просит пищи для сатиры,
Кто для души, кто для пера;
И признаюсь — от вашей лиры
Предвижу много я добра.

Что же касается добра, которого ждали от Пушкина, то Рылеев писал в Михайловское: «На тебя устремлены глаза России; тебя любят, тебе верят, тебе подражают. Будь Поэт и гражданин».

Это было написано за месяц до восстания декабристов. И, склонившись над рукописями «Бориса Годунова» и «Онегина», над «Андреем Шенье» и «Пророком», — рисуя широкую картину современной русской жизни, воскрешая далекое прошлое, создавая чеканные строки о высоком назначении писателя, — Пушкин помнил завет друга — был Поэтом и Гражданином.

„Мой первый друг, мой друг бесценный"

В декабре 1824 года на вечере у московского генерал-губернатора князя Голицына встретились два коренных петербуржца. Один осанистый, в летах — Александр Иванович Тургенев, — приехал в Москву ненадолго. Другой молодой, стройный, с открытым привлекательным лицом — Иван Иванович Пущин, — служил в это время в Москве. Увидев Тургенева, Пущин подсел к нему и спросил:

— Нет ли каких поручений к Пушкину? Скоро я буду у него.

Он знал доброе отношение Александра Ивановича к своему лицейскому другу.

Тургенев помрачнел:

— Как? Вы хотите к нему ехать? Разве вы не знаете, что он под двойным надзором — и полицейским и духовным?

— Все знаю; но знаю также, что нельзя не навестить друга после пятилетней разлуки в теперешнем его положении.

— Не советовал бы; впрочем, делайте как знаете.

На следующий день Иван Пущин (он выхлопотал отпуск на 28 дней) выехал из Москвы. План у него был такой — ехать в Петербург к отцу, затем в Псков к сестре, а от нее хоть на один день к Пушкину.

Давно хотелось Пущину навестить своего опального друга, поддержать его в трудную минуту. И, не слушая предостережений, он решил во что бы то ни стало осуществить свое намерение.

Пушкин был ему бесконечно дорог. С детских лет они любили друг друга, и эту привязанность сохранили навсегда. То, что оба — каждый по-своему — служили делу освобождения народа, сближало особенно. Пушкин называл Пущина «мой Пущин», «друг сердечный» и говорил: «Кто любит Пущина, тот непременно сам редкий человек». И сам всем сердцем любил своего Пущина, с его благородной душой, добрым, открытым характером, мужеством и волей.

Побывав в Петербурге, погостив несколько дней в Пскове, десятого января 1825 года вечером выехал Пущин со своим слугой Алексеем на Остров. Кони бежали резво, снег скрипел под полозьями, дробно брякал колокольчик, а Пущину все казалось, что не скоро едут.

Ночью в городе Острове выскочил он из саней, купил три бутылки шампанского, крикнул ямщику:

— Гони!

И опять поскакали.

На другой день ранним утром, увязая в сугробах, добрались до Михайловского. Миновали сосновый бор. По занесенной еловой аллее кони вынесли на усадьбу, пронесли мимо крыльца и застряли в снегу.

И. И. Пущин.
Акварель Д. Соболевского. 1825 год.

Пушкин знал из писем, что собираются к нему друзья, но вот Пущина не ждал.

Когда утром сквозь сон услышал, что звенит колокольчик, — не поверил. Думал, чудится.

Снова звякнуло. Еще, еще... Сердце бешено заколотилось. Не помня себя, босиком, в одной рубашке выбежал Пушкин на крыльцо. Кто-то высокий, румяный, в тяжелой медвежьей шубе вылез из саней, схватил его в охапку, потащил в дом. Пущин! Жано!

На шум прибежала Арина Родионовна. Видит, Александр Сергеевич босиком, неодетый, с ним незнакомец в шубе. Смотрят друг на друга, целуются, молчат. Няня поняла: приехал друг — и кинулась к Пущину.

Спокойная беседа началась за кофе и трубками. Пущин расположился в удобном кресле. Пушкин не мог усидеть от радости. Его обычная живость проявлялась во всем. Вспоминали Лицей, Петербург, шутили, смеялись от полноты души.

Мы вспомнили, как Вакху в первый раз
Безмолвную мы жертву приносили,

Мы вспомнили, как мы впервой любили,
Наперсники, товарищи проказ...

Первая жертва Вакху, о которой со смехом вспоминали друзья, была одной из лицейских проказ — нашумевшая история с гогель-могелем. Дело было так: воспитанники Пущин, Пушкин и Малиновский упросили служителя дядьку Фому раздобыть для них яиц, сахару, бутылку рому. Им хотелось полакомиться гогель-могелем. Когда все было куплено, притащили кипящий самовар и принялись за работу.

Отведать напиток пригласили других лицеистов.

Все удалось на славу. Но вдруг в разгар веселья явился дежурный гувернер. Начались расспросы. Зачинщики признались. Доложили директору и самому министру просвещения. Начальство вынесло решение: Фому уволить, а трем провинившимся в течение двух недель выстаивать на коленях вечернюю молитву. По этому поводу неугомонный Пушкин сказал экспромт:

Мы недавно от печали,
Пущин, Пушкин, я, барон,
По бокалу осушали,
И Фому прогнали вон.

Предполагалось, что экспромт говорится от имени Малиновского, так как, по словам Пущина, «его фамилии не вломаешь в стих. Барон — для рифмы, означает Дельвига».

Сидя перед камином в деревенском кабинете поэта, бывшие лицеисты вспоминали беспечные дни юности...

Но Пушкину было мало воспоминаний. Он хотел знать, где теперь остальные товарищи. Он заставил Пущина рассказать обо всех. Кюхля и Дельвиг — один в Москве, другой в Петербурге; оба литераторы, пишут, издают альманахи. Матюшкин недавно возвратился в Петербург из четырехлетней экспедиции к берегам Камчатки и снова собирается в кругосветное плавание. Яковлев — по-прежнему служит в Петербурге. Вальховский, Малиновский, Данзас — офицеры, Горчаков — в Лондоне, первый секретарь русского посольства.

А сам Пущин? Как случилось, что из гвардейского офицера превратился он в судью?

Пущин невольно улыбнулся. Сколько уже раз отвечал он на подобные вопросы. Первое объяснение выдержал с родными. Они были в ужасе. Сестры на коленях умоляли не позорить семью, не губить карьеру. В свете изумлялись: внук адмирала, сын генерала, воспитанник императорского Лицея вдруг вышел из гвардии и стал каким-то судьей! Взбунтовавшиеся мужики, поджигатели, убийцы, воры — малоподходящее общество для родовитого дворянина...

Вскоре по приезде Пущина в Москву произошел такой случай.

А. С. Пушкин.
Гравюра Н. Уткина с портрета работы О. Кипренского. 1827 год.

Пущин танцевал на балу с дочерью генерал-губернатора. Один из московских «тузов», князь Юсупов, знавший всех наперечет, спросил:

— Кто этот молодой человек?

— Надворный судья Иван Пущин.

— Как! — воскликнул Юсупов. — Надворный судья танцует с дочерью генерал-губернатора? Это вещь небывалая. Тут кроется что-нибудь необыкновенное.

Князь не ошибся. Иван Пущин действительно принадлежал к числу тех необыкновенных людей, которых вскоре назвали декабристами.

Декабристы знали: в судах повсюду лихоимство, подкупы, взятки.

Простому человеку там не найти справедливости. И шли служить туда, чтобы помочь народу.

Хотя рассказ Пущина о себе был сдержан и краток, Пушкин понял все. Он гордился другом.

Незаметно заговорили о тайном обществе. И тут впервые Пушкин точно узнал, что тайное общество существует.

Пущин сказал:

— Не я один поступил в это новое служение отечеству.

Поэт вскочил со стула. Тайное общество существует!.. Значит, сходки в Петербурге у Муравьева и Долгорукова, таинственные съезды на Украине в Каменке у Давыдовых, непонятный арест майора Владимира Федосеевича Раевского — все это звенья одной цепи?..

Пущин молчал... Пушкин не стал расспрашивать, крепко, без слов обнял друга.

Пушкин и Пущин в Михайловском.
Картина Н. Ге. 1875 год.

Кроме писем и приветов, Пущин привез новинку — запрещенную комедию Грибоедова «Горе от ума». Пушкину не терпелось прочитать ее вслух. Пообедали и начали. Но читал поэт недолго.

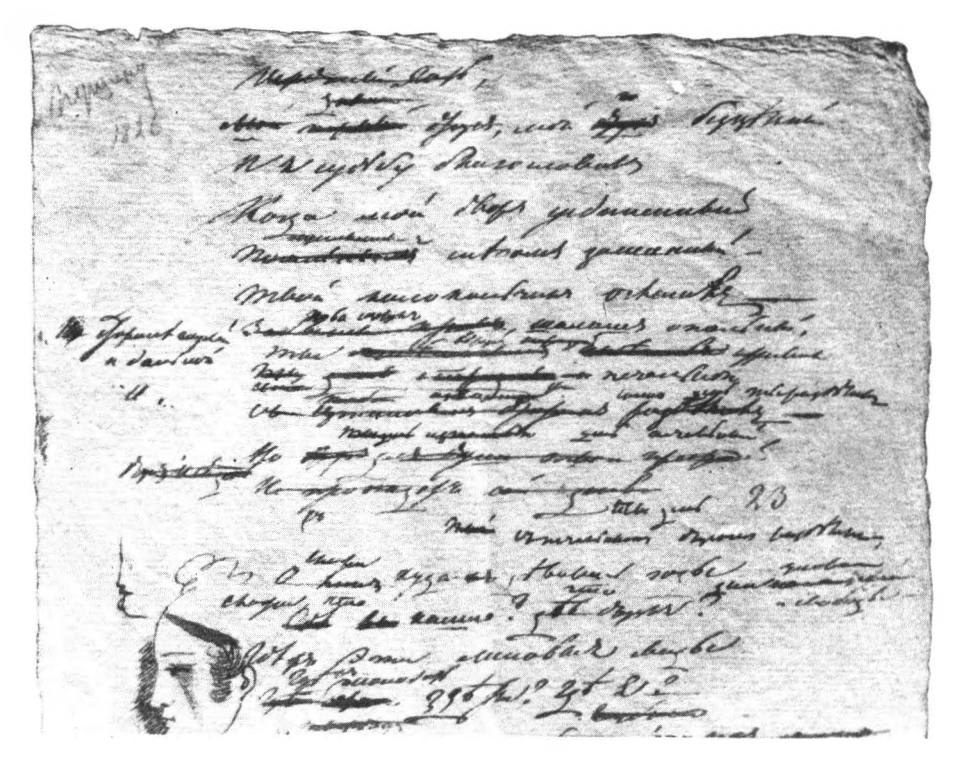
Кто-то подъехал к крыльцу. Пушкин глянул в окно, смутился, торопливо раскрыл лежащие на столе Четьи-Минеи — «Жития святых».

«Что случилось?» — хотел спросить Пущин, но не успел.

В комнату вошел плотный рыжеватый монах невысокого роста. Это был настоятель Святогорского монастыря игумен Иона. Ему уже донесли, что в Михайловском гость.

— Узнавши вашу фамилию, — сказал он Пущину, — ожидал я найти знакомого мне генерала Павла Сергеевича Пущина, уроженца великолуцкого, ан ошибся.

Монах явно хитрил. Поразведав все о госте, выпив всласть чаю с ромом, он, наконец, распрощался.

«Мой первый друг. . .»
Автограф.

— Это я накликал, — огорченно сказал Пущин.

— Перестань, любезный друг. Он бывает у меня, я поручен его наблюдению. Что говорить об этом вздоре!

Монах ушел, и чтение возобновилось. Когда кончили «Горе от ума», Пушкин раскрыл свою черную тетрадь со стихами.

Время шло за полночь. Близилась разлука. Подали закусить. Из последней бутылки шампанского вылетела пробка.

Через много лет Пущин вспоминал свой отъезд из Михайловского: «Ямщик уже запряг лошадей, колоколец брякал у крыльца, на часах ударило три. Мы еще чокнулись стаканами, но грустно пилось: как будто чувствовалось, что последний раз вместе пьем, и пьем на вечную разлуку! Молча я набросил на плечи шубу и убежал в сани. Пушкин еще что-то говорил мне вслед; ничего не слыша, я глядел на него: он остановился на крыльце, со свечой в руке. Кони рванули под гору. Послышалось: «Прощай, друг!» Ворота скрыпнули за мною...»

Пушкин остался один. Но долго согревал ему душу день, проведенный с другом, вспоминалась их беседа.

...Поэта дом опальный,
О Пущин мой, ты первый посетил;
Ты усладил изгнанья день печальный,
Ты в день его Лицея превратил.

Вскоре тяжелые испытания выпали и на долю Пущина — разгром восстания декабристов, заключение в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях, каторга — Сибирь. В начале января 1828 года «государственного преступника» Ивана Ивановича Пущина привезли в читинский острог. В этот же день его подозвала к частоколу жена декабриста Никиты Муравьева и протянула листок бумаги со стихами, переписанными неизвестной рукой:

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.
Молю святое провиденье:
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье,
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней.

Псков, 13 декабря 1826.

«Пушкин первый встретил меня в Сибири задушевным словом», — вспоминал Пущин. И в далекой Сибири, у острожного частокола, ему представилось занесенное снегом Михайловское, радость встречи и счастливая улыбка друга.

„Мочи нет, хочется Дельвига“

После отъезда Пущина Пушкин с нетерпением ждал другого своего близкого друга — Антона Антоновича Дельвига.

Дельвиг обещал побывать в Михайловском в начале 1825 года. В феврале и марте Пушкин почти в каждом письме писал о нем брату Льву: «Дельвига с нетерпением ожидаю», «Мочи нет, хочется Дельвига», «Дельвига здесь еще нет»...

Вскоре сроки прошли.

Пушкин не знал, что и думать. До него доходили слухи, что Дельвиг уехал к родным в Белоруссию и там заболел.

Пушкин взял большой лист бумаги, написал на нем четыре слова: «Дельвиг, жив ли ты?» и отправил в Витебск. Ответа не последовало.

Вдруг в конце марта пришло письмо из Витебска: «Милый Пушкин, — писал Дельвиг, — вообрази себе, как меня судьба отдаляет от Михайловского. Я уж был готов отправиться... к тебе, как вдруг приезжает ко мне отец и берет меня с собою в Витебск. Отлагаю свидание наше до 11-го марта, и тут вышло не по-моему. На четвертый день приезда моего к своим попадаюсь в руки короткой знакомой твоей, в руки Горячки... Теперь выздоравливаю и собираюсь выехать из Витебска в четверг... следственно в субботу у тебя буду».

В начале апреля Дельвиг был уже в Михайловском. Он провел с другом несколько дней.

Пушкин был счастлив. «Никто на свете, — говорил он, — не был мне ближе Дельвига». Дружба их началась еще в Лицее. Живой, впечатлительный, непоседливый Саша Пушкин и «ленивец сонный», медлительный увалень Тосенька Дельвиг... Оба писали стихи, оба горячо любили поэзию.

С младенчества дух песен в нас горел,
И дивное волненье мы познали;
С младенчества две музы к нам летали...

В Лицее Дельвиг воспел их сердечную дружбу. Он, юноша-лицеист, гордился тем, что первый услышал поэтический голос Пушкина:

Я Пушкина младенцем полюбил,
С ним разделял и грусть и наслажденье,
И первый я его услышал пенье...

С годами они стали еще ближе. Когда Пушкин уезжал из Петербурга на юг, в свою первую ссылку, его провожали друзья — Дельвиг и брат лицеиста Яковлева Павел. Расставшись с Пушкиным, тоскуя

А. А. Дельвиг.
Рисунок В. Лангера. 1830 год.

о нем, Дельвиг написал свою знаменитую песню «Соловей, мой соловей, голосистый соловей». Современник рассказывает, что «...под словом «соловей» барон Дельвиг разумел нашего бессмертного поэта».

Пять лет прошло с той поры; и вот они снова вместе. Пушкин не мог наглядеться на друга. Все в нем ему нравилось — высокий лоб, мягкие черты лица, добрые глаза за стеклами очков, веселость и ум, беспечность и лень.

Свой день друзья начинали с литературных занятий. Дельвиг читал вторую главу «Онегина», сцены «Бориса Годунова». Вместе составляли первый сборник стихотворений Пушкина, обсуждали альманах Дельвига «Северные цветы», спорили о Державине.

Кончив занятия, переходили из кабинета в маленький зал. Несколько партий на бильярде, затем поздний обед.

Настанет вечер деревенский:
Бильярд оставлен, кий забыт,
Перед камином стол накрыт...

Обеды проходили весело, шумно, со стихами. Однажды Пушкин с Дельвигом сочинили шутливую элегию на смерть тетушки Пушкина — Анны Львовны. Сочинили, чтобы подшутить над дядей поэта — Василием Львовичем, который посвятил памяти своей покойной сестры чувствительное до приторности стихотворение. Так родилась в Михайловском эта поэтическая шалость:

Ох, тетенька! ох, Анна Львовна,
Василья Львовича сестра!
Была ты к маменьке любовна,
Была ты к папеньке добра...
Давно ли с Ольгою Сергевной,
Со Львом Сергеичем давно ль,
Как бы на смех судьбине гневной,
Ты разделяла хлеб да соль.
Увы! зачем Василий Львович
Твой гроб стихами обмочил,
Или зачем подлец попович
Его Красовский [1] пропустил.

Иногда вечерами Пушкин и Дельвиг отправлялись вместе в Тригорское, к «царицам гор» — так шутливо прозвал Дельвиг П. А. Осипову и ее дочерей.

«Наши барышни все в него влюбились — а он равнодушен, как колода, любит лежать на постели, восхищаясь «Чигиринским старостою», — писал Пушкин о Дельвиге брату.

«Смерть Чигиринского старосты»— отрывок из неоконченной поэмы Рылеева «Наливайко». Этот и еще два отрывка из «Наливайко», напечатанные в «Полярной звезде» за 1825 год, Пушкин и Дельвиг читали и обсуждали. Талантливая поэма Рылеева накануне восстания декабристов приобретала особый смысл. Стихи ее звучали пророчески:

Известно мне: погибель ждет
Того, кто первый восстает
На утеснителей народа, —
Судьба меня уж обрекла.
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода!

Такие стихи не могли не волновать.

В Петербурге еще до ссылки Пушкина Дельвиг вел «...очень опас-

[1] Красовский — цензор; сын священника.

ные для него разговоры». Немало «опасных разговоров» велось, конечно, и в Михайловском. Недаром так встревожился Пушкин, когда вскоре одно из писем Дельвига не доставили в Михайловское: «...Я чрезвычайно за тебя беспокоюсь, — писал он другу, — не сказал ли ты чего-нибудь лишнего или необдуманного; участие дружбы можно перетолковать в другую сторону — а я боюсь быть причиной неприятностей для лучших из друзей моих».

Дельвиг уехал из Михайловского в двадцатых числах апреля. Он увез с собою черную тетрадь с подготовленными к печати стихами Пушкина и вторую главу «Онегина».

Тепло и сердечно распростились друзья. Умчалась кибитка, замер вдали колокольчик...

Через полгода Пушкин в одиночестве праздновал 19 октября 1825 года — лицейскую годовщину. На дворе стояла осень.

Роняет лес багряный свой убор,
Сребрит мороз увянувшее поле,
Проглянет день как будто поневоле
И скроется за край окружных гор.
Пылай, камин, в моей пустынной келье;
А ты, вино, осенней стужи друг,
Пролей мне в грудь отрадное похмелье,
Минутное забвенье горьких мук.
Печален я: со мною друга нет.
С кем долгую запил бы я разлуку,
Кому бы мог пожать от сердца руку
И пожелать веселых много лет.
Я пью один: вотще воображенье
Вокруг меня товарищей зовет;
Знакомое не слышно приближенье,
И милого душа моя не ждет.

Один в своем деревенском кабинете, Пушкин с любовью и благодарностью вспоминал недавний приезд в Михайловское Дельвига, проведенные вместе с ним отрадные дни:

Когда постиг меня судьбины гнев,
Для всех чужой, как сирота бездомный,
Под бурею главой поник я томной
И ждал тебя, вещун пермесских дев [1],
И ты пришел, сын лени вдохновенный,
О Дельвиг мой: твой голос пробудил
Сердечный жар, так долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословил.

---

[1] Вещун пермесских дев — служитель муз, поэт.

„Проселочной дорогой мы встретились...“

В этом же 1825 году Пушкину суждено было свидеться еще с одним лицейским товарищем, встретить которого в деревенской глуши он никак не ожидал.

В конце августа Пушкин услышал в Тригорском, где частенько бывали окрестные помещики, что в Лямоново к Пещурову приехал повидаться племянник — молодой князь Горчаков. По дороге князь простудился и теперь лежит в постели. «Горчаков! Наш лицейский!» Пушкин тотчас же решил отправиться в Лямоново.

От Михайловского до имения предводителя дворянства насчитывалось верст шестьдесят. И пока Пушкин ехал по тряской ухабистой дороге в сторону Опочки, у него было время вспомнить о былом.

Он и Горчаков никогда особенно не дружили. Горчаков в Лицее вообще ни с кем не дружил, почитал себя много выше всех остальных. Он был очень хорош собою, с быстрым умом и блестящими способностями. Но его не любили. Непомерное тщеславие, заносчивость, спесь отталкивали товарищей. Горчаков во что бы то ни стало хотел сравняться с Вольховским и стать первым учеником. И добился своего. Правда, ценою великих усилий. Когда к делу примешивалось честолюбие, он не щадил своих сил.

После Лицея Горчакова, как и Пушкина, зачислили в Коллегию иностранных дел. При помощи Пещурова, своего влиятельного дядюшки, молодой дипломат начал быстро взбираться по ступенькам служебной лестницы, стал завсегдатаем высшего света, «питомцем мод». Пушкин писал ему:

И ты на миг оставь своих вельмож
И тесный круг друзей моих умножь,
О ты, харит любовник своевольный,
Приятный льстец, язвительный болтун.

Но «приятный льстец» не склонен был последовать дружескому совету. У него была своя цель, резко отличная от стремлений Пушкина — он делал карьеру.

Их пути разошлись. Пушкина из Петербурга отправили в ссылку. Горчаков уехал за границу с дипломатическими поручениями.

Нет, они никогда не дружили. Они были слишком разные. Но еще с лицейских лет их влекло друг к другу взаимное любопытство незаурядных людей. И теперь, узнав, что Горчаков в Лямонове, Пушкин ехал туда.

Имение опочецкого предводителя дворянства одно из самых богатых и красивых в округе. Обширный парк, большой каменный дом...

На первых порах отношение Пушкина к Пещурову, навязанному ему в «опекуны», было крайне неприязненным. «Пещуров, назначенный

за мною смотреть, — писал Пушкин Жуковскому, — имел бесстыдство предложить отцу моему должность распечатывать мою переписку, короче — быть моим шпионом».

Но постепенно отношения улучшались, и михайловский кучер Петр рассказывал: «Пещурова-то он хорошо принимал». Человек светский, ловкий, Пещуров свой приезд обставлял как обыкновенный визит. Пушкина знал он давно. Племянник в лицейских письмах постоянно рассказывал о первом лицейском поэте, присылал его стихи. Пещуров присутствовал на выпускном лицейском акте.

И еще одно обстоятельство смягчило отношения. В Кишиневе Пушкин часто бывал в семействе бессарабского вице-губернатора Крупенского. Жена Крупенского Екатерина Христофоровна приходилась жене Пещурова родной сестрой.

Пушкину нравился хлебосольный дом Крупенских и забавляло

Лямоново.
Рисунок К. Крыжицкого. 1898 год.

А. Н. Пещуров.
Акварель П. Соколова. 20-е годы XIX века.

то, что у хозяйки дома было в лице что-то общее с ним. «Пушкин бывало нарисует Крупенскую — похожа; расчертит ей вокруг волоса,— выйдет сам он; потом на эту же самую голову накинет карандашом чепчик — опять Крупенская».

В семействе Крупенских воспитывалась и маленькая Родоес Сафианос, сирота гречанка, позаботиться о судьбе которой Пушкин просил Жуковского.

Отношения с Пещуровым сгладились и потому, что «опекун» не слишком притеснял своего подопечного. По словам Александра Горча-

А. М. Горчаков.
Акварель неизвестного художника. 20-е годы XIX века.

кова, его дядюшка взялся наблюдать за Пушкиным из самых добрых побуждений. К ссыльному поэту — рассказывал Горчаков — собирались приставить полицейского чиновника. Но по ходатайству Пещурова решение отменили и отдали Пушкина ему на поруки.

Пушкин застал Горчакова в постели. Вид у больного был томный и рассеянный. После Европы, Англии, чистеньких немецких курортов, где молодой дипломат восстанавливал несколько расстроенное здоровье, псковская деревня показалась ему особенно неопрятной и дикой. С видом мученика принимал он раболепные услуги дворни, заботы

дядюшки и тетушки и смертельно скучал. Он вообще не любил деревни. Неожиданный приезд Пушкина оказался как нельзя более кстати.

Горчаков искренне обрадовался. У Пушкина в душе шевельнулось что-то теплое, лицейское. Они обнялись.

Взаимные расспросы затянулись надолго. Пушкин привез с собой тетрадь со сценами «Бориса Годунова» и прочитал их Горчакову. Тому не понравилось слово «слюни».

— Вычеркни, братец, эти слюни!— сказал он Пушкину. — Ну к чему они тут?

— А посмотри, у Шекспира не такие еще выражения попадаются, — возразил ему Пушкин.

— Да, но Шекспир жил не в девятнадцатом веке и говорил языком своего времени.

Пушкин не стал спорить. У него были свои понятия об языке исторической драмы. А поучающий тон Горчакова его неприятно задел. Горчаков, сам того не замечая, держался покровительственно. В свои двадцать семь лет он был уже надворным советником, камер-юнкером, кавалером орденов Владимира IV степени и Анны II степени, первым секретарем русского посольства в Лондоне... Он упивался своими успехами и значительностью своей персоны.

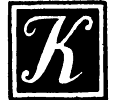
Пушкин приехал в Лямоново утром, уехал вечером. Расстались сдержанно. Вскоре в письме к Вяземскому Пушкин рассказывал: «Горчаков мне живо напомнил Лицей, кажется, он не переменился во многом — хоть и созрел и следственно подсох». И еще: «Горчаков доставит тебе мое письмо. Мы встретились и расстались довольно холодно — по крайней мере с моей стороны. Он ужасно высох... От нечего делать я прочел ему несколько сцен из моей комедии».

Пушкин имел в виду душевную сухость, которой Горчаков отличался еще в юности.

Празднуя в одиночестве лицейскую годовщину, 19 октября 1825 года, вспоминая недавние встречи с лицейскими товарищами, Пушкин нашел и для Горчакова теплые, снисходительные слова. Он, как говорится, не хотел испортить песню. Как-никак, а Горчаков был лицейский... Он изобразил его таким, каким бы хотел видеть.

Ты, Горчаков, счастливец с первых дней,
Хвала тебе — фортуны блеск холодный
Не изменил души твоей свободной:
Все тот же ты для чести и друзей.
Нам разный путь судьбой назначен строгой;
Ступая в жизнь, мы быстро разошлись:
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встретились и братски обнялись.

„Она единственная моя подруга“

аждый день, просыпаясь поутру, Пушкин слышал осторожные шаркающие шаги в коридоре. «Мамушка...» — думал он с нежностью, и легче становилось на сердце. Он не один. Есть у него друг — его старая няня Арина Родионовна. Она с ним как в детстве.

Детство... Для него это была невеселая пора. Он казался странным ребенком. Родители явно предпочитали ему младшего Левушку. Только с ней, «доброй подружкой» его «бедной юности», да с бабушкой Марией Алексеевной связаны светлые детские воспоминания.

Ах, умолчу ль о мамушке моей,
О прелести таинственных ночей,
Когда в чепце, в старинном одеянье,
Она, духов молитвой уклоня,
С усердием перекрестит меня
И шепотом рассказывать мне станет
О мертвецах, о подвигах Бовы...
От ужаса не шелохнусь бывало,
Едва дыша, прижмусь под одеяло,
Не чувствуя ни ног, ни головы.

С той далекой поры няня стала для Пушкина родной, близкой. Но лишь нынче в Михайловском он оценил ее вполне. Правда, она уже не звала его Сашей, величала Александром Сергеевичем, но любила по-прежнему, а может быть, и больше. Она понимала: ему тяжело — ссылка, одиночество, «бешенство скуки». И, как умела, старалась успокоить, подбодрить.

Бывало,
Ее простые речи и советы
И полные любови укоризны
Усталое мне сердце ободряли
Отрадой тихой...

Из близких ему людей Пушкин больше всего любил сестру Ольгу и няню.

Когда михайловского кучера Петра Парфенова спросили, правда ли, что Александр Сергеевич очень любил свою няню, тот ответил: «Арину-то Родионовну? Как же еще любил-то, она у него тут вот и жила. И он все с ней, коли дома. Чуть встанет, утром, уж и бежит ее глядеть: «Здорова ли, мама?» — он ее все *мама* называл. А она ему, бывало, эдак нараспев (она ведь из-за Гатчины была у них взята, с Суйды, там эдак все певком говорят): «Батюшка, ты за что меня все мамой зовешь, какая я тебе мать?» — «Разумеется, ты мне мать: не

Арина Родионовна, няня Пушкина.
Барельеф на кости работы Я. Серякова. Принадлежал М. Горькому и подарен им Пушкинскому дому Академии наук СССР.

то мать, что родила, а то, что своим молоком вскормила». И уж чуть старуха занеможет там, что ли, он уже все за ней...»

Простую дворовую женщину всякий мог обидеть. Но няня знала — Александр Сергеевич ей первый заступник. В хозяйственные дела он никогда не входил. Крестьяне говорили, что ему все равно «хошь мужик спи, хошь пей...» Но когда выяснилось, что наемная экономка Роза Григорьевна притесняет Арину Родионовну, сразу принял меры. «У меня произошла перемена в министерстве... — писал он брату. — Розу Григорьевну я принужден был выгнать... А то бы она уморила няню, которая начала от нее худеть».

Было тогда Арине Родионовне уже под семьдесят лет. По словам

Марии Ивановны Осиповой, «это была старушка чрезвычайно почтенная — лицом полная, вся седая, страстно любившая своего питомца».

В зимние месяцы Арина Родионовна жила в опустевшем господском доме. Комната ее находилась напротив кабинета Пушкина. В этой просторной комнате стояло множество пяльцев. Там под присмотром няни работали крепостные девушки-мастерицы: вышивальщицы, швеи.

В день своего приезда в Михайловское Пущин видел, как няня с чулком в руках важно расхаживала «среди молодой своей команды». Она следила, чтобы девушки выполняли «урок». Так заведено было еще при покойном барине Осипе Абрамовиче и с тех пор не менялось. Надежда Осиповна с легким сердцем оставляла на няню и дом, и мастериц.

Зимой темнело рано. Девушки-вышивальщицы расходились по домам. Тогда Арина Родионовна брала веретено или спицы и шла в кабинет к Александру Сергеевичу. Зимние вечера коротали они вместе.

Пушкин читал или ходил по комнате, слушая, как ветер завывает в трубе. Арина Родионовна пряла в сторонке. Свеча потрескивала на столе. Смутные тени метались по стенам. Пушкину казалось, что он один на всем белом свете. Он да няня. А там, за окном, снег, вой ветра, бесконечные просторы безмолвных полей. Тоска сжимала сердце...

Пушкин и Арина Родионовна в Михайловском.
Силуэт работы Н. Ильина. 1936 год.

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя.
То по кровле обветшалой
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.

Наша ветхая лачужка
И печальна, и темна.
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжаньем
Своего веретена?

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.
Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой по утру шла.

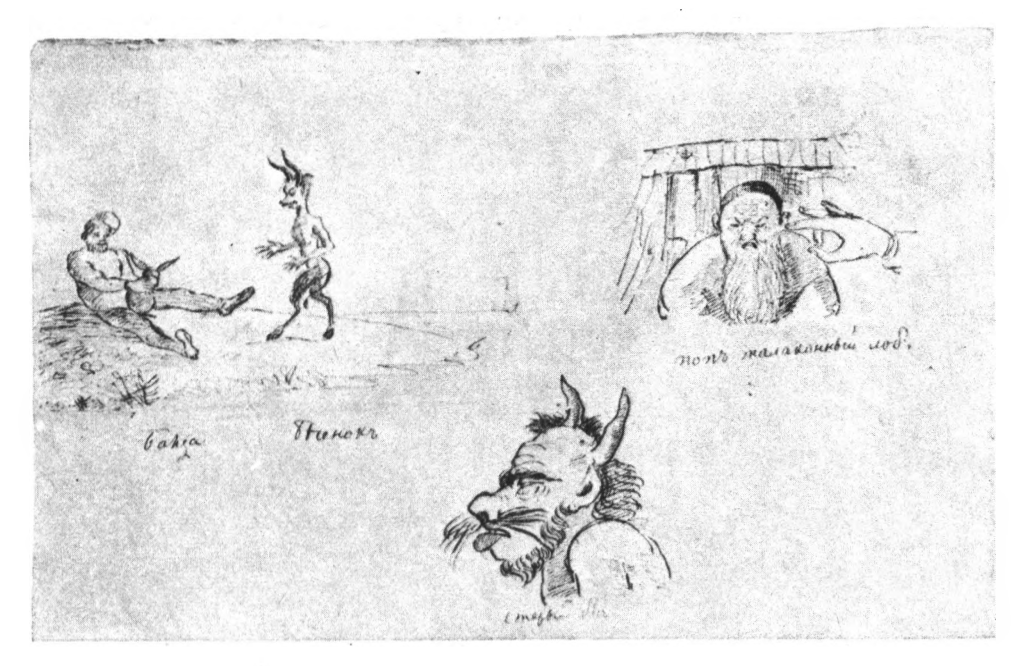
В долгие зимние вечера Арина Родионовна рассказывала Пушкину свои сказки, пела песни. Знала она их великое множество.

Мастерица ведь была
И откуда что брала.
А куды разумны шутки,
Приговорки, прибаутки,
Небылицы, былины
Православной старины!..
Слушать, так душе отрадно.
И не пил бы и не ел,
Все бы слушал да сидел.
Кто придумал их так ладно?

Рассказывала няня прекрасно. Все в семействе Пушкина удивлялись меткости ее языка, повторяли ее словечки. Для поэта она была сущий клад. В причудливом мире легенд и сказок чувствовала себя как дома. Повадки и хитрости домовых, леших, русалок, чертей, ведьм, Змея-Горыныча знала наперечет. Казалось, они ее близкие знакомые.

«Вечером слушаю сказки моей няни, оригинала няни Татьяны...— писал Пушкин одному из приятелей.— Она единственная моя подруга— и с нею только мне не скучно».

Пушкин пристраивался на лежанке, Арина Родионовна подсаживалась поближе и не спеша певучим говорком заводила сказку.

Рисунки Пушкина к «Сказке о попе и о работнике его Балде».

Когда бывало что-нибудь новое, особенно интересное, Пушкин раскрывал свою черную тетрадь, и рядом со строфами «Цыган», сценами «Бориса Годунова», главами «Онегина» появлялась запись: «Некоторый царь задумал жениться, но не нашел по своему нраву никого. Подслушал он однажды разговор трех сестер. Старшая хвалилась, что государство одним зерном накормит, вторая, что одним куском сукна оденет, третья, что с первого года родит 33 сына. Царь женился на меньшой...»

Это начало одной из записанных Пушкиным сказок.

Сохранились и другие: «Поп поехал искать работника. Навстречу ему *Балда*. Соглашается Балда идти ему в работники, платы требует только три щелка в лоб попу. Поп радехонек, попадья говорит: «Каков будет *щелк»*. Балда дюж и работящ, но срок уже близок, а поп начинает беспокоиться. Жена советует отослать Балду в лес к медведю будто бы за коровой. Балда идет и приводит медведя в хлев».

Пушкина восхищали разнообразие вымысла, поэтическое богатство этих творений простого народа. «Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!»

Он записывал их «впрок», чувствуя, что еще вернется к ним.

Народные сказки, записанные Пушкиным от Арины Родионовны в Михайловском.
Автограф.

И действительно вернулся. Через несколько лет, когда Арины Родионовны уже не было в живых, на основе своих записей Пушкин создал «Сказку о Царе Салтане», «Сказку о попе и о работнике его Балде», «Сказку о мертвой царевне и о семи богатырях». Одну из записей передал он В. А. Жуковскому, и тот написал стихотворную «Сказку о царе Берендее».

Частенько, принимаясь сказывать сказку, Арина Родионовна начинала с присказки. Присказок было множество. Но любимая была: «У моря лукоморья стоит дуб, а на том дубу золотые цепи, а по тем цепям ходит кот: вверх идет — сказки сказывает, вниз идет — песни поет».

Пушкин слушал эту присказку, и в той же тетради, где записывал нянины сказки, на обратной стороне обложки набросал несколько строк:

У лукоморья дуб зеленый:
Златая цепь на дубе том:
И днем и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом;
Идет направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит...

Это было начало знаменитого пролога к «Руслану и Людмиле». Весь пролог вошел во второе издание поэмы, напечатанное в 1828 году.

Любил поэт и песни Арины Родионовны — то веселые и бойкие, то протяжные, грустные. Особенно хороши были песни о народном герое, грозе бояр и воевод, удалом волжском атамане Степане Разине.

По указке царского правительства попы с амвонов проклинали «бунтовщиков» — Пугачева и Разина. А народ помнил и чтил своих заступников. И хоть слаб был старческий голос, негромко напевала Арина Родионовна, от песен ее о «хозяине» Стеньке Разине веяло силой молодецкой, удалью мужицкой, вольным простором.

Как на утренней заре, вдоль по Каме по реке,
Вдоль по Каме по реке легка лодочка идет,
Во лодочке гребцов ровно двести молодцов.
Посреди лодки хозяин Сенька Разин атаман...

Няня напевала, Пушкин записывал. Вскоре он сам создал три песни, героем которых был «грозен Стенька Разин». Подлинно народные и по содержанию и по форме, они во многом напоминают те, что слышал поэт от Арины Родионовны. Первая песня Пушкина о Степане Разине начинается так:

Как по Волге по реке, по широкой
Выплывает востроносая лодка,
Как на лодке гребцы удалые,
Казаки, ребята молодые.

На корме сидит сам хозяин,
Сам хозяин, грозен Стенька Разин.

Когда Пушкин хотел опубликовать свои песни, шеф жандармов Бенкендорф «разъяснил» ему: *«Песни о Стеньке Разине,* при всем поэтическом своем достоинстве, по содержанию своему не приличны к напечатанию».

Много песен, сказок и пословиц записал Пушкин от Арины Родионовны, от крестьян окрестных деревень.

Сорок девять песен передал он П. В. Киреевскому — одному из первых собирателей и знатоков русского фольклора. «Вот эту пачку, — рассказывал Киреевский, — дал мне сам Пушкин и при этом сказал:— Когда-нибудь от нечего делать разберите-ка, которые поет народ, и которые смастерил я сам! — И сколько ни старался я разгадать эту загадку, никак не мог сладить». Песни, собранные поэтом, вошли в знаменитое собрание русских песен Киреевского.

Пушкин очень высоко ценил народное творчество. Он был глубоко убежден, что «изучение старинных песен, сказок и т. п. необходимо для совершенного знания свойств русского языка».

В долгие деревенские вечера Пушкин не только слушал Арину Родионовну, но и сам читал ей многое из того, что сочинял.

Но я плоды моих мечтаний
И гармонических затей
Читаю только старой няне,
Подруге юности моей.

В скромной деревенской комнатке звучали «Зимний вечер», «Песни о Стеньке Разине», «Жених», строфы «Онегина», сцены «Бориса Годунова». С улыбкой слушала Арина Родионовна своего питомца, узнавала в его стихах и собственные рассказы, и (вот уж, право, чудо!) самое себя. Ведь няня Татьяны — Филипьевна, это точь-в-точь она: «с платком на голове седой старушка в длинной телогрейке». Такая же мастерица сказывать сказки.

...Я бывало,
Хранила в памяти не мало
Старинных былей, небылиц
Про злых духов и про девиц...

Всю долгую зиму проводила Арина Родионовна под одной кровлей с Пушкиным. С наступлением теплых дней переселялась во флигелек, который позднее стали называть «домик няни».

Домик няни

И теперь в Михайловском, подле Дома-музея, среди зарослей акации и сирени стоит этот маленький флигелек.

Домик няни, как и Дом-музей, был отстроен к стопятидесятилетию со дня рождения Пушкина. Подлинный флигелек, где жила когда-то Арина Родионовна и где бывал у нее Пушкин, разрушили фашистские оккупанты, отступая из Михайловского. Они уничтожили тот самый домик няни, который в 1920 году с такой любовью восстановили красноармейцы Отдельной башкирской бригады.

Когда в июле 1944 года советские войска освободили Пушкинский заповедник, на месте домика няни они увидели оставленный фашистами дот, из которого торчал ствол пушки.

Домик няни был первым из строений, восстановленных в селе Михайловском. И ныне он такой, как прежде — маленький (длина 9 метров, ширина 7 метров), рубленный из толстых сосновых бревен, с небольшими квадратными окошками. Крыт и обшит тесом.

В нем две половины, две одинаковые комнаты, которые разделяет узкий сквозной коридор. Дверь в одном его конце ведет на «черное» крыльцо, в сторону Сороти. Дверь в другом — на «красное» крыльцо, на усадьбу.

Внутри стены домика тесаные, некрашеные. Полы тоже некрашеные, дощатые. Такие и потолки.

В «Описи» сельца Михайловского, составленной в 1838 году, о домике няни сказано: «Деревянного строения, крыт и обшит тесом, в нем комнат 1. Окон с рамами и стеклами 3. Дверей простых на крюках и петлях железных с таковыми же скобами 3. Печь русская с железною заслонкою и чугунною вьюшкою. Под одной связью баня с голландской печью и в ней посредственной величины котел».

Значит, когда-то одна из комнат домика няни была пригодной к жилью светлицей, а в другой помещалась банька.

В светлице в летнюю пору и жила Арина Родионовна.

С перегородкою коморки,
Довольно чистенькие норки,
В углу на полке образа,
Под ними вербная лоза
С иссохшей просвирой и свечкой
. . . .
Горшочек с . . . . . на окне,
Две канареечки над печкой...

Может быть, этот неоконченный набросок Пушкина, помеченный 1824 годом, и есть описание летнего жилища Арины Родионовны.

Теперь в домике няни устроен музей.

Домик няни в Михайловском.

В одной комнате размещены репродукции с картин и рисунков, фотографии, скульптуры, посвященные Арине Родионовне и ее домику.

Другая комната — светелка няни.

Все здесь простое, старинное, деревенское. Посреди стол, покрытый домотканой скатертью, неказистые громоздкие стулья, диванчик, столики — работы крепостных мастеров. Вдоль стен — широкие лавки. На одной — старинные псковские расписные веретено и прялка с куделью. В углу печь с лежанкой, а близ нее вместительный деревянный сундук. На потемневшем от времени комодике стоит шкатулка, которая, по преданию, принадлежала Арине Родионовне. Шкатулка эта хранилась в семействе приятеля Пушкина — поэта Н. М. Языкова и была подарена Пушкинскому заповеднику потомками Языкова. Очевидно, этот ящичек служил копилкой. На его крышке отверстие — прорезь для опускания монет. Надпись, сделанная на бумажке, приклеенной к внутренней стороне крышки, гласит: «Для чорного дня. Сделан сей ящик 1826 года июля 15 дня». Надпись сильно выцвела, но ее можно прочесть.

Очень помогает эта низенькая светелка с ее простым убранством представить себе жизнь Арины Родионовны. Кажется, и теперь здесь обитает старушка-няня. Отворится невысокая дверь и войдет она, вздыхая. Посидит, повяжет, а потом вдруг спохватится: «Ах я, старая, запамятовала! Александру-то Сергеевичу обедать пора!» — и заспешит в барский дом.

Летом, как и зимою, Арина Родионовна присматривала за всем нехитрым хозяйством Пушкина.

Друзья, навещавшие поэта в Михайловском, долго хранили память о ее гостеприимстве, радушии.

Свет Родионовна, забуду ли тебя?
В те дни, как сельскую свободу возлюбя,
Я покидал для ней и славу, и науки,
И немцев, и сей град профессоров и скуки, —
Ты, благодатная хозяйка сени той,
Где Пушкин, не сражен суровою судьбой,

Светелка в домике няни.

Презрев людей, молву, их ласки, их измены,
Священнодействовал при алтаре Камены[1], —
Всегда, приветами сердечной доброты,
Встречала ты меня, мне здравствовала ты,
Когда чрез длинный ряд полей, под зноем лета,
Ходил я навещать изгнанника-поэта...
Как сладостно твое святое хлебосольство
Нам баловало вкус и жажды своевольство!
С каким радушием — красою древних лет —
Ты набирала нам затейливый обед!
Сама и водку нам, и брашна[2] подавала,
И соты, и плоды, и вина уставляла
На милой тесноте старинного стола!
Ты занимала нас — добра и весела —
Про стародавних бар пленительным рассказом:
Мы удивлялися почтенным их проказам,
Мы верили тебе — и смех не прерывал
Твоих бесхитростных суждений и похвал;
Свободно говорил язык словоохотной,
И легкие часы летели беззаботно!

Это стихотворение Н. М. Языкова было напечатано в альманахе Дельвига «Северные цветы» в 1828 году, еще при жизни Арины Родионовны. Называлось оно «К няне А. С. Пушкина».

Арина Родионовна действительно нередко рассказывала своему питомцу-поэту про старину, «про стародавних бар», про собственную свою нелегкую подневольную жизнь. Ведь была она «ганнибаловская»— крепостная самого Абрама Петровича Ганнибала.

Правдивые бесхитростные рассказы запоминались поэту. Вот она, горькая судьба крепостной русской женщины...

И, полно, Таня! В эти лета
Мы не слыхали про любовь;
А то бы согнала со света
Меня покойница свекровь. —
...Недели две ходила сваха
К моей родне, и наконец
Благословил меня отец.
Я горько плакала со страха,
Мне с плачем косу расплели,
Да с пеньем в церковь повели,
И вот ввели в семью чужую...

Все это испытала Арина Родионовна, да не только это. Не молоденькой уже — тридцати девяти лет — взята была к Пушкиным, отказалась от «вольной», да так у них и осталась...

Нередко, сидя на открытом крылечке маленького флигелька, слушал Пушкин рассказы няни.

---

[1] Камена — муза.
[2] Брашна — кушанья.

Пушкин и Арина Родионовна на крылечке домика няни.
Этюд В. Максимова. 1898 год.

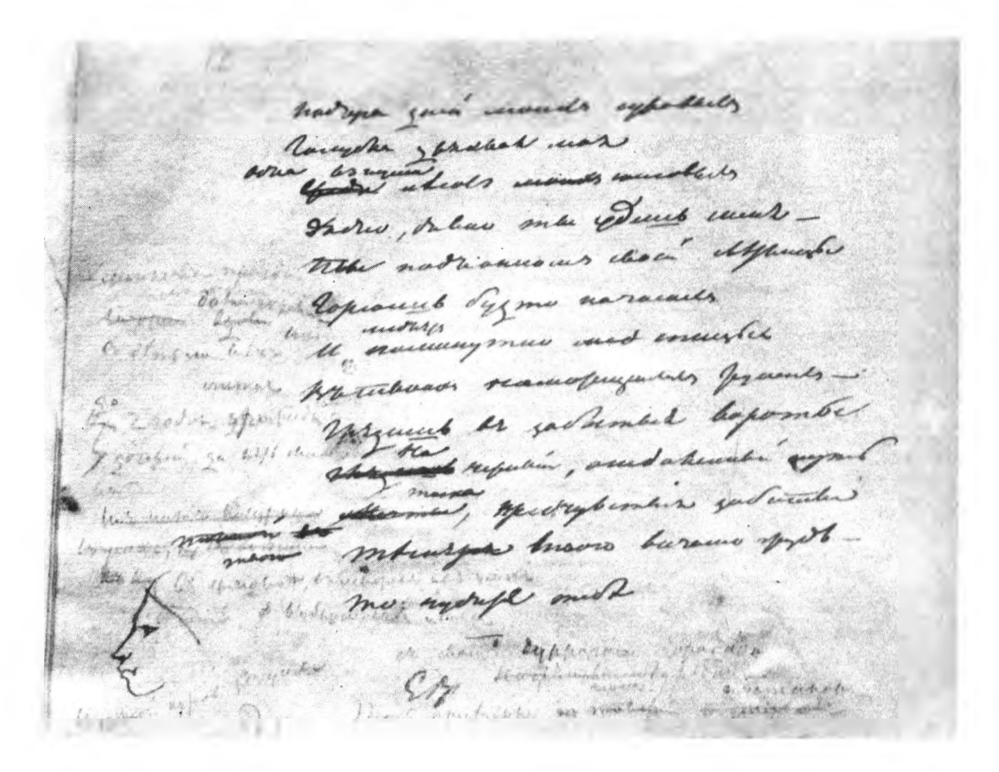
Два года, что провели они вместе в Михайловском, для нее пролетели, как мгновенье.

Сильно тосковала Арина Родионовна, когда уехал Пушкин.

Сохранились два письма ее из Михайловского к Пушкину. Первое написал под ее диктовку 30 января 1827 года какой-то деревенский грамотей: «Милостивой государь, Александра Сергеевич, имею честь поздравить вас с прошедшим новым годом и с новым счастием; и желаю я тебе любезному моему благодетелю здравия и благополучия...

А мы, батюшка, от вас ожидали письма, когда вы прикажете привозить книги, но не могли дождаться; то и вознамерились по вашему старому приказу отправить; то я и посылаю больших и малых книг счетом — 134 книги. Архипу даю денег — 90 рублей. Желаю вам то, чего и вы желаете и прибуду к вам с искренним почтением Арина Родионовна».

Второе письмо, от 6 марта 1827 года, под диктовку няни писала одна из тригорских барышень — Анна Николаевна Вульф.

«Подруга дней моих суровых. . .»
Автограф.

«Любезный мой друг, Александр Сергеевич, я получила ваше письмо и деньги, которые вы мне прислали. За все ваши милости я вам всем сердцем благодарна — вы у меня беспрестанно в сердце и на уме, и только, когда засну, то забуду вас и ваши милости ко мне. Ваша любезная сестрица тоже меня не забывает. Ваше обещание к нам побывать летом меня очень радует. Приезжай, мой ангел, к нам в Михайловское, всех лошадей на дорогу выставлю... Я вас буду ожидать и молить бога, чтоб он дал нам свидеться... Прощайте, мой батюшка, Александр Сергеевич... Я слава богу здорова, цалую ваши ручки и остаюсь вас многолюбящая *няня* ваша *Арина Родионовна*».

И как ответ на письма старушки-няни звучит одно из самых задушевных стихотворений Пушкина, полное любви и нежности:

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!

Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах,
И медлят поминутно спицы
В твоих наморщенных руках.
Глядишь в забытые вороты
На черный отдаленный путь:
Тоска, предчувствие, заботы
Теснят твою всечасно грудь.
То чудится тебе...

Обещание, данное няне, побывать в Михайловском, Пушкин выполнил. Но приехал не летом 1827 года, а осенью, «почуя рифмы». Это было в последний раз, когда жили они вместе — поэт и няня.

Через несколько месяцев, 31 июля 1828 года, семидесяти лет, Арина Родионовна умерла в Петербурге на руках своей старшей воспитанницы — Ольги Сергеевны.

Пушкин не забыл свою добрую подружку. Всякий раз, наезжая в Михайловское, с грустью чувствовал он — нет здесь больше Арины Родионовны...

Уже старушки нет — уж за стеною
Не слышу я шагов ее тяжелых,
Ни кропотливого ее дозора.
... Не буду вечером под шумом бури
Внимать ее рассказам, затверженным
Сыздетства мной — но все приятных сердцу,
Как песни давние или страницы
Любимой старой книги, в коих знаем,
Какое слово где стоит.

Бывая в Михайловском, проходя мимо маленького флигелька в зарослях сирени, Пушкин о многом вспоминал.

О многом и сейчас напоминает домик няни.

„Люблю сей темный сад"

Сразу за михайловской усадьбой начинается парк. Невысокий забор, калитка и дальше — тенистые своды огромных деревьев. Парку около двухсот лет. Разбили его при Осипе Абрамовиче Ганнибале на французский манер: четкая планировка, правильные ряды аллей, «парнасы» — насыпные горки, беседки, пруды. Парк главным образом еловый, но, чтобы он не был однообразен, скучен, насадили березы, липы. До сих пор близ усадьбы поднимается ста-

рая липовая аллея и кое-где среди елей попадаются необъятные пни — остатки ганнибаловских берез.

После залитой солнцем усадьбы, ее пестрых цветников, открытых дорожек, усыпанных желтым песком, парк кажется особенно тенистым, темным. Густые ели широко раскинули мохнатые ветви, и лучи солнца с трудом проникают сквозь их пышную хвою. Даже в яркий летний день в парке полумрак и прохлада. Так было и при Пушкине.

...Люблю сей темный сад
С его прохладой и цветами.

Пушкину нравился поэтичный, запущенный михайловский парк, или сад, как он его называл.

В годы ссылки, особенно в летнюю пору, когда в доме бывало душно, Пушкин многие часы проводил в тенистых аллеях.

С тетрадью или книгой в руках направлялся он в парк.

Скрипнула калитка, и вот уже главная еловая аллея. Она тянется от усадьбы до проезжей дороги. Когда-то эта широкая аллея была въездной. Деревья ее огромны. Это михайловские старожилы. Могучие стволы их поросли мхом, но хвоя их зелена и ветви увешаны свежими молодыми шишками. Они шумят от всякого дуновения ветра, и, верно, некогда таким же был «приветный шорох их вершин» и так же «знакомым шумом» встречали они поэта.

Одиноко бродил он здесь, думая о прошлом, строя планы на будущее, мечтая о свободе. Сколько раз с тоской и надеждой вглядывался Пушкин в темную глубину еловой аллеи — он ждал друзей: Рылеева, Бестужева, Кюхельбекера.

Ему мечталось: вдруг зазвенит, зальется колокольчик, появится кибитка, и он обнимет Кюхлю — нескладного, благородного и пылкого Кюхельбекера.

Я жду тебя, мой запоздалый друг —
Приди; огнем волшебного рассказа
Сердечные преданья оживи;
Поговорим о бурных днях Кавказа,
О Шиллере, о славе, о любви.

Но читать, работать, размышлять Пушкин больше любил в другом уголке парка — в более уединенной боковой липовой аллее. Она начинается возле еловой, за маленьким круглым прудом.

Старинная липовая аллея — ровесница еловой. Она замечательно хороша со своими огромными деревьями причудливой формы, то приземистыми, многоствольными, склонившими широкие ветви к самой земле, то стройными, прямыми, уходящими высоко в небо. В липовой аллее около пятидесяти деревьев высотой в 30 метров — с восьмиэтажный дом.

В начале и в конце аллеи липы, расходясь полукругом, образуют зеленые беседки. Здесь постоянно бывал Пушкин. Предание гласит,

Еловая аллея в Михайловском парке.

что он обычно сидел в конце аллеи, в беседке, на скамье, прислонившись к стволу дерева, подобрав ноги, и читал.

В аллеях старого парка рождались и зрели творческие думы поэта, возникали образы его будущих героев.

Пушкин сам говорил, что его новая муза — простая и скромная, муза жизненной правды, впервые явилась ему здесь, в этом саду.

Как часто ласковая муза
Мне услаждала путь немой
Волшебством тайного рассказа!..
Как часто по скалам Кавказа
Она Ленорой[1], при луне,
Со мной скакала на коне!
...Вдруг изменилось все кругом,
И вот она в саду моем
Явилась барышней уездной,
С печальной думою в очах,
С французской книжкою в руках.

Живя в деревне, бок о бок с народом, среди родной природы, Пушкин по-новому увидел жизнь, по-иному начал ее изображать. В годы михайловской ссылки он и стал тем писателем-реалистом, «поэтом действительной жизни», который вывел русскую литературу на новый путь.

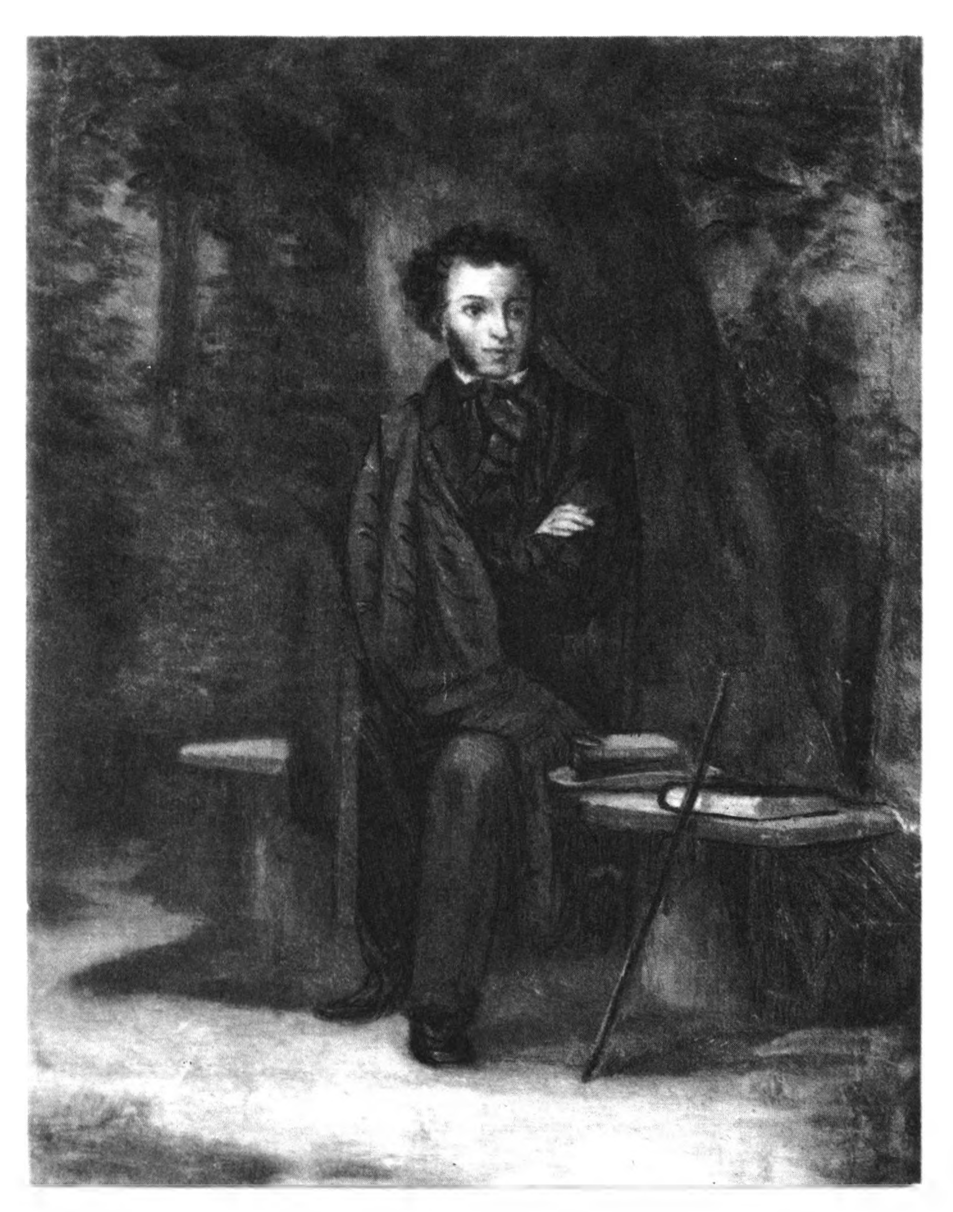
Старинную липовую аллею называют «аллеей Керн». Ведь это здесь, по преданию, июньской ночью 1825 года гулял поэт с Анной Петровной Керн.

Пушкин и Керн познакомились в Петербурге в 1819 году. Тогда, после окончания Лицея, юный Пушкин постоянно бывал в гостеприимном доме президента Академии художеств и директора Публичной библиотеки Алексея Николаевича Оленина. Там сходились художники, ученые, писатели. Как-то вечером, придя к Олениным, Пушкин заметил среди гостей молодую незнакомку. Ее нельзя было не заметить — прелестное лицо, ясные голубые глаза, мелодичный голос. Она оказалась племянницей хозяйки дома и приехала в Петербург из далекой Полтавской губернии, где служил ее муж. Звали ее Анна Петровна Керн.

Печальна была судьба Анны Петровны. Самодур-отец силой выдал ее замуж за грубого солдафона, пожилого бригадного генерала Ермолая Керна. Анна Петровна не любила мужа и охотно уезжала погостить к родным. Весь вечер у Олениных Пушкин не сводил с нее глаз. Он сел вблизи и сказал громко по-французски: «Можно ли быть столь прелестной». Но ему не удалось привлечь внимание красавицы. Когда Анна Петровна в этот вечер уезжала от Олениных, садилась в карету, она видела: Пушкин стоит на крыльце и провожает ее долгим взглядом.

---

[1] Ленора — героиня баллады немецкого поэта-романтика Бюргера. «Ленору» перевел на русский язык В. А. Жуковский.

Пушкин в Михайловском парке.
Картина неизвестного художника. Первая половина XIX века.

Прошло шесть лет. И вот однажды, в июне 1825 года, придя в Тригорское, Пушкин вновь увидел свою мимолетную знакомку. Она приехала ненадолго к другой своей тетке — Прасковье Александровне Осиповой. Встреча произошла во время обеда. Семья Осиповых-Вульф и их гостья сидели за столом. «Вдруг вошел Пушкин с большой толстой палкой в руках,.. — рассказывала Анна Петровна. — Тетушка, подле которой я сидела, мне его представила, он очень низко поклонился, но не сказал ни слова: робость видна была в его движениях. Я тоже не нашлась ничего ему сказать...»

На этот раз Анна Петровна, восхищенная стихами Пушкина, сама мечтала увидеть его. Поэта вновь очаровали ее красота и ум. Они познакомились ближе. Пушкину нравилось слушать пение Анны Петровны, особенно романс на стихи слепого поэта Козлова «Венецианская ночь», которые она пела на мотив баркароллы.

Ночь весенняя дышала
Светлоюжною красой,
Тихо Брента протекала,
Серебримая луной...

«Скажи от меня Козлову, — писал Пушкин Плетневу в Петербург, — что недавно посетила наш край одна прелесть, которая небесно поет его Венецианскую Ночь на голос гондольерского речитатива — я обещал известить о том милого, вдохновенного слепца. Жаль, что он не увидит ее — но пусть вообразит себе красоту и задушевность».

Как-то вечером, вскоре после приезда Анны Петровны, Прасковья Александровна предложила всем отправиться на прогулку из Тригорского в Михайловское. Пушкин очень обрадовался.

Заложили экипажи и поехали.

Через много лет Анна Петровна вспоминала: «Погода была чудесная, лунная июньская ночь дышала прохладой и ароматом полей. Мы ехали в двух экипажах: тетушка с сыном в одном; сестра, Пушкин и я в другом. Ни прежде, ни после я не видела его так добродушно веселым и любезным... Приехавши в Михайловское, мы не вошли в дом, а пошли прямо в старый, запущенный сад,

Приют задумчивых дриад,

с длинными аллеями старых деревьев, корни которых, сплетаясь, вились по дорожкам, что заставляло меня спотыкаться, а моего спутника вздрагивать. Тетушка, приехавши туда вслед за нами, сказала: «Милый Пушкин, покажите же, как любезный хозяин, ваш сад госпоже». Он быстро подал мне руку и побежал скоро, скоро, как ученик, неожиданно получивший позволение прогуляться».

В эту ночь поэт и его гостья долго гуляли по липовой аллее.

Липовая аллея в Михайловском парке (аллея Керн).

А. П. Керн.
Миниатюра. 20-е годы XIX века.

На другой день Анна Петровна уезжала. Утром Пушкин пришел в Тригорское и на прощание подарил ей отпечатанную главу «Онегина». В неразрезанных страницах лежал вчетверо сложенный листок почтовой бумаги со стихами, посвященными Анне Петровне Керн.

В них было все: и воспоминание о первой мимолетной встрече у Олениных, и та светлая радость, то обновление, те мечты и надежды, которые пробудило в душе поэта их новое свидание в деревне.

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты,
Звучал мне долго голос нежный,
И снились милые черты.

Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты.
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.

Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

И сердце бьется в упоеньи,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

Уголок Михайловского парка.

Анна Петровна уехала. Пушкин долго не мог забыть о встрече с нею. «Каждую ночь гуляю я по саду, — писал он А. Н. Вульф, — и повторяю себе: она была здесь — камень, о которой она споткнулась, лежит у меня на столе, подле ветки увядшего гелиотропа».

Все это вспоминается сегодня в аллеях Михайловского парка... Удивительным свойством обладают они — здесь как бы видишь живого Пушкина. «Когда ходишь теперь по запустелому парку, с такой страшной интенсивностью думаешь о Пушкине, что кажется, нисколько не удивился бы, если бы вдруг из купы деревьев или из-за угла здания появилась бы его задумчивая фигура, — писал А. В. Луначарский после поездки в Пушкинский заповедник. — Позднее, когда я уехал, мне живо представилось, что я действительно видел его там... Мне помнилось, что он вышел из густой тени на солнце, упавшее на его курчавую непокрытую голову, задумчиво опущенную, и будто он поднял голову и посмотрел на нас, людей, живущих через 100 лет, рассеянным взором. И за рассеянностью этих глаз была огромная, ушедшая в себя мысль. Может быть, он считал стопы созревшей строфы? И, конечно, мы не посмели ни о чем спросить поэта. И так, смотря на нас, но нас не замечая, прошел он из тени в тень через короткую полосу совсем уже догоравшего вечернего света. В этом образе, очевидно, сконцентрировалось для меня все виденное за день».

Незабываемое чувство, будто встретился с Пушкиным, испытывает каждый, кто побывает в михайловских рощах.

Дорога в Тригорское

Много вокруг Михайловского тропинок и дорог. Одни — луговые, открытые, с широким обзором, под большим свободным небом. Другие — укромные, тенистые, уводящие в полумрак и тишину лесов. Третьи — разнообразные и веселые, то полем, то лесом, то отлогими берегами озер и Сороти. И все исхожены Пушкиным. Все помнят его упругую легкую поступь...

Две живописные дороги соединяют Михайловское с соседним Тригорским.

Верхняя начинается возле главной еловой аллеи, у маленького пруда с легким горбатым мостиком. Углубляясь в парк, она проходит мимо другого, большого, полузаросшего пруда, окруженного старыми деревьями. Затем через сосновый бор выходит к озеру Маленец. Здесь верхняя дорога сливается с нижней.

Озеро Маленец.

Нижняя дорога в Тригорское — одна из самых красивых дорог Пушкинского заповедника. Огибая Михайловский холм, она идет берегом Сороти и спускается к Маленцу. Окаймленное широкой полосой цветущего луга, серебрится небольшое озеро. Вокруг него по холмам — стройный сосновый бор. В сторону реки он как бы расступился, и прибрежные луга Маленца слились с долиной Сороти в один неоглядный простор. Между опушкой бора и берегом Маленца пролегает дорога.

Много раз ездил и ходил здесь Пушкин. Он любил эти места. Он шел, и взору его открывались все новые картины неяркой русской природы. Зимою, весной, летом, осенью здесь бывало по-разному и всегда прекрасно.

Не всякому дано было увидеть эту своеобразную прелесть. А он увидел. И в его лирических стихах, в михайловских главах «Онегина» — везде деревенская природа полна поэзии и жизни.

Встает заря во мгле холодной;
На нивах шум работ умолк;

С своей волчихою голодной
Выходит на дорогу волк;
Его почуя, конь дорожный
Храпит — и путник осторожный
Несется в гору во весь дух.

Есть у Пушкина одно стихотворение, в котором он почти шаг за шагом описал дорогу в Тригорское. Это стихотворение — «Вновь я посетил...» Оно написано в Михайловском осенью 1835 года.

Вновь ходил Пушкин по знакомым местам, с грустью вспоминая прошлое, те два трудных и плодотворных года, которые провел он в деревенской тиши вдвоем с Ариной Родионовной.

...Вновь я посетил
Тот уголок земли, где я провел
Изгнанником два года незаметных.
Уж десять лет ушло с тех пор — и много
Переменилось в жизни для меня,

Дорога из Михайловского в Тригорское у озера Маленец.

Лесистый холм.

И сам, покорный общему закону,
Переменился я — но здесь опять
Минувшее меня объемлет живо,
И, кажется, вечор еще бродил
Я в этих рощах.

Там, где начинается нижняя дорога на Тригорское, у подножия холма видна из-за зелени деревьев крыша михайловского дома.

Вот опальный домик,
Где жил я с бедной нянею моей.
...Вот уголок,
Где для меня безмолвно протекали
Часы печальных дум иль снов отрадных,
Часы трудов, свободно-вдохновенных.

Дальше по дороге, в нескольких шагах от Михайловского, поднимается лесистый холм, весь поросший старыми деревьями. Со склонов

и вершины холма далеко видно все вокруг: луга, поля, два озера — небольшой Маленец и многоводное Кучане.

Вот холм лесистый, над которым часто
Я сиживал недвижим — и глядел
На озеро, воспоминая с грустью
Иные берега, иные волны...

Высланный с юга в Михайловское, Пушкин любил подолгу сидеть на уединенном лесистом холме, задумчиво глядя на озеро и вспоминая «иные берега, иные волны». Ему рисовалась Одесса — оживленная, шумная, солнечная. На веселых улицах — пестрая, разноязычная толпа: русские, итальянцы, греки, французы... В порту корабли из далеких стран.

И море. Черное море...

В день отъезда из Одессы Пушкин пришел с ним проститься. Оно лежало перед ним — голубое, огромное, спокойное, и волны набегали на прибрежные камни.

Пушкин вспоминал... Воспоминание рождало образы, слова слагались в строфы. В них звучала мелодия прибоя, немолчный ропот волн.

Старый межевой столб «на границе владений дедовских...»

Место трех сосен.

Прощай же, море! Не забуду
Твоей торжественной красы
И долго, долго слышать буду
Твой гул в вечерние часы.
В леса, в пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полн,
Твои скалы, твои заливы
И блеск, и тень, и говор волн.

В Михайловском, «в лесах, в пустынях молчаливых» Пушкин закончил стихотворение «К морю», начатое в Одессе.

Мимо лесистого холма идет дорога на Тригорское и, огибая Маленец, круто поднимается в гору. Здесь кончались земли, дарованные некогда Ганнибалу.

На границе
Владений дедовских, на месте том,
Где в гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоят — одна поодаль, две другие
Друг к дружке близко, — здесь, когда их мимо
Я проезжал верхом при свете лунном,
Знакомым шумом шорох их вершин
Меня приветствовал.

На полпути из Михайловского в Тригорское стояли во времена поэта три старые сосны. Они полюбились Пушкину. И всякий раз, возвращаясь домой, он рад был видеть своих любимиц.

Осенью 1835 года поэт снова не раз проезжал мимо них.

По той дороге
Теперь поехал я, и пред собою
Увидел их опять. Они все те же,
Все тот же их знакомый уху шорох —
Но около корней их устарелых
(Где некогда все было пусто, голо)
Теперь младая роща разрослась,
Зеленая семья; кусты теснятся
Под сенью их как дети. А вдали
Стоит один угрюмый их товарищ
Как старый холостяк, и вкруг него
По-прежнему все пусто.

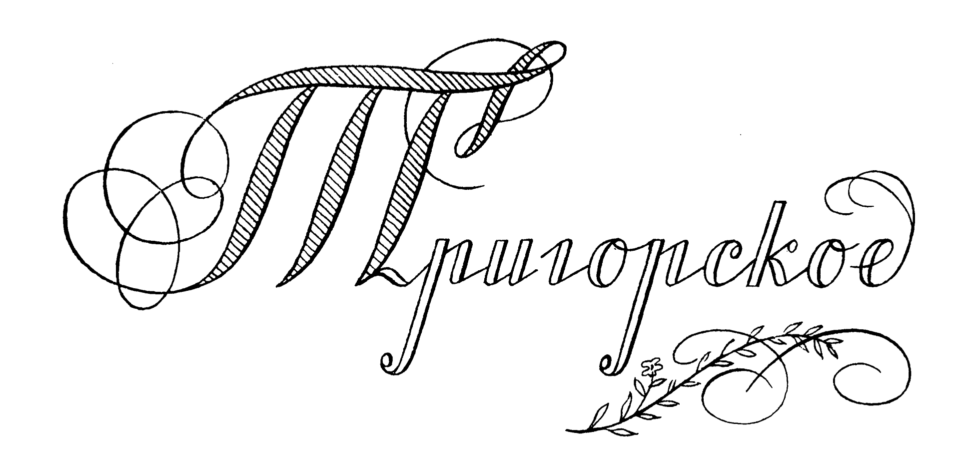
Свежая молодая поросль, окружавшая его старых знакомцев, олицетворяла для Пушкина будущее родной страны, ее новые, грядущие поколения, и к ним он обращался с горячим словом привета:

Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! не я
Увижу твой могучий поздний возраст,
Когда перерастешь моих знакомцев
И старую главу их заслонишь
От глаз прохожего. Но пусть мой внук
Услышит ваш приветный шум, когда,
С приятельской беседы возвращаясь,
Веселых и приятных мыслей полон,
Пройдет он мимо вас во мраке ночи
И обо мне вспомянет.

Трех сосен, знакомых поэту, давно уже нет. Но место, где росли они, до сих пор называют «Кривые сосны». Там подсажены три молодые сосенки, а вокруг них шумит невысокая зеленая роща.

Проходя в наши дни по цветущей земле Пушкинского заповедника, по старой дороге у места трех сосен, хочется ответить поэту: «Здравствуй, Пушкин! Не только твой внук, но все племя младое, незнакомое твоей родной страны помнит, любит, приветствует тебя!»

„Тригорский замок“

От трех сосен дорога на Тригорское идет через поля.

Издалека видны три холма, один возле другого, три горы над самой Соротью. От них и название — Тригорское.

На первом холме стоит деревня Вороничи. Во времена поэта ее населяли государственные крестьяне — они принадлежали не помещикам, а «казне». Теперь деревня Вороничи входит в колхоз имени А. С. Пушкина.

Второй холм — могучее древнее городище — земляное укрепление, остаток старинной крепости. На третьем — таком же крутом и высоком, расположены усадьба и парк Тригорского.

В стране, где Сороть голубая,
Подруга зеркальных озер,
Разнообразно между гор
Свои изгибы расстилая,
Водами ясными поит
Поля, украшенные нивой, —
Там, у раздолья, горделиво
Гора трехходмная стоит;
На той горе, среди лощины,
Перед лазоревым прудом,
Белеется веселый дом
И сада темные куртины,
Село и пажити кругом.

Н. М. Языков. «Тригорское».

Вид на Тригорское с дороги из Михайловского.

С берега реки в усадьбу взбирается узкая тропинка. Это для пешеходов. А если ехать на лошади или на машине, дорога проходит низом, огибает городище и приводит в усадьбу.

Внешне со времен Пушкина здесь мало что изменилось. Все так же хороши —

И три горы, и дом красивый,
И светлой Сороти изгибы
Златого месяца в огне,
И там, у берега, тень ивы —
Приют прохлады в летний зной,
Наяды полог продувной,
И те отлогости, те нивы,
Из-за которых вдалеке,
На вороном аргамаке,
Заморской шляпою покрытый,
Спеша в Тригорское, один —
Вольтер и Гете и Расин —
Являлся Пушкин знаменитый.

Н. М. Языков. «П. А. Осиповой»

Пушкин любил Тригорское — на редкость красивый и поэтичный уголок, с его старинным парком, уютным домом, живописными окрестностями.

Поэт называл себя и михайловским и тригорским изгнанником. Он как бы хотел этим сказать, что в годы ссылки Тригорское стало для него вторым домом. Он писал П. А. Осиповой: «Вспоминайте иногда Тригорского (т. е. Михайловского) изгнанника — вы видите, я, по старой привычке, путаю наши жилища».

Пушкин даже письма просил присылать ему по адресу: «Ее высокородию Парасковье Александровне Осиповой, в Опочку, в село Троегорское, для дост. А. С.».

Прасковья Александровна Осипова с семьей жила в Тригорском постоянно. Имение было богаче Михайловского, хозяйство велось здесь исправнее. Все заводил еще отец Прасковьи Александровны —

Тригорский парк, вид с берега реки Сороти,

Тригорское. Дом Осиповых-Вульф.
Фотография. 900-е годы.

А. М. Вындомский. При нем и понастроили на усадьбе большинство амбаров, сараев, конюшен, изб для «людей».

Стояли эти строения все вместе — «в одну улицу», в конце которой гляделся в зеркало большого пруда господский дом. В тихой воде ясно отражались белые рамы окон с кисейными занавесками.

Пушкин в шутку окрестил жилище Осиповых-Вульф «тригорским замком», хотя тригорский дом меньше всего походил на замок. Был он приземистый, одноэтажный, длинный, в тринадцать окон по фасаду, очень простой, обшитый некрашеным тесом. Снаружи напоминал не то манеж, не то сарай. Он и не предназначался под барское жилье; раньше в нем помещалась полотняная фабрика. Но в начале двадцатых годов XIX века Прасковья Александровна вздумала перестраивать свой старый, обветшавший дом (он стоял по другую сторону пруда, на опушке парка), перебралась на время в пустующую фабрику, да там и осталась. А чтобы придать благообразие своему новому жилищу, приказала украсить его фронтонами с деревянными колоннами.

В тригорском доме насчитывалось десять комнат. Одну занимала сама владелица, в других размещались столовая, гостиная, спальни

барышень, кабинет Алексея Вульфа, библиотека, классная комната, девичья. Комнаты были удобные, уютные, обжитые.

В столовой — «зале» — стоял большой стол, окруженный стульями, в углу хрипели часы, на стенах висели потемневшие картины. В гостиной — круглый стол, стулья, кресла с накладными подушечками, переносные столики, фортепьяно с подсвечниками на нем, на окнах портьеры, на полу ковер. В библиотеке в старинных шкафчиках черного дерева и «под орех» — множество книг и журналов.

Настенные зеркала, каминные часы, всевозможные безделушки, статуэтки, сувениры, альбомы дополняли обстановку веселого и светлого тригорского дома. Везде царили чистота и порядок. Все было прибрано, перетерто, начищено проворными руками крепостных Акулек, Палашек, Дунек.

Простоял «тригорский замок» до 1918 года. Теперь он вновь отстроен. В нем разместился музей, который знакомит с историей Тригорского, его жизнью, его обитателями тех лет, когда бывал здесь Пушкин.

Одна из комнат в доме Осиповых-Вульф.
Фотография. 900-е годы.

Обитатели „Тригорского замка“

Семья Осиповых-Вульф была большая: сама Прасковья Александровна, ее дети от первого брака — Анна (Анета), Алексей, Евпраксия (Зизи, Зина), Валериан и Михаил Вульфы; дети от второго брака — Мария и Екатерина Осиповы; падчерица Александра Осипова (Алина). Иногда наезжали в Тригорское племянницы Прасковьи Александровны — две Анны — Анна Петровна Керн и Анна Ивановна Вульф (Нетти).

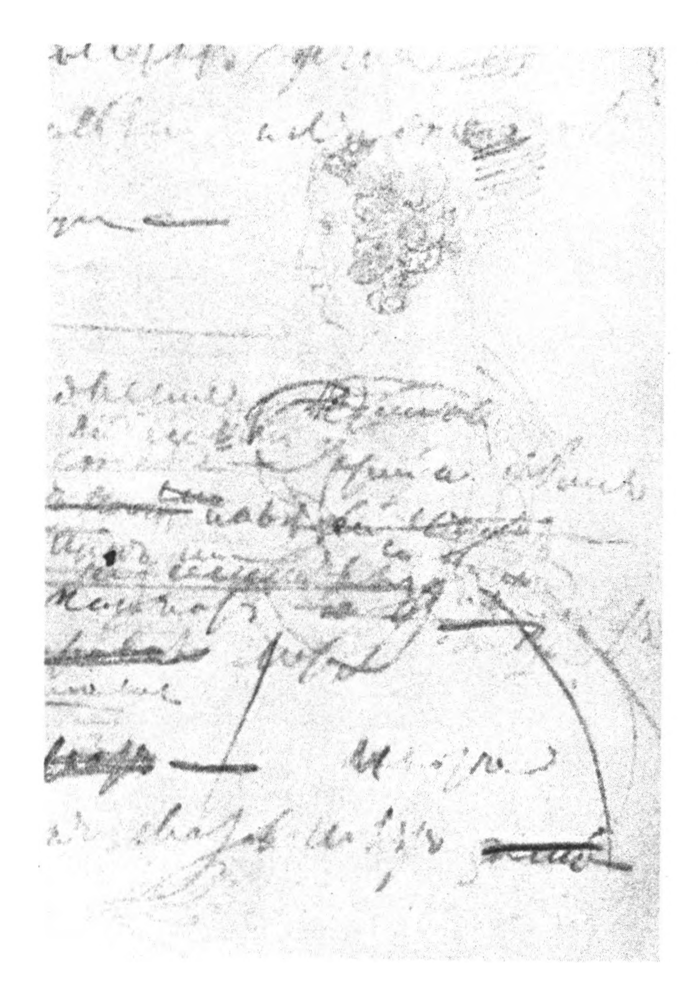
Хозяева не чуждались гостей. В доме бывало многолюдно, оживленно, весело.

Всем властно заправляла сама Прасковья Александровна. Не в пример другим провинциальным помещицам, она была образована, серьезно интересовалась науками и литературой. Через Пушкина она познакомилась и сблизилась с В. А. Жуковским, А. А. Дельвигом, Е. А. Баратынским, И. И. Козловым, П. А. Плетневым — цветом тогдашней литературы.

Были у владелицы Тригорского качества, которые привлекали к ней этих выдающихся людей, — ум, самостоятельность суждений, стремление к благородным поступкам. Вот такой случай: единственная родная сестра Прасковьи Александровны вышла замуж против воли отца за одного из двоюродных дядей Пушкина — мичмана Я. И. Ганнибала. Суровый отец лишил ее наследства. Когда же отец умер, Прасковья Александровна сама отдала сестре половину состояния.

Но были у владелицы Тригорского недостатки, и недостатки немалые: своенравие, раздражительность, деспотизм. Это особенно проявлялось в отношении ее к старшим детям и уж, конечно, к крепостным. Известен случай, когда Прасковья Александровна отдала крепостного парня в солдаты только за то, что он посмел без спросу отвезти горничных на ярмарку в Святые Горы.

Достоверного портрета Прасковьи Александровны не сохранилось. В рукописях Пушкина есть набросок — профиль: невысокая, полная женщина средних лет с правильными чертами лица, с пышной прической. Это, очевидно, портрет Прасковьи Александровны. Он вполне сходен с тем, как описывает внешность своей тригорской тетки Анна Петровна Керн: «Она, кажется, никогда не была хороша собою: рост ниже среднего, гораздо, впрочем, в размерах; стан выточенный, кругленький, очень приятный; лицо продолговатое, довольно умное... нос прекрасной формы; волосы каштановые, мягкие, тонкие, шелковые; глаза добрые, карие, но не блестящие; рот ее только не нравился никому: он был не очень велик и не неприятен особенно, но нижняя губа так выдавалась, что это ее портило. Я полагаю, что она была бы просто маленькая красавица, если бы не этот рот».

П. А. Осипова-Вульф.
Рисунок А. С. Пушкина.

К Пушкину эта своенравная, властная женщина относилась с горячим дружеским участием, благоговела перед его талантом, всячески старалась скрасить его невеселую деревенскую жизнь. Она приказала садовнику посылать в Михайловское цветы. «Благодаря вам, у меня на окне всегда цветы», — писал ей летом 1825 года Пушкин. А осенью сам сорвал в своем саду лучшие последние цветы и вместе с листком со стихами послал Прасковье Александровне.

Цветы последние милей
Роскошных первенцев полей.
Они унылые мечтанья
Живее пробуждают в нас.
Так иногда разлуки час
Живее сладкого свиданья.

Пушкин ценил заботы и внимание Прасковьи Александровны, обращался к ней за советами в житейских делах, был с ней откровенен. Когда он готовился к побегу в «чужие края», то записал в ее альбом:

Быть может, уж недолго мне
В изгнаньи мирном оставаться,
Вздыхать о милой старине
И сельской музе в тишине
Душой беспечной предаваться.

Но и в дали, в краю чужом
Я буду мыслию всегдашней
Бродить Тригорского кругом,
В лугах, у речки, над холмом,
В саду под сенью лип домашней.

Цикл своих стихотворений «Подражания Корану» Пушкин посвятил П. А. Осиповой.

Чаще, чем обычно, поэт бывал в Тригорском в те дни, когда из Дерпта приезжал на каникулы Алексей Вульф. Дерптского студента, пожалуй, больше всего на свете занимала собственная персона, но близость к Пушкину льстила ему. Они сошлись. Пушкин скучал без общества, а Вульф оказался занятным собеседником. Они играли в шахматы, упражнялись в стрельбе из пистолетов, судили и рядили обо всем. Беседы их очень напоминали разговоры Онегина и Ленского.

Меж ими все рождало споры
И к размышлению влекло:
Племен минувших договоры,
Плоды наук, добро и зло,
И предрассудки вековые,
И гроба тайны роковые,
Судьба и жизнь в свою чреду,
Все подвергалось их суду.

Вульф рассказывал Пушкину про Дерпт, своеобразный быт студентов — буршей, Пушкин читал Вульфу «Бориса Годунова» и «Онегина». Первое стихотворение, которое поэт написал, приехав в михайловскую ссылку, было «Послание А. Н. Вульфу»—«Здравствуй, Вульф, приятель мой...»

Ал. Н. Вульф.
Акварель Григорьева. 1828 год.

Со старшими дочерьми Прасковьи Александровны и ее падчерицей Пушкин подружился легко и быстро. Поэт предпочитал бесхитростных уездных барышень хитроумным столичным кокеткам. «Те из моих читателей, которые не живали в деревнях, не могут себе вообразить, что за прелесть эти уездные барышни! Воспитанные на чистом воздухе, в тени своих садовых яблонь, они знание света и жизни почерпают из книжек. Уединение, свобода и чтение рано в них развивают чувства и страсти, неизвестные рассеянным нашим красавицам. Для барышни звон колокольчика есть уже приключение, поездка в ближайший город полагается эпохою в жизни, а посещение гостя оставляет долгое, иногда и вечное воспоминание».

Эти строки из повести Пушкина «Барышня-крестьянка» в полной мере относятся к Анете и Зизи Вульф и к Алине Осиповой. Свои пред-

Ан. Н. Вульф.
Рисунок А. С. Пушкина.

ставления о жизни черпали они из романов, любили ездить в соседний городок Опочку, радовались появлению в доме гостей.

Анета и Зизи (Евпраксия) не походили одна на другую. Старшая, Анета, не отличалась красотой. Ей были свойственны задумчивость, «унылость», романтичность. Она страстно любила чтение. Тригорская библиотека уже не удовлетворяла ее, и она писала брату в Дерпт: «Пожалуйста, моя душа, ежели можешь, пришли мне книг; я боюсь тебе надоесть с этой просьбой».

А. Н. и Е. Н. Вульф.
Силуэты. 20-е годы XIX века.

Анета Вульф уже вступила в тот возраст, когда девушку начинает заботить будущее. Пушкин помнил их первые встречи в Тригорском в 1817 и 1819 годах. С тех пор старшая дочь Прасковьи Александровны повзрослела, изменилась:

Я был свидетелем златой твоей весны;
Тогда напрасен ум, искусства не нужны,
И самой красоте *семнадцать* лет замена.
Но время протекло, настала перемена,
Ты приближаешься к сомнительной поре,
Как меньше женихов толпятся на дворе,
И тише звук похвал твой слух обворожает,
А зеркало сильней грозит и устрашает.
Что делать...

Своей ровеснице Анете Пушкин предпочитал юную Евпраксию, жизнерадостную и остроумную. С ней было проще, веселее. Ее непосредственность, полудетские выходки забавляли поэта. «Евпраксия уморительно смешна, — писал он брату, — я предлагаю ей завести с тобою философическую переписку. Она все завидует сестре, что та пишет и получает письма».

Однажды Пушкин и Евпраксия затеяли мерить талии — чья тоньше. Талии оказались одинаковые. Зизи надулась, а Пушкин, смеясь, заявил, что одно из двух: либо у него талия пятнадцатилетней девушки, либо у Зизи талия двадцатипятилетнего мужчины. Поэт не забыл

этот случай. Вскоре, описывая в «Онегине» именины Татьяны, он шутливо упомянул —

Строй рюмок узких, длинных,
Подобно талии твоей,
Зизи, кристалл души моей,
Предмет стихов моих невинных,
Любви приманчивых фиал,
Ты, от кого я пьян бывал!

Свои «невинные стихи», посвященные Зизи Вульф, Пушкин записывал в ее альбом.

В те времена у каждой уездной барышни имелся альбом, в который она вписывала понравившиеся стихи, изречения. На терпеливых страницах упражнялись в остроумии и изливали свои чувства подружки и поклонники хозяйки альбома. Эти, столь хорошо знакомые ему, альбомы Пушкин с добродушным юмором описал в IV главе «Евгения Онегина»:

Конечно вы не раз видали
Уездной барышни альбом,
Что все подружки измарали
С конца, с начала и кругом.
Сюда, назло правописанью,
Стихи без меры, по преданью
В знак дружбы верной внесены,
Уменьшены, продолжены.
На первом листике встречаешь
Qú écrirez — vous sur les tablettes [1];
И подпись: t. á. v. Annette [2];
А на последнем прочитаешь:
«Кто любит более тебя
Пусть пишет далее меня».

В альбом Евпраксии Вульф Пушкин собственноручно вписал стихотворение-шутку:

Вот, Зина, вам совет: играйте,
Из роз веселых заплетайте
Себе торжественный венец —
И впредь у нас не разрывайте
Ни мадригалов [3], ни сердец.

И еще одно стихотворение — «Если жизнь тебя обманет...»

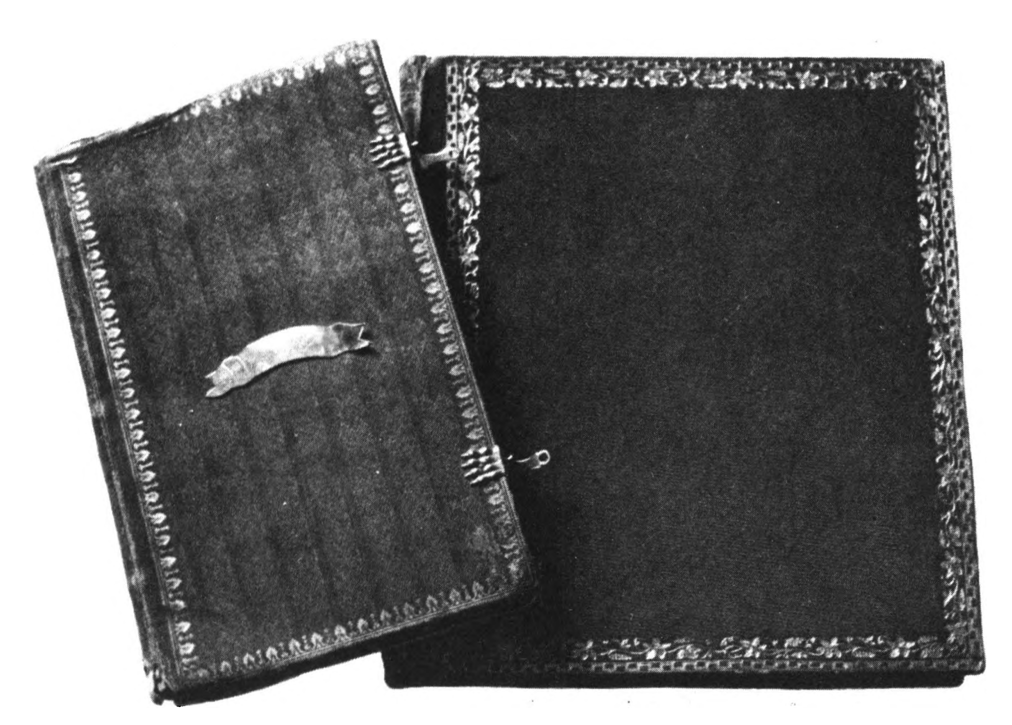
Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.

---

[1] Что вы напишете на этих листках *(франц.).*

[2] Вся ваша Аннета *(франц.).*

[3] Мадригал — небольшое лирическое стихотворение, посвященное обычно даме и восхваляющее ее.

Альбомы А. Н. и Е. Н. Вульф.

Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло:
Все мгновенно, все пройдет;
Что пройдет, то будет мило.

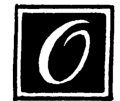
В альбом Анны Вульф рукою Пушкина были вписаны стихи: «Я был свидетелем златой твоей весны», «Увы, напрасно деве гордой...» «Хотя стишки на именины...»

Имелись стихи Пушкина и в альбоме третьей тригорской барышни — Алины Осиповой. Молоденькая Алина, красивая и умная, была прекрасной музыкантшей. Пушкину нравились и она сама и ее игра на фортепьяно.

Остальные обитатели «тригорского замка» были в те годы еще малы: Маша Осипова — «подросточек», Катя Осипова — «малютка».

В Михайловском, в одиночестве, Пушкин работал. В Тригорском, среди друзей, отдыхал. Его привлекали гостеприимство и «патриархальные разговоры» Прасковьи Александровны, беседы с Алексеем Вульфом и та искренняя радость, с которой встречали его все — от мала до велика — в «тригорском замке».

„Я знаком только с одним семейством“

бычно летом в третьем часу пополудни все тригорские барышни — Анета, Зизи, Алина и маленькая Маша — выбегали из дому и направлялись в парк. С высокого обрыва над Соротью хорошо была видна дорога из Михайловского. По этой дороге являлся Пушкин. Завидев издалека всадника в широкополой шляпе, все устремлялись навстречу.

Пушкин почти всегда приезжал на вороном аргамаке, но иногда аргамака заменяла крестьянская лошаденка. Это бывало комическое зрелище: лошаденка была низкорослая, и ноги всадника волочились чуть не по самой земле. Маленькая Маша помирала со смеху. Пушкин грозил ей пальцем, а затем, соскочив с коня, гонялся за насмешницей.

Порой поэт являлся в Тригорское неожиданно, пешком. Тогда он незаметно подкрадывался к дому. Подходил, прислушивался. Тишина... В открытые окна видно — все заняты делом: читают или вышивают, склонившись над пяльцами. Прасковья Александровна проверяет счета. Алина за фортепьяно. Маша вздыхает над уроками. Пушкин берется за подоконник, ловкий прыжок — и поэт уже в комнатах. И конец тишине. Повсюду смех, шутки, говор.

Маша радешенька — явился избавитель!

— Пушкин, переведите!

И перевод вмиг готов.

Чуть какая беда — Маша к Пушкину. Вздумалось как-то Прасковье Александровне обучать ее грамматике, да какой грамматике — старинной, ломоносовской.

— Пушкин, заступитесь!

И поэт вескими доводами убедил Прасковью Александровну, что старинная грамматика ребенку не под силу. Он всегда говорил очень убедительно и имел большое влияние на свою тригорскую соседку.

В добром расположении духа Пушкин бывал шутлив, непоседлив, чрезвычайно остроумен. Он сочинял экспромты, шалил с Машей, прыгал через столы и стулья, играл в прятки с малюткой Катей и, прячась, залезал под диван, откуда его бывало очень трудно вытащить. При этом он сам веселился как ребенок, заражая всех своей обаятельной, сердечной веселостью.

А если хотел, не было увлекательнее собеседника и рассказчика. Анна Петровна Керн вспоминала, как однажды в Тригорском Пушкин рассказывал сказку. Сказка была про черта, который ездил на извозчике на Васильевский остров в Петербурге.

Изредка Пушкин читал в Тригорском и свои стихи. «Однажды,— рассказывает в своих воспоминаниях А. П. Керн, — ...он явился в Тригорское с своею большою черною книгою, на полях которой были

Вид со ската Тригорского холма на дорогу из Михайловского.

начерчены ножки и головки, и сказал, что он принес ее для меня. Вскоре мы уселись вокруг него, и он прочитал нам своих «Цыган». Впервые мы слышали эту чудную поэму, и я никогда не забуду того восторга, который охватил мою душу! . .»

Тригорская молодежь старалась всецело завладеть поэтом, но Прасковья Александровна также заявляла свои права. Она приказывала принести карты и усаживала Пушкина играть с ней в вист. В календаре Прасковьи Александровны за 1825 год сохранилась запись:

«По висту должен мне Пушкин	1 р. 50 к.;	я ему — 20 к.
еще	1 р. 70 к.;	— 10 к.
еще	1 р. 80 к.;	
еще		— 70 к.»

Однако Пушкин не всегда бывал общителен и весел, настроение его часто менялось. Он вдруг становился грустен, молчалив. Уходил

один в парк или садился в гостиной в уголке дивана и, задумчиво склонив свою курчавую голову, скрестив руки на груди, слушал, как играла Алина Осипова.

Арии Моцарта и Россини, романсы Верстовского... Вероятно, под мелодичные звуки фортепьяно и сложились строки шутливого и нежного «Признания», посвященного Алине Осиповой. Это стихотворение само как музыка.

Я вас люблю, хоть я бешусь,
Хоть это труд и стыд напрасный,
И в этой глупости несчастной
У ваших ног я признаюсь!
Мне не к лицу и не по летам...
Пора, пора мне быть умней!
Но узнаю по всем приметам
Болезнь любви в душе моей:
Без вас мне скучно, — я зеваю;
При вас мне грустно, — я терплю;
И, мочи нет, сказать желаю,
Мой ангел, как я вас люблю!
Когда я слышу из гостиной
Ваш легкий шаг, иль платья шум,
Иль голос девственный, невинный,
Я вдруг теряю весь свой ум.
Вы улыбнетесь, — мне отрада;
Вы отвернетесь, — мне тоска;
За день мучения — награда
Мне ваша бледная рука.
Когда за пяльцами прилежно
Сидите вы, склонясь небрежно,
Глаза и кудри опустя, —
Я в умиленьи, молча, нежно
Любуюсь вами, как дитя!..
Сказать ли вам мое несчастье,
Мою ревнивую печаль,
Когда гулять, порой в ненастье,
Вы собираетеся в даль?
И ваши слезы в одиночку,
И речи в уголку вдвоем,
И путешествия в Опочку,
И фортепьяно вечерком?..
Алина! сжальтесь надо мною.
Не смею требовать любви.
Быть может, за грехи мои,
Мой ангел, я любви не стою!
Но притворитесь! Этот взгляд
Все может выразить так чудно!
Ах, обмануть меня не трудно!..
Я сам обманываться рад!

Любил Пушкин, уединившись в тригорской библиотеке, подолгу рыться в старинных шкафчиках. Увесистые тома на русском, французском, немецком, английском языках. Простые и сафьяновые переплеты,

А. С. Пушкин.
Силуэт работы Н. Ильина, 1936 год.

корешки, тисненные золотом, дорогие гравюры. Большинство этих книг собрал еще А. М. Вындомский, но и затем библиотека все время пополнялась.

Пушкин с интересом просматривал многочисленные книги по истории России, Франции, Англии, Древнего Рима, всевозможные сочинения по естественной истории, философии, физике, химии, словари, творения Ломоносова, Шекспира, Горация, журналы Н. И. Новикова, бесчисленное количество французских романов и прочее, и прочее. При Пушкине в тригорской библиотеке появился альманах Дельвига «Северные цветы», стихи Баратынского — подношения друзей. Были здесь и книги, подаренные самим Пушкиным, — первая глава «Евгения Онегина» (все главы «Онегина» сначала выходили отдельными книжечками) с надписью: «Прасковье Александровне Осиповой от Автора в знак глубочайшего почтения и сердечной преданности». На французской книжке «Народные баллады и песни» — Пушкин подарил ее Зизи Вульф — были шутливые строки: «Любезный подарок на память от

г-на Пушкина, заметного молодого писателя». А на «Собрании стихотворений А. Пушкина» поэт написал: «Дорогой имениннице Анне Николаевне Вульф от всенижайшего ее доброжелателя А. Пушкина. В село Воронич 1826 года 3 февраля из сельца Зуёва».

Немало ценного для себя находил Пушкин в тригорской библиотеке. Нужные книги он брал в Михайловское.

Пушкин засиживался в Тригорском допоздна. Его угощали ужином, деревенским лакомством — мочеными яблоками, которые он очень полюбил.

Однажды, время было позднее, Пушкину вдруг захотелось моченых яблок. Побежали к ключнице Акулине Памфиловне:

— Принеси моченых яблок.

А ключница была ужасная ворчунья. Она и разворчалась. Тогда Пушкин сказал ей в шутку:

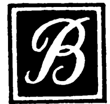
— Акулина Памфиловна, полноте, не сердитесь! Завтра же вас произведу в попадьи.

И действительно — «произвел». Не сразу, но «произвел». В «Капитанской дочке» попадью — «добрую хлопотунью», «первую вестовщицу во всем околодке» — зовут Акулиной Памфиловной.

В комнатах давно уже горели свечи, а в саду все окутывала густая тьма, когда Пушкин покидал «тригорский зáмок». Он увозил с собой не только добрые пожелания, книги, но и живые, интересные впечатления.

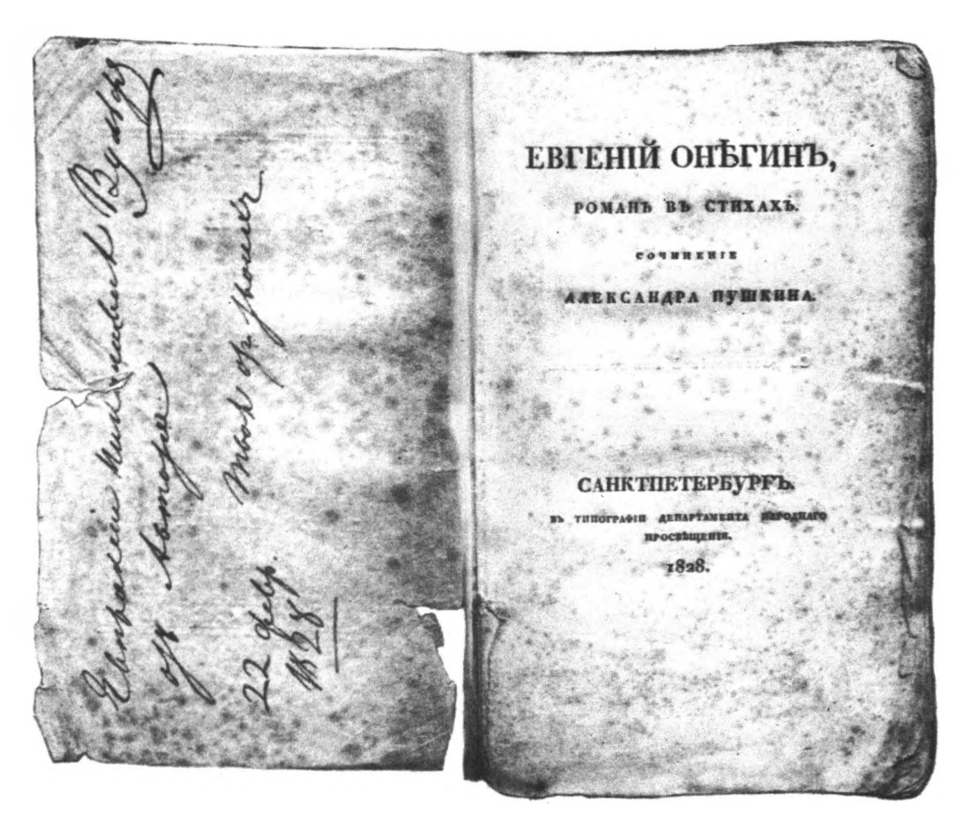
Помещичий дом, его уклад, привычки, уездное «общество», его посещавшее, — все это давало богатый материал для наблюдений, для творчества. Ведь как раз в это время Пушкин работал над деревенскими главами «Евгения Онегина».

„Твоя от твоих“

начале 1828 года Зизи Вульф получила в подарок от Пушкина IV и V главы «Евгения Онегина» с надписью, которая на первый взгляд может показаться странной. Надпись эта гласила: «Евпраксии Николаевне Вульф от Автора. Твоя от твоих».

Что обозначали слова «Твоя от твоих»? Что хотел сказать этим Пушкин? Очень многое. Посылая Осиповым-Вульф главы своего романа, написанные вблизи Тригорского, рисующие быт помещичьей усадьбы — семейства Лариных, — Пушкин как бы возвращал своим друзьям то, что заимствовал у них же.

Тригорские барышни сами считали, что они и есть прототипы Татьяны и Ольги.

ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ,

РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1828.

Экземпляр глав IV—V романа «Евгений Онегин» с дарственной надписью Пушкина Е. Н. Вульф.

Первый биограф Пушкина П. В. Анненков очень верно отметил, что героини «Онегина» «по действию творческой силы» не имеют «ни малейшего признака портретов с натуры, а возведены в общие типы женщин той эпохи». Но при этом и он указал на сходство Татьяны и Ольги с Анной и Евпраксией Вульф. Он знал П. А. Осипову и ее дочерей.

В чем же заключалось сходство? Прежде всего в том, что Пушкин особенно ценил в уездных барышнях, — в самобытности, наличии характера. А свой особый характер, свой душевный склад имелся у каждой из сестер, и в жизни и в романе. И это проявлялось в большом и малом.

Задумчивая Татьяна любит уединение, не расстается с книгами.

Ей рано нравились романы;
Они ей заменяли все:
Она влюблялася в обманы
И Ричардсона и Руссо.

Ольга совсем другая. Она общительна, резва и беспечна:

Всегда как утро весела...
Глаза как небо голубые;
Улыбка, локоны льняные,
Движенья, голос, легкий стан,
Все в Ольге...

Так, преломляясь через «магический кристалл» поэзии, и отразились в «Онегине» черты тригорских барышень.

Тригорское давало пищу воображению поэта и тогда, когда он создавал образы супругов Лариных — отца и матери Татьяны и Ольги.

Анна Петровна Керн рассказывала про Прасковью Александровну и ее первого мужа: «Это была замечательная пара. Муж нянчился с детьми, варил в шлафроке[1] варенье, а жена гоняла на корде лошадей или читала Римскую историю». Почти такое же соотношение «семейных сил» было и в семействе Лариных. Мать Татьяны, подобно Прасковье Александровне:

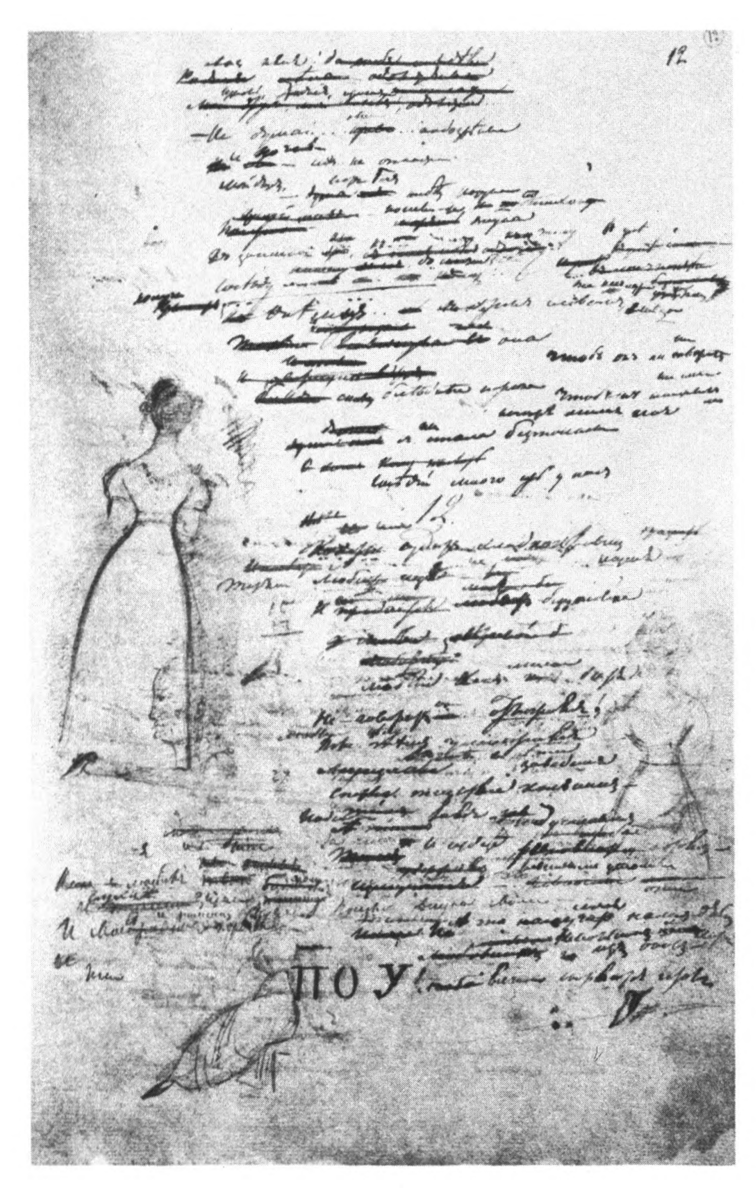
...меж делом и досугом
Открыла тайну, как супругом
Самодержавно управлять,
И все тогда пошло на стать.
Она езжала по работам,
Солила на зиму грибы,
Вела расходы, брила лбы,
Ходила в баню по субботам,
Служанок била осердясь —
Все это мужа не спросясь...
Но муж любил ее сердечно,
В ее затеи не входил,
Во всем ей веровал беспечно,
А сам в халате ел и пил.

Вообще для Пушкина образы старушки Лариной и Прасковьи Александровны были внутренне связаны. Онегин говорит Ленскому о матери Татьяны:

А кстати: Ларина проста,
Но очень милая старушка.

---

[1] Шлафрок — домашний халат.

Татьяна. Рисунок Пушкина на черновой рукописи III главы романа «Евгений Онегин».

Сам Пушкин в октябре 1824 года пишет В. Ф. Вяземской о П. А. Осиповой почти в таких же выражениях: «В качестве единственного развлечения, я часто вижусь с одной милой старушкой — соседкой — я слушаю ее патриархальные разговоры».

В годы михайловской ссылки Пушкин впервые так долго безвыездно жил в деревне и имел возможность во всех подробностях изучить усадебную жизнь. У соседей-помещиков поэт почти не бывал. И конечно, в Тригорском, главным образом, черпал он материалы и краски, так верно живописуя патриархальный быт семейства Лариных, создавая образы их гостей

Хотя Осиповы-Вульф выгодно отличались от большинства провинциальных дворян, но и они «хранили в жизни мирной привычки милой старины». И где, как не в Тригорском, мог наблюдать поэт, как в крещенские вечера:

Служанки со всего двора
Про барышень своих гадали
И им сулили каждый год
Мужьев военных и поход.

Гаданья, приметы, старинные обряды и песни... А тут еще в зале «тригорского замка» висела потемневшая картина — на ней изображено было искушение святого Антония. Бесы и бесенята, приняв различные личины, соблазняют праведника. Пушкин подолгу простаивал перед этой картиной и сам признавался, что, вспоминая ее, «навел чертей в сон Татьяны».

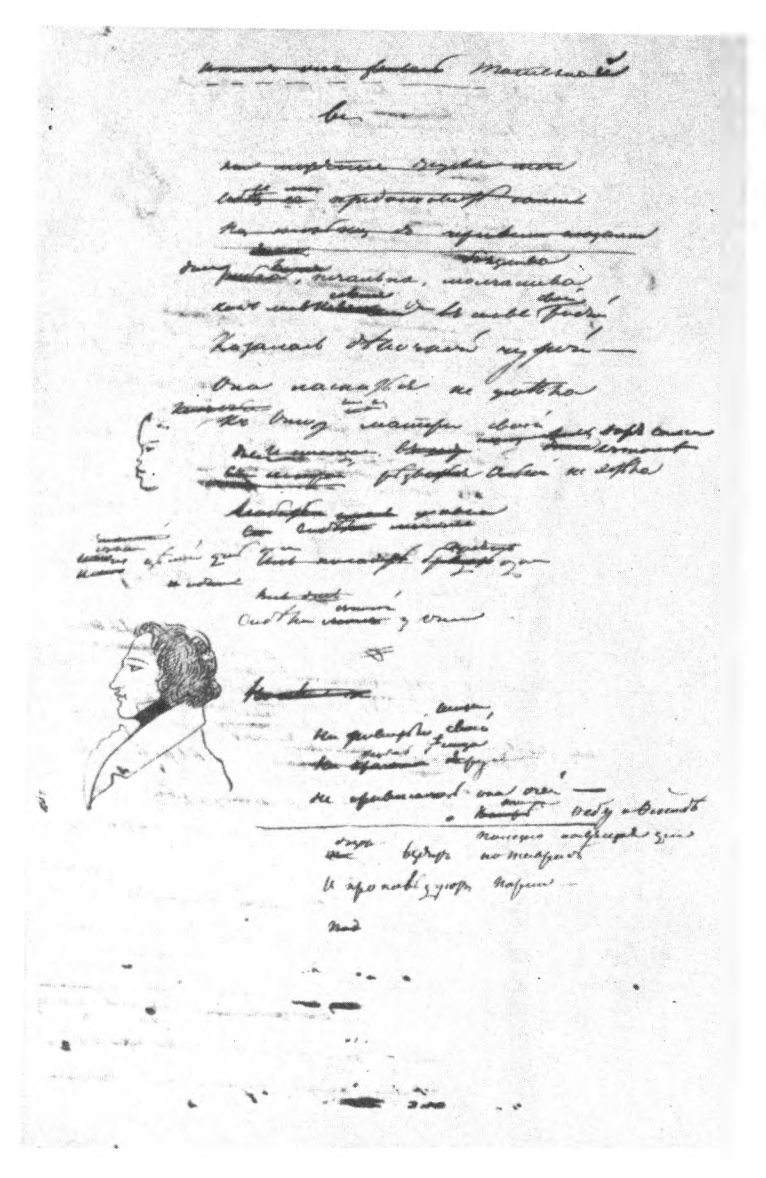
Сидят чудовища кругом:
Один в рогах с собачьей мордой,
Другой с петушьей головой,
Здесь ведьма с козьей бородой,
Тут остов чопорный и гордый,
Там карла с хвостиком, а вот
Полужуравль и полукот.

Где, как не в Тригорском, мог слышать поэт разговоры помещиков:

О сенокосе, о вине,
О псарне, о своей родне.

Один из таких любителей псарни и охоты, с которым Пушкин встречался в Тригорском, даже прислал ему подарок — охотничий рог на бронзовой цепочке «при любезном письме».

Особенно большое количество «господ соседственных селений» съезжалось к Осиповым в дни рождений и именин. В такие дни в Тригорском бывал и Пушкин. Двадцать второго сентября 1825 года он писал А. П. Керн: «Завтра день рождения вашей тетушки; стало быть, я буду в Тригорском». Пушкин присутствовал на семейных праздниках, чтобы не обидеть друзей. К тому же в плане «Онегина» стояли «Имени-

Ленский. Рисунок Пушкина на черновой рукописи II главы романа «Евгений Онегин».

ны», то есть именины Татьяны. Интересно заметить, что именины Татьяны и Евпраксии бывают в один и тот же день — 12 января. В Татьянин день в Тригорском справляли именины Зизи Вульф. И вот описание семейного праздника в «Онегине», описание, где все до мелочей дышит подлинной жизнью:

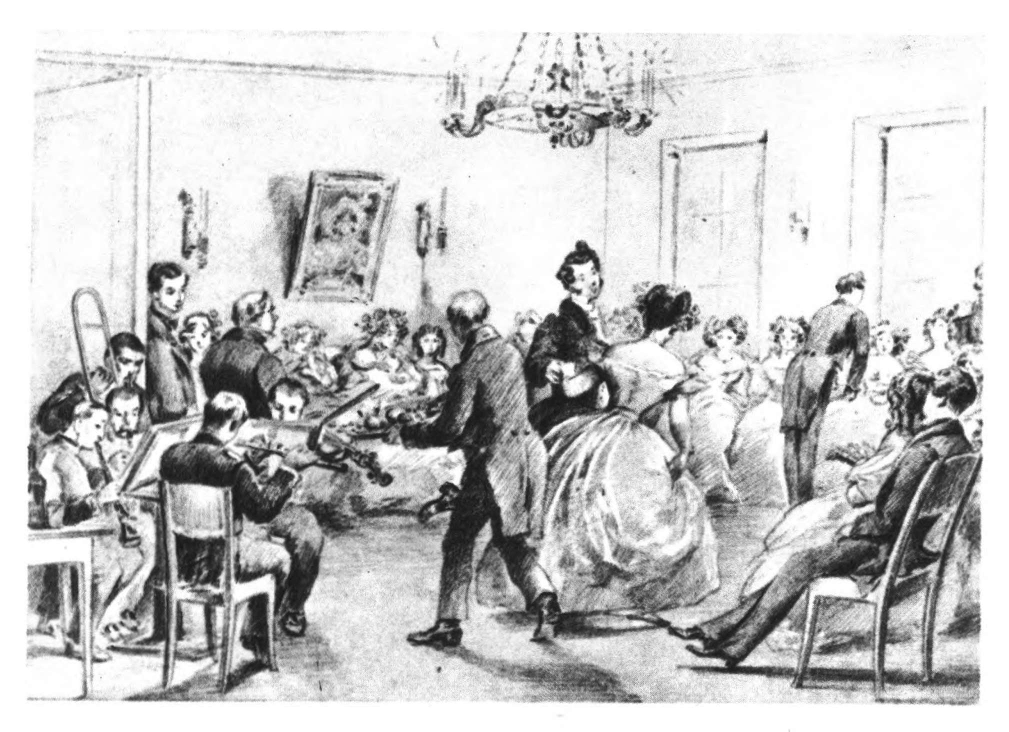
С утра́ дом Лариных гостями
Весь полон; целыми семьями
Соседи съехались в возках,
В кибитках, в бричках и в санях.
В передней толкотня, тревога;
В гостиной встреча новых лиц,
Лай мосек, чмоканье девиц,
Шум, хохот, давка у порога,
Поклоны, шарканье гостей,
Кормилиц крик и плач детей.

Затем обычное чередование: еда, болтовня, танцы, карты, еда и сон чуть не вповалку.

Но кушать подали. Четой
Идут за стол рука с рукой.
Теснятся барышни к Татьяне;
Мужчины против; и, крестясь,
Толпа жужжит, за стол садясь.
На миг умолкли разговоры;
Уста жуют. Со всех сторон
Гремят тарелки и приборы,
Да рюмок раздается звон...

Гремят отдвинутые стулья;
Толпа в гостиную валит:
Так пчел из лакомого улья
На ниву шумный рой летит.
Довольный праздничным обедом,
Сосед сопит перед соседом;
Подсели дамы к камельку;
Девицы шепчут в уголку;
Столы зеленые раскрыты:
Зовут задорных игроков...

Не видя подобных картин, Пушкин, при всей своей гениальности, не смог бы так ярко, эпически-монументально, убийственно-верно изобразить жизнь уездных помещиков, их «гомерические» пиры, их балы. Пушкин лично знал всех этих толстых Пустяковых и их дородных супруг, скопидомов Гвоздиных, обирающих своих нищих крестьян, седую чету Скотининых (и они еще не перевелись на святой Руси!), уездных франтиков Петушковых, тяжелых сплетников Фляновых. Он встречал их всех на семейных праздниках в Тригорском, хотя они и носили другие фамилии. Не случайно А. Н. Вульф заметил, что деревенская жизнь Онегина «вся взята из пребывания Пушкина у нас в губернии Псковской».

Бал у Лариных.
Рисунок П. Соколова.

Свой роман в стихах Пушкин окончил через четыре года, в Болдине, знаменитой болдинской осенью.

Тогда он написал восьмую главу, последнее объяснение Татьяны с Онегиным:

«А мне, Онегин, пышность эта,
Постылой жизни мишура,
Мои успехи в вихре света,
Мой модный дом и вечера,
Что в них? Сейчас отдать я рада
Всю эту ветошь маскарада,
Весь этот блеск, и шум, и чад
За полку книг, за дикий сад,
За наше бедное жилище,
За те места, где в первый раз,
Онегин, видела я вас,
Да за смиренное кладбище,
Где нынче крест и тень ветвей
Над бедной нянею моей...»

Деревня Лариных, где Татьяна впервые увидела Онегина... В памяти поэта оживало далекое Тригорское, простой дом на берегу пруда, старый парк, на соседнем холме — тихое сельское кладбище.

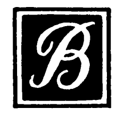
В черновиках восьмой главы «Онегина» есть варианты:

За озеро, за городище,
За наше бедное жилище.

Упоминание городища и озера еще раз показывает, что, описывая деревню Лариных, Пушкин думал именно о Тригорском.

Да, не случайно Пушкин написал на главах «Онегина» — «твоя от твоих». И слова эти относятся не только к прототипам его героев, их быту. Смысл этих слов шире. Пушкин мог бы сказать их также воспетым в «Онегине» тригорским полям и холмам, и в особенности старинному тригорскому парку.

Под липовыми сводами

еликолепный тригорский парк гораздо больше и разнообразнее михайловского. Он занимает почти двадцать гектаров и живописно спускается с тригорского холма к самому берегу Сороти. Планировка парка естественна, свободна. Нет строгой симметрии, четко расчерченных аллей. Хвойное дерево в нем редкость. Его шумную зеленую семью составляют липы, дубы, клены, березы.

Весь парк какой-то светлый, как бы пронизанный солнцем, просторный, радостный. Даже те из его аллей, что узки и тенисты, не угрюмы, а лишь лирично-задумчивы. Обширные парковые залы и укромные беседки, тенистые аллеи и открытые полянки, ручей, пруды, мостики, «сюрпризы» — деревья необычайные по форме или величине...

И все это видел, любил, воспевал Пушкин.

Его влекло в Тригорское. Даже тогда, когда Прасковья Александровна с дочерьми ненадолго уезжала из своего имения, поэт навещал их дом и парк-«сад». «Вчера я посетил Тригорский замок, сад, библиотеку. Уединение его поистине поэтично». И опустевшее Тригорское составляло, по словам Пушкина, его «утешение».

В летние месяцы поэт и его тригорские друзья многие часы проводили в парке. Мелькали в аллеях белые платья, звучали молодые голоса, смех, шутки, стихи. Особенно хороши были теплые, тихие вечера —

Там на горе, под мирным кровом
Старейшин сада вековых,
На дерне свежем и шелковом,
В виду окрестностей живых.

Н. М. Языков. «Тригорское».

«Скамья Онегина».

Живые окрестности Тригорского прекрасно видны с высокого обрыва над Соротью.

На обрыве — небольшая площадка, окруженная вековыми деревьями, а на ней простая белая скамья под сенью ветвей. Этот на редкость красивый уголок тригорского парка уже в семье Осиповых-Вульф называли «скамья Онегина». Обитателям Тригорского казалось, что именно сюда убежала Татьяна, заслышав приближение Онегина, здесь на скамье ждала она решения своей судьбы.

. . . Ах!» — и легче тени
Татьяна прыг в другие сени,
С крыльца на двор, и прямо в сад,
Летит, летит; взглянуть назад
Не смеет; мигом обежала
Куртины, мостики, лужок,
Аллею к озеру, лесок,
Кусты сирень переломала,

По цветникам летя к ручью
И задыхаясь, на скамью
Упала...

Сумрак липовых аллей, тишина, уединение... Это мир мечтательной Татьяны. Она родилась и выросла среди полей и лесов. И как близка, как созвучна им ее глубокая, чистая натура!

От «скамьи Онегина» липовая аллейка уводит глубже в парк. Влево от нее открывается поляна. Когда-то здесь росли ягодные кусты — малина, смородина, крыжовник. Прасковья Александровна была взыскательная хозяйка, и, проходя мимо ягодной полянки, Пушкин, возможно, не раз наблюдал ту самую сцену, которую видела Татьяна, поджидая в саду Онегина:

В саду служанки, на грядах,
Сбирали ягоды в кустах
И хором по наказу пели
(Наказ, основанный на том,

«Танцевальный зал».

Большой верхний пруд.

Чтоб барской ягоды тайком
Уста лукавые не ели,
И пеньем были заняты:
Затея сельской остроты!)

Удивительной была поэтическая зоркость Пушкина. Маленькая картинка, брошенное вскользь ироническое замечание. А сколько ими сказано, сколько раскрыто! Максим Горький, перечитывая «Онегина», говорил, что роман Пушкина, «помимо неувядаемой его красоты, имеет для нас цену исторического документа, более точно и правдиво рисующего эпоху, чем до сего дня воспроизводят десятки толстых книг».

В глубине парка — большая прямоугольная площадка, обсаженная огромными липами. Это зеленый парковый зал. Здесь в погожие дни веселилась тригорская молодежь, играли дети. А когда в усадьбу заходил шарманщик или бродячий оркестр, в зеленом зале устраивали танцы.

Пушкин не отставал от других и, позабыв на время заботы и горести, предавался беспечному веселью. И в танцах находил он поэзию.

Однообразный и безумный,
Как вихорь жизни молодой,
Кружится вальса вихорь шумный;
Чета мелькает за четой...

Огибая парковый зал, узкая аллея из старых раскидистых лип спускается в овражек к ручью. Легкий горбатый мостик, за ним маленький пруд. В парке три пруда. Этот меньше всех — нижний. Вокруг него старые деревья. Когда-то на берегу его росла береза. Прасковья Александровна решила почему-то ее срубить, но Пушкин пожалел дерево и «выпросил березе жизнь».

Дорожка поднимается в гору. Еще пруд. Он длиннее и больше двух других. Его окружают кусты — серебристые ивы. У берега — камыш. На воде то здесь, то там зеленеют широкие круглые листья, белеют восковые цветы водяных лилий — кувшинок.

За большим прудом начинается главная аллея тригорского парка. Она очень широкая и длинная. Большей частью липовая. Но среди лип попадаются дубы, березы, клены.

Совсем недавно здесь росла ель гигантских размеров, знаменитая ель-шатер, любимица поэта. Ей было более трехсот лет, высота ее достигала тридцати метров. Прямая, стройная, она устремлялась высоко в небо. Мохнатые пушистые ветви, все расширяясь книзу, спускались к земле широким шатром. В зной здесь было прохладно, в дождь сухо. Уже во времена Пушкина ель была огромной и старой. Под ее зеленым шатром любила собираться тригорская молодежь. При взгляде на эту величавую красавицу всегда вспоминались слова Пушкина:

Но там и я свой след оставил,
Там, ветру в дар, на темну ель
Повесил звонкую свирель.

Теперь на месте ели-шатра, которая отжила свой век, растет молодое дерево.

В конце главной аллеи был еще один сюрприз — береза-седло. Два ствола этого дерева, расходясь, образовывали подобие седла. По преданию, в дупло березы Пушкин опустил на память не то пятачок, не то кольцо. Сейчас на месте березы-седла подсажена похожая на нее двуствольная березка.

«Солнечные часы» — тоже парковый сюрприз. Это круглая лужайка, обсаженная дубами. Когда-то их было двенадцать, теперь осталось только семь. Посреди лужайки стоит длинный шест, и тень от него, как стрелка от часов, ложась между дубами, показывает время.

На опушке тригорского парка, на насыпной горке, среди поляны, широко раскинув узловатые ветви, стоит одинокий могучий дуб — «дуб уединенный», как называют его с давних пор. Свыше трех столетий этому «патриарху лесов». Он, как и ель-шатер, был любимцем Пушки-

«Дуб уединенный».

на. Когда-то вокруг горки стояли еще четыре ели. Но Прасковья Александровна велела их срубить, — они якобы мешали расти дубу. Пушкин жалел об этих елях. Ему нравилось лежать в их тени, любоваться красавцем дубом и, размышляя, слушать, как шумит его густая листва.

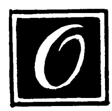
Гляжу ль на дуб уединенный,
Я мыслю: патриарх лесов
Переживет мой век забвенный,
Как пережил он век отцов.

Дуб намного пережил своего знакомца-поэта. Он не забыт, потому что и на него упал луч славы Пушкина.

Возле «дуба уединенного» парк кончается. Высокая стена старых лип, как огромная изгородь, отделяет его от тригорских лугов.

Трудно расставаться с тригорским парком. Он покоряет, очаровывает. Не только своей разнообразной и светлой красотой. Он весь «онегинский», весь пушкинский. Покидая его, будто расстаешься с Пушкиным, с Онегиным, с Татьяной.

„В Петербурге бунт“

Осенью и зимой 1825 года Пушкин чуть не каждый день бывал в Тригорском. А если заработается, засидится у себя, Прасковья Александровна сама велит закладывать возок и вместе с дочерьми отправляется в Михайловское.

Тоска! Так день за днем идет в уединенье!
Но если под вечер в печальное селенье,
Когда за шашками сижу я в уголке,
Приедет издали в кибитке иль возке
Нежданная семья: старушка, две девицы
(Две белокурые, две стройные сестрицы), —
Как оживляется глухая сторона!
Как жизнь, о боже мой, становится полна!

Пушкин давал слово, что он завтра же непременно явится в «тригорский замок». И он являлся. На людях не так остро чувствовал себя «ссылочным невольником».

Уже второй год, как сослали его в деревню. И ничего впереди — ни надежды, ни просвета.

Вдруг к концу ноября 1825 года забрезжила надежда. Заезжие люди, оберегаясь, рассказывали: царь-де поехал в Таганрог, там тяжко заболел и (тут рассказчик истово крестился), верно, уже отдал богу душу. В округе только и разговору было, что о болезни царя. Вскоре

узнали — приехал в соседний городишко Новоржев из Петербурга отпускной солдат, так тот не таясь говорит: «В Петербурге объявлено, что государь император Александр Павлович минувшего ноября 19 дня волею божею помре».

Гонитель его умер... Пушкину верилось и не верилось. Он снарядил кучера Петра в Новоржев. Известие подтвердилось. Второго декабря в Опочецком уезде уже присягали новому царю — Константину Павловичу.

Надежды, сомнения, страстное желание свободы — самые противоречивые чувства обуревали Пушкина. «Может быть, нынешняя перемена сблизит меня с моими друзьями». Перед ним будто дверь приоткрылась в широкий мир, и Пушкину не терпелось шагнуть в эту дверь, вырваться наконец на свободу.

Он не мог больше усидеть в деревне. Что, если самому, не спросясь начальства, уехать в Петербург? Правительству не до него. Никто и не заметит. Тем более, что отправится он под видом крепостного человека Прасковьи Александровны — Алексея Хохлова. Пушкин выправил «билет», удостоверяющий, что он и есть Алексей Хохлов. С собой решил взять михайловского садовника Архипа Курочкина. В «билете», от лица Прасковьи Александровны, изменив почерк, написал: «Сей дан села Тригорского людям Алексею Хохлову росту 2 арш., 4 вер., волосы темнорусые, глаза голубые, бороду бреет, лет 29, да Архипу Курочкину росту 2 ар. $3^1/_2$ вер., волосы светлорусые, брови густые, глазом крив, ряб, лет 45, в удостоверение, что они точно посланы в С.-Петербург по собственным моим надобностям и потому прошу господ командующих на заставах чинить им свободный пропуск, сего 1825 года, ноября 29 дня. Село Тригорское в Опочецком уезде».

И ниже Пушкин сам расписался за Прасковью Александровну: «Статская советница Прасковья Осипова».

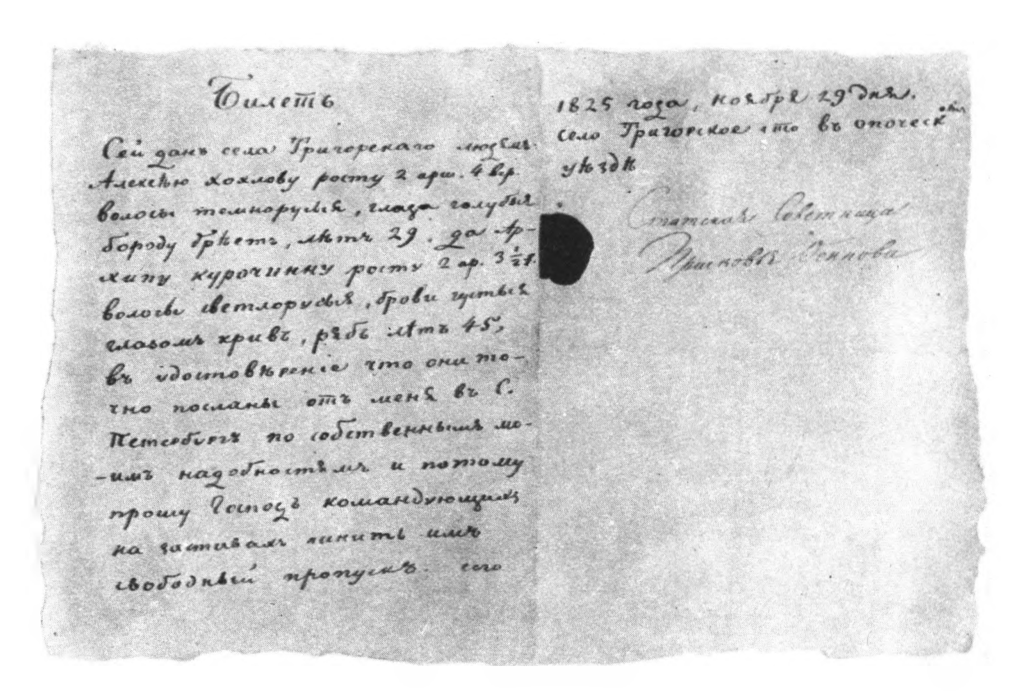
Все готово, все уложено; мигом собрались и сразу поехали. Проскакали верст двадцать до погоста Врева. И Пушкин передумал. Приказал Архипу Курочкину поворотить коней назад.

День ото дня становилось тревожнее. В Опочецкий уезд доходили немыслимые слухи. В стране нет царя. Константин как сидел, так и сидит в Варшаве и не желает вступать на российский престол. А тут еще письмо от Пущина. Пущин извещал, что едет из Москвы в Петербург «и очень бы желал увидеться там с Александром Сергеевичем». Что это — призыв или дружеское пожелание?

Как-то вечером в середине декабря все обитатели Тригорского собрались в зале. На дворе был мороз. Пушкин стоял возле печки. Вдруг вбежала горничная:

— Барыня! Арсений приехал!

Арсений был тригорским поваром. Каждую зиму Прасковья Александровна посылала его с яблоками и другим деревенским припасом

Билетъ

Сей данъ села Тригорскаго людямъ Алексѣю Хохлову росту 2 арш. 4 вер. волосы темнорусыя, глаза голубыя, бороду брѣетъ, лѣтъ 29, да Архипу Курочкину росту 2 ар. 3 1/2 вер. волосы светлорусыя, брови густыя, глазомъ кривъ, рябъ, лѣтъ 45, въ удостовѣренiе что они точно посланы отъ меня въ С. Петербургъ по собственнымъ моимъ надобностямъ и потому прошу Господъ командующихъ на заставахъ чинить имъ свободный пропускъ. Сего 1825 года, ноября 29 дня. Село Тригорское что въ опоческомъ уѣздѣ.

Статская Советница Прасковія Осипова

Проездной билет на имя крепостных людей Алексея Хохлова и Архипа Курочкина от 29 ноября 1825 года, написанный Пушкиным.

торговать в Петербург. Там на вырученные деньги закупали сахар, чай, вино. Предприятие всегда занимало немало времени, а тут не успел уехать и уже вернулся.

— Зови, — приказала встревоженная Прасковья Александровна.

Арсений явился. Вид у него был недоуменный, испуганный.

— Яблоки-то продал, — докладывал он, — а что купить, куда там... Такой переполох! Не на своих лошадях ехал. Слава тебе, господи, что ноги унес!

Говорил он непонятно, сбивчиво. После долгих расспросов выяснилось: в Петербурге «бунт». Повсюду разъезды, караулы. Кого-то ищут, кого-то хватают. Он, Арсений, перепугался до смерти, насилу выбрался за заставу, нанял почтовых и поскорей домой.

В Петербурге бунт... Все переглянулись. Пушкин страшно побледнел. Тайное общество... Пущин... Значит, началось. Тяжелые предчувствия закрались в душу.

Прошли два-три дня — и новое известие. Вместо Константина воцарился его брат Николай. Царь Николай I. И еще: в Петербурге действи-

тельно были «беспорядки», но, как сообщалось в газетах, «виновнейшие из офицеров пойманы и отведены в крепость... Праведный суд вскоре совершится над преступными участниками бывших беспорядков». Были опубликованы и списки арестованных. На первом месте стоял Кондратий Рылеев, сочинитель, затем — адъютант герцога Виртембергского Александр Бестужев.

Его Рылеев, его Бестужев... Недавно он писал им, желал «здравия и вдохновения», спрашивал: «Когда-то свидимся?» С замирающим сердцем читал Пушкин бесконечный список. Вот оно: «Коллежские советники Пущин, приехавший из Москвы, и Вильгельм Кюхельбекер, безумный злодей, без вести пропавший». Удар был силен и в самое сердце.

Пушкин ни о чем не мог думать, кроме участи друзей. Он поспешно сжег свои «Записки». «... При открытии несчастного заговора я принужден был сжечь сии записки, — вспоминал поэт позднее. — Они могли замешать многих и, может быть, умножить число жертв. Не могу не сожалеть о их потере; я в них говорил о людях, которые после сделались историческими лицами, с откровенностию дружбы или короткого знакомства».

Невесело начинался 1826 год. Пушкина томила неизвестность. «Что делается у вас в Петербурге? Я ничего не знаю, все перестали ко мне писать. Верно, вы полагаете меня в Нерчинске. Напрасно, я туда не намерен — но неизвестность о людях, с которыми находился в короткой связи, меня мучит».

И в Тригорском было невесело. Беда постучалась в «тригорский замок». На Украине восстал Черниговский полк. «Главный зачинщик»— подполковник Сергей Муравьев-Апостол тяжело ранен в голову и вместе с братом Матвеем, офицером того же полка, захвачен в плен.

Сергей и Матвей Муравьевы-Апостолы приходились Прасковье Александровне двоюродными братьями. Пушкину показали альбом в черном сафьяновом переплете с металлическими застежками. Альбом этот в 1816 году подарил тригорской кузине Сергей Иванович Муравьев-Апостол, тогда еще юный офицер Семеновского полка. В альбоме он сделал запись: «...Не боюсь и не желаю смерти... Когда она явится, она найдет меня совершенно готовым».

Теперь эти слова приобретали пророческий смысл. Зачинщик... Закован в кандалы и доставлен в Петербург. Пушкин знал Сергея Муравьева-Апостола. Благороднейшая душа, необычайный ум, красноречие, энтузиазм. Кумир солдат, образец для товарищей.

Даже работа не спасала Пушкина от тяжелых дум. На листах «Онегина» он рисует профили декабристов: Пестеля, Пущина, Кюхельбекера, Рылеева, Сергея Муравьева-Апостола, В. Ф. Раевского, С. П. Трубецкого. И среди них — себя.

Его собственная участь была тоже не ясна. Но трагизм событий заслонил все личное. «Мне было не до себя», — пишет он Жуковскому,

объясняя свое молчание. И предупреждает, если друзья, паче чаяния, вздумают просить за него царя: «...решительно говорю не отвечать и не ручаться за меня». Он не ждал хорошего. «Я от жандарма еще не ушел, легко может, уличат меня в политических разговорах с каким-нибудь из обвиненных. А между ними друзей моих довольно».

«Я от жандарма еще не ушел...» Пушкин был прав, проницателен, как всегда. Коронованный жандарм Николай I проявлял к его особе чрезвычайный интерес.

На третий день после восстания, 17 декабря, Ивана Пущина повезли в Зимний дворец на допрос. Допрашивал и выпытывал сам царь.

— Правда ли, — резко спросил он Пущина, — что ты послал своему родственнику поэту Пушкину письмо о готовящемся восстании?

— Наш великий национальный поэт Пушкин мне не родственник, а только товарищ по Царскосельскому лицею, — ответил Пущин. — К тому же общеизвестно, — добавил он холодно, — что автор «Руслана и Людмилы» был всегда противником тайных обществ и заговоров.

Имя Пушкина упоминалось чуть не при каждом допросе. Показания давали разные. Те, кто потверже, проницательнее, опытнее, всячески старались, как и Пущин, снять подозрения с автора «Вольности», «Деревни», «Кинжала», «Андрея Шенье».

Друг Рылеева, декабрист Штейнгель, показывал, что сочинения Грибоедова и Пушкина («кому неизвестные?») он «вообще читал из любопытства». «Решительно могу сказать, — показывал Штейнгель, — что они не произвели надо мною иного действия, кроме минутной забавы».

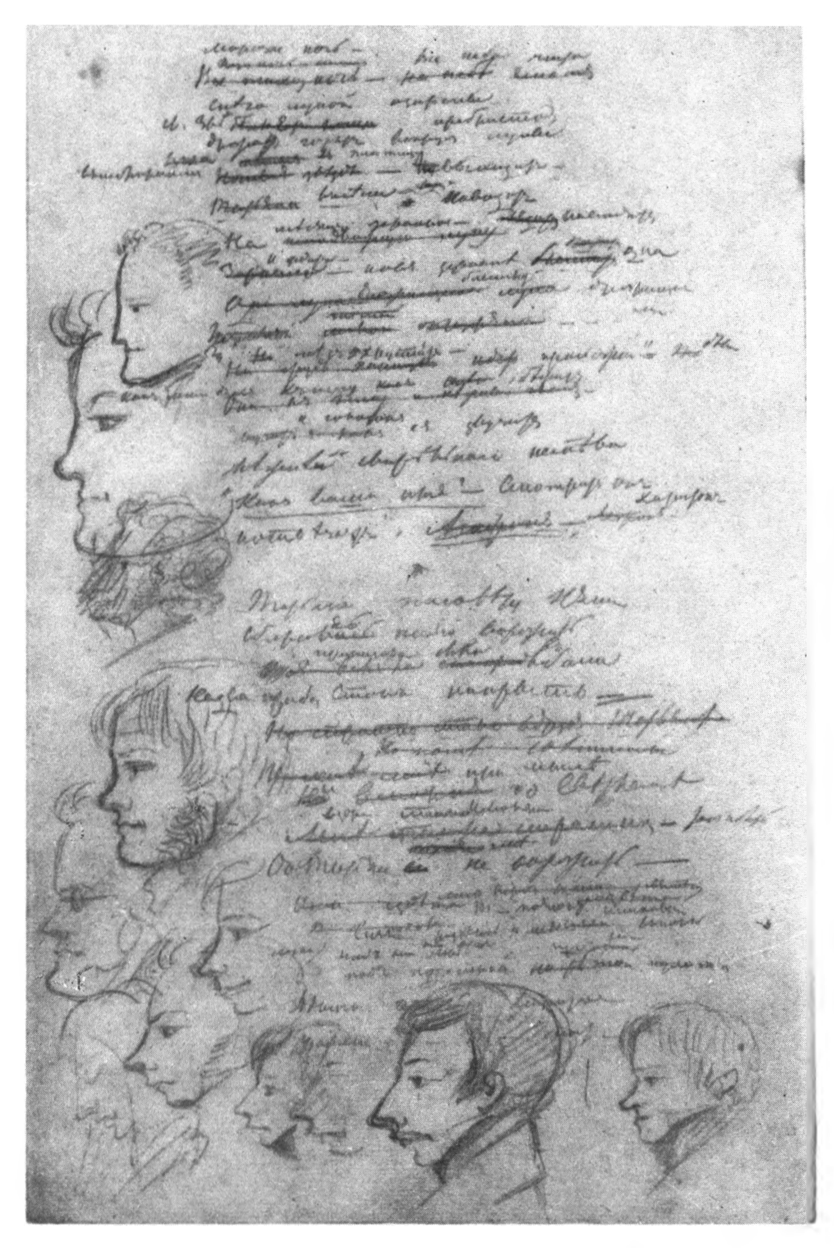
В таком же духе давал показания Александр Бестужев. «Что же касается до рукописных русских сочинений, — заявлял он с нарочитой пренебрежительностью, — они слишком маловажны и ничтожны для произведения какого-либо впечатления».

Декабрист Лорер делал вид, будто не знает, что стихи Пушкина «сомнительны», то есть вольнодумны. Он говорил: «Насчет же сочинений Пушкина я чистосердечно признаюсь, — я их не жег, ибо я не полагал, что они сомнительны; знал, что почти у каждого находятся, — и кто их не читал?»

Но были другие показания: «Мысли свободные зародились во мне уже по выходе из корпуса, около 1822 года, от чтения различных рукописей, каковы: «Ода на свободу», «Деревня»... и проч.» «Свободный образ мыслей получил... частию от сочинений рукописных; оные были свободные стихотворения Пушкина и Рылеева». «Рукописных экземпляров вольнодумческих сочинений Пушкина и прочих столько по полкам, что это нас самих удивляло».

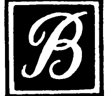
Следствие шло... В Петербурге, в Зимнем дворце, решалась судьба декабристов. Там взвешивалась степень виновности их друга, единомышленника — Пушкина. Чаша весов колебалась.

Между тем наступало лето 1826 года.

Страница черновой рукописи V главы романа «Евгений Онегин» с рисунками Пушкина на полях: декабристы Пестель, Пущин, Кюхельбекер, Рылеев.

В старой баньке

В тригорском парке, недалеко от «скамьи Онегина», у обрыва над Соротью, возвышается небольшая прямоугольная площадка — старые камни, занесенные землей и поросшие травой. Это остаток фундамента, на котором когда-то стоял крытый соломой бревенчатый домик-банька. Домик был вместительным, из двух половин. Одна — собственно баня, другая — горница с большими окнами, в случае надобности годная под жилье.

Летом 1826 года в тригорской баньке нередко проводил целые дни, а подчас и оставался ночевать Пушкин. И вот по какому случаю. В Тригорское приехал, наконец, долгожданный гость поэт Николай Михайлович Языков. Горницу в баньке предоставили ему.

Языков был товарищем Алексея Вульфа по Дерптскому университету. Там изучал он философию, «этико-политические науки», историю

Место старой баньки в тригорском парке.

Тригорская банька.
Этюд В. Максимова. 1898 год.

живописи и архитектуры, эстетику, литературу. Пушкин знал Языкова лишь по его стихам. Стихи Пушкину нравились. Ему была по сердцу удалая муза дерптского студента, без устали воспевавшего

...юности прекрасной
Разнообразные дары,
Студентов шумные пиры,
Веселость жизни самовластной,
Свободу мнений, удаль рук,
Умов небрежное волненье
И благородное стремленье
На поле славы и наук.

Н. М. Языков. «Дерпт».

Все, что рассказывал Вульф о своем однокашнике-поэте, вызывало у Пушкина живой интерес. И какой желанной казалась встреча с Языковым, особенно здесь, в деревенской глуши.

Еще в сентябре 1824 года, приехав в михайловскую ссылку, Пушкин писал в Дерпт Вульфу:

Здравствуй, Вульф, приятель мой!
Приезжай сюда зимой,
Да Языкова поэта
Затащи ко мне с собой
Погулять верхом порой,
Пострелять из пистолета.
Лайон, мой курчавый брат
(Не Михайловский приказчик),
Привезет нам, право, клад...
Что? — бутылок полный ящик.
Запируем уж, молчи!
Чудо — жизнь анахорета!
В Троегорском до ночи,
А в Михайловском до света...

Однако Языков не торопился ехать к Пушкину.

По словам Алексея Вульфа, «Языков был не из тех, которые податливы на знакомства; его всегда надо было неволею привести и познакомить даже с такими людьми, с которыми внутренно он давно желал познакомиться».

Прасковья Александровна писала сыну, обращаясь к нему и к Языкову: «Очень хорошо бы было, когда б вы исполнили ваше предположение приехать сюда... Хотя я не имею чести знать Языкова, но от моего имени пригласи его, чтоб он оживил Тригорское своим присутствием».

Языков собрался в Тригорское лишь летом 1826 года. Незадолго до отъезда он сообщал брату: «Вот тебе новость о мне самом: в начале наших летних каникул я поеду на несколько дней к Пушкину; кроме удовлетворения любопытства познакомиться с человеком необыкновенным, это путешествие имеет и цель поэтическую».

Вульф привез своего дерптского приятеля в Тригорское в середине июня. Гость был круглолицый, кудрявый, со вздернутым носом, едва перешагнувший за двадцать лет.

Языков провел в Тригорском не несколько дней, как предполагал, а почти целый месяц. Его восхитили красота природы, гостеприимство Прасковьи Александровны и ее дочерей, простота, сердечное расположение к нему Пушкина. А горница в уединенной баньке как нельзя больше отвечала его поэтическим вкусам. Ведь стоило выйти за порог, и глазам открывались картины одна другой краше.

Тогда, один, восторга полный,
Горы прибережной с высот,
Я озирал сей неба свод,
Великолепный и безмолвный,
Сии круги и ленты вод,
Сии ликующие нивы.

Н. М. Языков. «Тригорское».

Н. М. Языков.
Литография по рисунку А. Хрипкова. 1829 год.

Лето в 1826 году выдалось знойное, благодатное. Пушкин почти переселился в Тригорское. Его чрезвычайно радовал приезд Языкова, хотя на душе по-прежнему было неспокойно. В Петербурге шел суд над участниками восстания 14 декабря. Новый царь угрожал «злоумышленникам» тягчайшими карами. С волнением говорили Пушкин, Языков и Вульф о судьбе декабристов, о будущем России.

Молодые люди почти не разлучались: гуляли по тенистому тригорскому парку, стреляли из пистолетов, ездили верхом, спасались от жары в прохладной Сороти.

Тригорские барышни и дерптские студенты затевали увеселения, танцы, пирушки в баньке и под открытым небом. Евпраксия Вульф мастерски варила жженку, этот, по словам Пушкина,

...напиток благородный,
Слиянье рому и вина,
Без примеси воды негодной,
В Тригорском жаждою свободной
Открытый в наши времена.

Зизи сама разливала жженку серебряным ковшиком по большим хрустальным бокалам. Долгие годы хранился в Тригорском этот ковшик. Теперь он находится в Доме-музее Тригорского.

Ум, образованность, остроумие творца «Онегина» поражали Языкова. А то, что оба они были поэты, придавало их беседам особую прелесть.

Что восхитительнее, краше
Свободных, дружеских бесед,
Когда за пенистою чашей
С поэтом говорит поэт?..
Певец Руслана и Людмилы!
Была счастливая пора,
Когда так веселы, так милы
Неслися наши вечера.

Н. М. Языков. «Тригорское».

Языков, стеснительный в женском обществе, часами мог читать свои стихи Пушкину и Вульфу. Поэты обсуждали литературные новости, просматривали новые книги.

Попались среди вновь полученных книг и «Апологи», то есть басни, притчи, переведенные маститым И. И. Дмитриевым. «Апологи» насмешили друзей. Заурядные, прописные истины преподносились в них как некие откровения. Богатый материал для пародии! Неизвестно, кто начал — Пушкин или Языков, но пародии родились. Сочиняли их вместе и назвали «Нравоучительные четверостишия». Четверостиший было одиннадцать, и все высмеивали «глубокомысленные» притчи Дмитриева.

Вот третье четверостишие — «Справедливость пословицы»:

Одна свеча избу лишь слабо освещала;
Зажгли другую, — что ж? изба светлее стала.
Правдивы древнего речения слова:
Ум хорошо, а лучше два,

А это седьмое четверостишие — «Лебедь и гусь»:

Над лебедем желая посмеяться,
Гусь тиною его однажды замарал;
Но лебедь вымылся и снова белым стал.
Что делать, если кто замаран?.. Умываться.

Но беседы с Языковым, прогулки, стихотворные шутки давали Пушкину лишь минутное забвение. «Грустно, брат, так грустно, что хоть сей час в петлю», — писал он в это время Вяземскому.

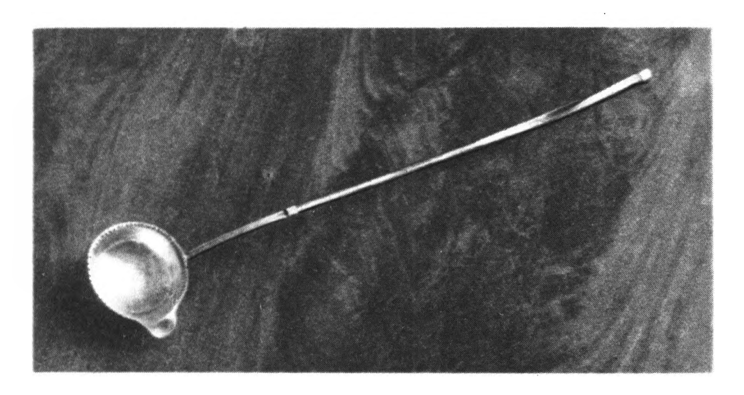
Языков уехал. А через месяц пришло от него в Михайловское из Дерпта письмо. Там были и стихи — послание Пушкину:

О ты, чья дружба мне дороже
Приветов ласковой молвы,
Милее девицы пригожей,
Святее царской головы! ..

После возвращения из Тригорского Языков создал лучшие свои произведения, такие, как «П. А. Осиповой», «А. С. Пушкину», «Тригорское».

Память о «божественном лете» 1826 года Языков сохранил на всю жизнь. Через восемнадцать лет он писал в стихотворении, обращенном к Евпраксии Николаевне Вульф, тогда уже баронессе Вревской:

Я помню вас! Вы неизменно
Блестите в памяти моей —
Звезда тех милых, светлых дней,
Когда гуляка вдохновенный,
И полный свежих чувств и сил,
Я в мир прохлады деревенской,
Весь свой разгул души студентской —
В ваш дом и сад переносил;
Когда прекрасно, достохвально,
Вы угощали нас двоих
Певцов — и был один из них
Сам Пушкин (в оны дни опальный
Пророк свободы), а другой...

Серебряный ковшик для разливания жженки из Тригорского (хранится в Пушкинском заповеднике).

Тригорские луга.

Другой был я, его послушник,
Его избранник и подружник,
И собутыльник молодой.
Как хорошо тогда мы жили!..

Помнил все это и Пушкин.

Есть в вариантах «Путешествия Онегина» проникновенные строки, посвященные Тригорскому и его обитателям. Это как бы заключительные аккорды той поэтической симфонии, в которой Пушкин воспел дорогие ему места, дорогих ему людей. Воспел — и обессмертил. Ибо все, к чему прикоснулся его чудодейственный гений, обрело бессмертие.

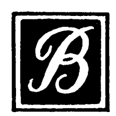
О, где б судьба ни назначала
Мне безымянный уголок,
Где б ни был я, куда б ни мчала
Она смиренный мой челнок,
Где поздний мир мне б ни сулила,
Где б ни ждала меня могила,
Везде, везде в душе моей

Благословлю моих друзей.
Нет, нет! нигде не позабуду
Их милых, ласковых речей;
Вдали, один, среди людей
Воображать я вечно буду
Вас, тени прибережных ив,
Вас, мир и сон Тригорских нив.
И берег Сороти отлогий,
И полосатые холмы,
И в роще скрытые дороги,
И дом, где пировали мы —
Приют сияньем муз одетый,
Младым Языковым воспетый,
Когда из капища наук
Явился он в наш сельский круг
И нимфу Сороти прославил,
И огласил поля кругом
Очаровательным стихом;
Но там и я свой след оставил,
Там, ветру в дар, на темну ель
Повесил звонкую свирель.

„В деревне, где Петра питомец...“

стихотворном послании Пушкина Языкову, написанном в Михайловском, есть строки:

> В деревне, где Петра питомец,
> Царей, цариц любимый раб
> И их забытый однодомец,
> Скрывался прадед мой арап,
> Где, позабыв Елисаветы
> И двор и пышные обеты,
> Под сенью липовых аллей
> Он думал в охлажденны леты
> О дальней Африке своей,
> Я жду тебя...

Арап — он же русский помещик. Потомок абиссинских владык, живущий в глухой псковской деревне, «под сенью липовых аллей»... Это было необычайно. Но Пушкин знал, что прадед его — «арап Петра Великого» окончил свои дни не в псковских имениях, а под Петербургом, в Суйде. Откуда же возник такой поэтический образ? Очевидно, его навеяло Пушкину следующее: в соседнем с Михайловским селе Петровском жил на покое последний из сыновей Абрама Петровича Ганнибала — Петр Абрамович, и был он почти так же черен, как и его знаменитый отец. В годы ссылки Пушкин неоднократно бывал в Петровском, видел своего двоюродного деда.

Село Петровское расположено в четырех километрах от Михайловского. Сейчас это старое ганнибаловское поместье является частью Государственного Пушкинского заповедника.

Абрам Петрович Ганнибал получил Петровское одновременно с Михайловским и другими деревнями, входившими в Михайловскую губу.

Тогда Петровское называлось Кучане, так же, как и озеро, на берегу которого оно стоит. Село Кучане приглянулось Абраму Петровичу больше других, и он распорядился, чтобы там жил приказчик и оттуда управлял всем имением. По велению барина приказчик Яков Баранчеев поселил в селе Кучане двадцать восемь человек дворовых и занялся устройством усадьбы. Это «главное» в псковских владениях Ганнибала село, вероятно в честь «благодетеля» — царя Петра I, и было названо Петровским. С 1746 года четыре лета подряд проживали в Петровском малолетние дети Абрама Петровича — сыновья Петр и Осип, дочери —

Петровское, вид с берега озера Кучане близ Михайловского.

Предполагаемый портрет П. А. Ганнибала работы неизвестного художника. Конец XVIII века.

Евдокия, Анна и Елизавета. До конца жизни А. П. Ганнибала село Петровское оставалось хозяйственным центром его псковского поместья.

Но благоустраивал село, придал ему тот вид, который застал Пушкин и который частично сохранился до наших дней, второй владелец Петровского — Петр Абрамович Ганнибал.

Как отец его и братья, был он военным. Служил в артиллерии, дослужился до генерал-майорского чина. В восьмидесятых годах XVIII века вышел в отставку и поселился в доставшейся ему от отца

псковской деревне. Полторы тысячи десятин земли да около трехсот крепостных душ придавали Петру Абрамовичу вес в уезде и даже в губернии.

При Петре Абрамовиче был разбит и сохранившийся до сих пор петровский парк.

Парк невелик — около трех гектаров, но красив и разнообразен. Это типичный «французский парк», прекрасный образец архитектурно-паркового искусства XVIII века. Спланирован он четко, с большим вкусом. Строгие тенистые аллеи идут и параллельно, и пересекая друг друга. Пространство между ними — светлые солнечные площадки — «залы». Искусное чередование света и тени, стройность и строгость линий, умелый подбор различных пород деревьев составляют своеобразие и прелесть петровского парка.

Парк весь лиственный. Есть в нем липа, клен, дуб, береза, ясень, вяз (тот вяз, который посадил в Михайловском перед домом сын поэта Г. А. Пушкин, тоже родом из Петровского). Но главные деревья в петровском парке — липы. И не просто липы, а липы-великаны и липы-карлики.

С берега озера в усадьбу ведет парадная аллея карликовых лип. Карликовые липы растут очень медленно. Несмотря на свой весьма почтенный возраст (им за полторы сотни лет), они невысоки, тонкоствольны. Но ветвей у них изобилие. И хотя аллея широка, ветви ее невысоких деревьев, сходясь, образуют зеленый свод. Во всякое время года липы по-своему хороши. Летом — пышной зеленью и тенью; ранней осенью — желтым золотом листвы, сквозь которую просвечивает холодная синева озера; зимой — причудливыми очертаниями стволов и ветвей, покрытых сверкающим инеем.

Когда-то в самом начале этой главной аллеи стояла каменная арка. Поверх арки устроена была площадка, обнесенная перильцами,— нечто вроде беседки, куда вела лесенка. Сверху открывался великолепный вид на озеро Кучане и его живописные берега.

Меж нив златых и пажитей зеленых
Оно синея стелится широко;
Через его неведомые воды
Плывет рыбак и тянет за собой
Убогий невод. По брегам отлогим
Рассеяны деревни. . .

По преданию, сидя в беседке над аркой, Петр Абрамович любил обозревать озеро и окрестности.

Прекрасно сохранилась и другая аллея карликовых лип. Она начинается с середины главной аллеи — перпендикулярно к ней — и тянется широким тенистым коридором до самого края парка. В центре ее — сюрприз: деревья вдруг нарушают четкую прямоту линий, выступают двумя полукругами, образуя беседку с высоким зеленым куполом.

Петровское. Большая липовая аллея.

Вид из Петровского на озеро Кучане и дорогу в Михайловское.

Возле самой усадьбы расположена большая липовая аллея. Деревья ее — это уже не приземистые карлики, а могучие великаны, устремленные ввысь. В конце аллеи, на круглой площадке, с незапамятных времен лежит большой серый камень-валун. На нем часто сиживал Петр Абрамович, — он любил отдыхать в этом месте.

Большая липовая аллея, как и парадная аллея карликовых лип, приводит к широкому кругу перед усадьбой. В середине круга когда-то был пруд, обсаженный розами. Но в нем кто-то утонул. Тогда пруд зарыли и на месте его разбили клумбу.

За кругом, напротив главной аллеи, стоял барский дом, начиналась усадьба.

Усадьба Петровского была типичной помещичьей усадьбой XVIII века. Рядом с изысканным французским парком имелись в ней русская баня, кузница, избы для «людей», скотный двор. Усадьба вплотную примыкала к деревне. Все это вместе и составляло село Петровское.

Ни барский дом, ни другие постройки на усадьбе не сохранились.

Но полуразрушенный фундамент и две-три позднейшие фотографии дают некоторое представление о барском доме. Дом был довольно велик и высок, с мезонином (надстройкой посредине). Обшит и крыт тесом. Украшали его деревянные колонны, увитые плющом, две веранды, широкая парадная лестница.

Был он внешне много пригляднее, чем михайловская «ветхая лачужка» и неказистый «тригорский замок». Но внутренняя отделка и убранство комнат не отличались ни красотою, ни роскошью. Такие же, как и в Михайловском, большие изразцовые печи, дубовый пол, штофные обои, старинные портреты и картины в потемневших рамах. Отдельные ценные вещи, вывезенные из Петербурга и из-за границы — мебель красного дерева и карельской березы, гобелены, ковры, оружие, — здесь мирно уживались с еловыми лавками, табуретками, комодами, домоткаными половиками и занавесками.

Жилище Петра Абрамовича во многом напоминало «покои» дяди Онегина.

Дом Ганнибалов в Петровском.
Фотография. 900-е годы.

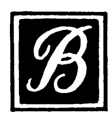

В петровском парке у места старой усадьбы

Он в том покое поселился,
Где деревенской старожил
Лет сорок с ключницей бранился,
В окно смотрел и мух давил.
Все было просто: пол дубовый,
Два шкафа, стол, диван пуховый,
Нигде ни пятнышка чернил.
Онегин шкафы отворил;
В одном нашел тетрадь расхода,
В другом наливок целый строй,
Кувшины с яблочной водой
И календарь осьмого года:
Старик, имея много дел,
В иные книги не глядел.

К подобным «деревенским старожилам» принадлежал и помещик села Петровского — Петр Абрамович Ганнибал. Годами жил он в своей деревне, томясь от безделия, измышляя, как бы заполнить бесконечный досуг, и самовластно повелевая своими крепостными рабами.

У старого арапа

В августе 1825 года Пушкин писал П. А. Осиповой в Ригу: «Я рассчитываю еще повидать моего двоюродного дедушку, — старого арапа, который, как я полагаю, не сегодня — завтра умрет, а между тем мне необходимо раздобыть от него записки, касающиеся моего прадеда».

Старому арапу — Петру Абрамовичу Ганнибалу — было в то время восемьдесят три года, и Пушкин решил, не откладывая, получить у него документы и сведения об Абраме Петровиче. Поэт поехал в Петровское.

Песчаная дорога из Михайловского в Петровское пролегает берегом широкого озера Кучане. Слегка отступя от воды, почти вдоль всей дороги с горушки на горушку шагают стройные сосны — михайловский бор. За Змеиной горой бор кончается. Почему гора Змеиная, — неизвестно. То ли потому, что водились на ней змеи, то ли из-за предания. Толковали в народе, будто раз в году, ровно в полночь, появляется над горою огненный змей и, покружившись, рассыпается мелкими искрами.

От Змеиной горы рукой подать до Петровского, ясно виден кудрявый парк на отлогом берегу.

За полкилометра от усадьбы начинается въездная березовая аллея (когда-то она была гораздо длиннее, чем теперь), затем улица села и, наконец, парк и усадьба.

Дорога из Михайловского в Петровское вдоль берега озера Кучане. Справа — Змеиная гора.

Пушкину запомнилось, как сразу после Лицея он навестил здесь Петра Абрамовича. Тогда старик был бодр, подвижен. Жил, как и нынче, один, бобылем. С семьей — женой и тремя детьми — давно расстался. Жене написал, чтобы «она к успокоению его не жила более с ним вместе, а получала бы от него с детьми положенное им содержание».

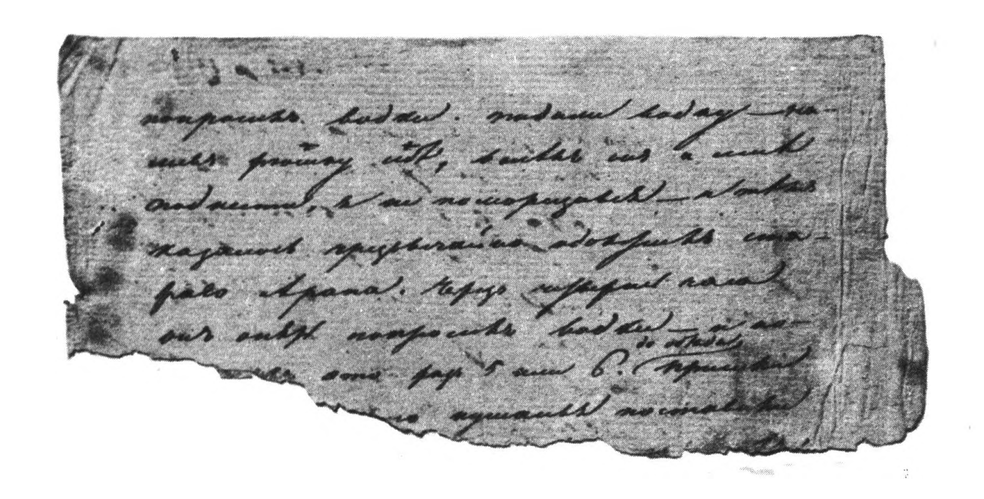
Освободившись от тягот семейной жизни, зажил Петр Абрамович согласно своему вкусу и нраву. А нравом он был груб, гневлив и взбалмошен: совсем как владелец села Покровского — Кирила Петрович Троекуров из повести Пушкина «Дубровский». Отставной генерал Петр Абрамович, как и генерал в отставке Кирила Петрович, «в домашнем быту... выказывал все пороки человека необразованного. Избалованный всем, что только окружало его, он привык давать полную волю всем порывам пылкого своего нрава и всем затеям довольно ограниченного ума. Несмотря на необыкновенную силу физических способностей, он раза два в неделю страдал от обжорства и каждый вечер бывал навеселе... С крестьянами и дворовыми обходился он строго и своенравно».

Любимым занятием Петра Абрамовича был перегон настоек и водок. Для этой цели построен был даже специальный аппарат. С помощью крепостного человека Михайлы Калашникова «генерал-майор от артиллерии» возводил настойки «в известный градус крепости». Возводил со страстью и без устали. Когда же случались неудачи, дворовый человек платился за них спиной. Позднее, уже служа приказчиком у Пушкиных в Михайловском, Калашников рассказывал: «Когда бывали сердиты Ганнибалы, все без исключения, то людей у них выносили на простынях».

Любимая поговорка Петра Абрамовича была: «Эй, малый, подай водки алой!» Да и не только поговорка. Впервые побывав в Петровском, Пушкин так описал поведение своего двоюродного деда: «...попросил водки. Подали водку. Налив рюмку себе, велел он и мне поднести; я не поморщился — и тем, казалось, чрезвычайно одолжил старого Арапа. Через четверть часа он опять попросил водки и повторил это раз 5 или 6 до обеда».

Подобно многим тогдашним помещикам, завел Петр Абрамович у себя в поместье «свой» балет, «своих» музыкантов. Тот же Михайла Калашников, обученный каким-то немцем, умел разыгрывать на гуслях русские песни. И по вечерам его игра то погружала барина в печаль, то приводила в буйное веселье. И то и другое равно страшило окружающих.

С годами «старый арап» одряхлел. Он почти не двигался. Целые дни проводил в своих креслах, окруженный многочисленной раболепной и запуганной дворней. Часто он засыпал. Потом просыпался, вздрагивал, обводил все вокруг тусклым взглядом. Голова его тряс-

Запись Пушкина о посещении Петровского в 1817 году.
Автограф.

лась. Темное лицо испещрили бесчисленные морщины. Память ему изменяла. Он забывал даже имена самых близких людей.

— Вообразите мою радость, — завел он как-то разговор, — ко мне на днях заезжал... да вы его должны знать... ну, прекрасный молодой офицер... еще женился в Казани... как бишь его... еще хотел побывать в Петербурге... Ну... хотел купить дом в Казани...

— Да это Веньямин Петрович, — подсказали старику.

— Ну да, Веня, сын мой; что же раньше не говорите? Эх вы!

По настоятельной просьбе Пушкина Петр Абрамович передал ему некоторые документы, и среди них неизвестно кем составленную биографию А. П. Ганнибала на немецком языке.

Петровская эпоха, ее деятели, необыкновенная жизнь «арапа Петра Великого» — все это чрезвычайно интересовало Пушкина. В слабеющей памяти Петра Абрамовича хранилось немало семейных преданий.

К 1825 году относится стихотворный набросок Пушкина:

Как жениться задумал царский арап,
Меж боярынь арап похаживает,
На боярышень арап поглядывает.
Что выбрал арап себе сударушку,
Черный ворон белую лебедушку.
А как он арап чернешенек,
А она-то душа белешенька.

Въездная березовая аллея в Петровском.

В том же 1825 году вышло в свет первое издание первой главы «Евгения Онегина» с примечаниями автора. В примечании к стиху «Под небом Африки моей» поэт кратко рассказал о жизни и трудах А. П. Ганнибала. Рассказ он кончал словами: «В России, где память замечательных людей скоро исчезает, по причине недостатка исторических записок, странная жизнь Аннибала [то есть Ганнибала] известна только по семейным преданиям. Мы со временем надеемся издать полную его биографию».

Полной биографии своего прадеда Пушкин не написал. Может быть, потому, что жизнь Ганнибала более подходила для создания исторического романа. «Арап Петра Великого» — так назывался роман, который в 1827 году Пушкин начал писать в Михайловском. И тогда-то особенно пригодились ему документы, полученные от Петра Абрамовича.

Умер П. А. Ганнибал не то в 1825, не то в 1826 году. Дата его смерти точно неизвестна.

После него Петровское перешло к его сыну Веньямину Петровичу. И Пушкин, наезжая в родные края, навещал в ганнибаловском поместье своего двоюродного дядю.

Петровское менялось, но прежний его уклад и «старого арапа» поэт не забыл: Он вспоминал их, когда писал «Дубровского», «Историю села Горюхина» — те из своих произведений, где картины крепостнического произвола нарисованы им с особой полнотой.

На городище Вороничe

Ныне, как и во времена Пушкина, возвышается рядом с Тригорским высокий холм — городище Воронич.

Старая винтовая дорога ведет на вершину холма. Там сохранилась еще часть земляного вала. Не так давно в осыпях его находили каменные ядра для пушек, кувшины с монетами, предметы старинной утвари.

Пушкин любил бывать на городище Вороничe.

Поэт работал над «Борисом Годуновым» и здесь как бы проникался духом родной истории. Ему вспоминались повествования летописцев и старинных путешественников, предания, что жили в окрестных деревнях.

Некогда, в XIV—XVII веках, стоял здесь, близ литовской границы и «польского рубежа», при слиянии двух рек — Сороти и ныне высохшего Воронца — немалый русский город Воронич. Тянулся он на целых семь верст, защищая дальние подступы к Пскову.

В первой четверти XVI века проездом в Москву здесь побывал посол римского императора Максимилиана Сигизмунд Герберштейн. В своих записках о Московии он рассказывал: «Затем мы прибыли в Воронич (8 миль), город, стоящий на реке Сороти, которая, приняв в себя реку Воронец, впадает в Великую реку немного ниже города».

Домов в Вороniче-городе насчитывалось несколько сот, монастырей и церквей — десятки. Жителей — посадских и ратных людей, крестьян, попов и монахов — множество.

По холмам и в долине раскинулся «нижний город», обнесенный деревянной стеной, окруженный рвом. А посреди «нижнего города», на высоком холме, поднималась крепость — «верхний город». Крутой вал, крепкие бревенчатые стены с башнями по углам, двое ворот. Внутри, в крепости, ратные люди, пушкари. В «осадных клетях» — легких постройках — оружие, боеприпасы, продовольствие.

В мирные годины занимались жители «нижнего города» кто чем: ремеслом, хлебопашеством, мелким торгом. А в «верхнем городе» из сторожевых башен зорко следили за дорогами и переправой дозорные ратники. Тихо все вокруг. Но вот на горизонте враг. Тревога! И уже широко распахнуты ворота «верхнего города». Бегут женщины, старики, дети, гонят скот; скрипят телеги, груженные добром. Все спешат укрыться за крепкими стенами крепости.

Бывало такое не однажды. Кто только не «воевал» Воронич-город!

Два раза — в 1406 и в 1426 годах — пытался овладеть городом литовский князь Витовт. И в первый раз не сумел, и во второй — целых

Городище Воронич.

три недели простоял под городом. Воронические посадники Тимофей и Ермола просили псковичей: «...Господа Псковичи! помогайте нам и гадайте о нас; нам ныне притужно вельми». Послали тогда псковичи послов к Витовту говорить о мире. Сперва не принял их Витовт. Но, по рассказу летописца, в ту же ночь разразилась невиданная гроза. Испугался князь Витовт «небесного знамени» и сам запросил мира у псковичей.

Много раз доблестно отражали вороничане нападения врагов.

В конце XVI века польский король Стефан Баторий шел на Псков. Пскова он не взял. Но многие псковские пригороды — они приняли на себя самый тяжкий удар — разрушил. Был среди них и Воронич.

Возродили его, отстроили, но ненадолго. В начале XVII века, в «смутное время», иноземные пришельцы — поляки, литовцы, немцы — вновь сожгли и разорили Воронич и все вокруг него.

Вскоре окрепло Московское государство, заключен был «вечный мир» с Польшей — Речью Посполитой. Не было больше нужды отстраивать укрепления на приграничных псковских землях. И на месте крепости и пригорода Воронича остались лишь пустое городище да небольшая деревушка того же названия. А со времен Петра I земли эти, все больше отдаляясь от границы, окончательно потеряли свое военное значение. И только немногие остатки старины до сих пор напоминают о героической истории края.

В стране, где вольные живали
Сыны воинственных славян,
Где сладким именем граждан
Они друг друга называли;
Куда великая Ганза
Добро возила издалеча,
Пока московская гроза
Не пересиливала веча;
В стране, которую война
Кровопролитно пустошила,
Когда ливонски знамена
Душа геройская водила;
Где побеждающий Стефан
В один могущественный стан
Уже сдвигал толпы густые,
Да уничтожит псковитян,
Да ниспровергнется Россия!
Но ты, к отечеству любовь,
Ты, чем гордились наши деды,
Ты ополчилась... Кровь за кровь...
И он не праздновал победы!
В стране, где славной старины
Не все следы истреблены,
Где сердцу русскому доныне
Красноречиво говорят:
То стен полуразбитых ряд
И вал на каменной вершине,

Первоначальный вариант заглавия трагедии «Борис Годунов». *Автограф.*

То одинокий древний храм
Среди беспажитной поляны,
То благородные курганы
По зеленеющим брегам.
. . . .
Там, у раздолья, горделиво
Гора трехолмная стоит...

Пушкин любил эти строки из поэмы Н. М. Языкова «Тригорское».

Поэтической душе творца «Бориса Годунова» многое говорили и «вал на каменной вершине», и «благородные курганы». Они оживляли давно прошедшее. На заглавном листе «Бориса Годунова» Пушкин первоначально написал: «Комедия о настоящей беде Московскому государству, о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве — летопись о многих мятежах и пр. писано бысть Алексашкою Пушкиным в лето 7333 [1825] на городище Ворониче».

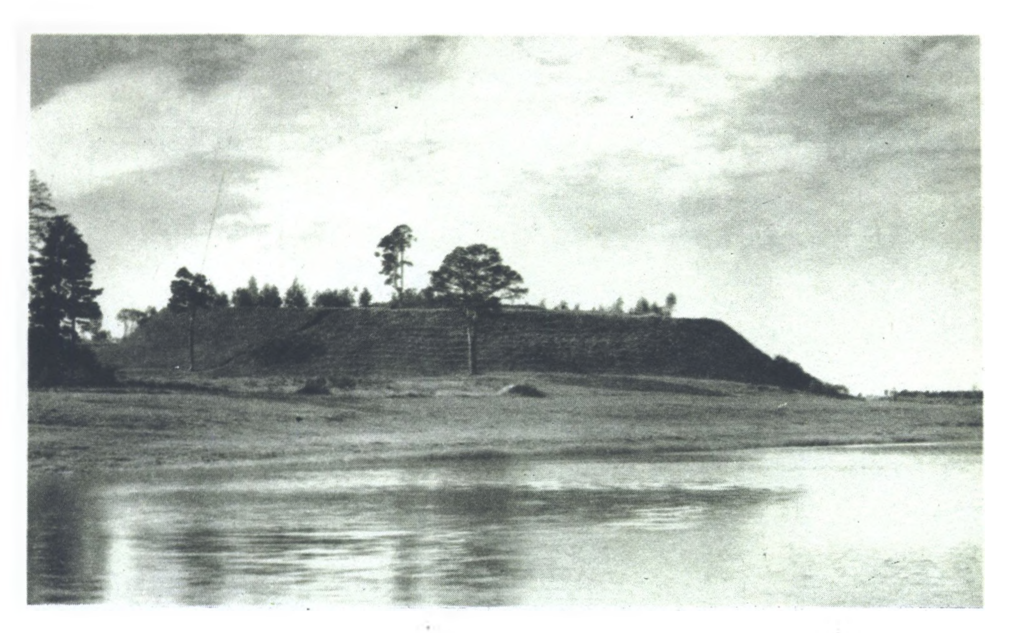
Городище Воронич для поэта было неразрывно связано с родной историей. Многое повидал этот древний холм. В тихие солнечные дни веет от него бесстрастным покоем. Но в ненастье, когда вся его темная громада вырисовывается на фоне серого неба с тяжелыми тучами, что-то тревожно-зловещее приобретает его величавый облик. Кажется, будто тени далекого и грозного прошлого проплывают над ним, и он, затуманившись, вспоминает былое.

По дороге из Михайловского в Тригорское, на самом берегу Сороти, сохранился еще один памятник русской старины — Савкина горка.

Это большой красивый зеленый холм со срезанной вершиной. Удивительная правильность формы говорит о том, что Савкина горка — творение рук человеческих. Она, как и городище Воронич, — остаток древнего укрепления. Они, верно, сверстники. Историки считают, что в старину Савкина горка принадлежала пригороду Вороничу. По преданию, здесь стоял один из воронических монастырей — «Михайлов монастырь с городища».

Такая же винтовая дорога, как и на городище Вороничe, вьется вокруг Савкиной горки и приводит на вершину. Еще полвека тому назад здесь стояла старая-престарая полуразрушенная часовня. Часовни теперь уже нет, но по сию пору стоит на вершине горки древняя гранитная плита, в которую когда-то был вделан такой же каменный крест. На плите еще можно прочитать полуистертую выбитую надпись: «Лето 7021 постави крест Сава поп». Отсюда и название «Савкина горка». 7021 год — по нашему летоисчислению год 1513-й. Плите четыре с половиной сотни лет. Она вместе с крестом была поставлена на братской могиле воинов-вороничан, павших здесь в сражениях с иноземными захватчиками.

Савкина горка, как и Воронич, привлекала Пушкина красотой своего местоположения и, конечно, обаянием древности.

Савкина горка.

Вблизи этих мест до конца XVII века проходила литовская граница, пролегала дорога из Литвы на Москву. И во время одиноких прогулок рисовались здесь поэту картины далекой старины, те самые картины, которые затем поражали читателей «Бориса Годунова» необычайной исторической верностью и поэтическим блеском.

Среди них — сцена «Граница литовская». Самозванец с войском идет из Литвы на Русь. С ним молодой князь Курбский, сын того Курбского, который бежал в Литву от гнева Ивана Грозного. Вот и граница. Молодой Курбский весел. Наконец-то он на родине! Самозванец задумчив, голова его поникла. Его страшит будущее, мучают укоры совести. Ведь он привел чужеземцев на русскую землю.

Курбский *(прискакав первый)*

Вот, вот она! вот русская граница!
Святая Русь, отечество! я твой!
Чужбины прах с презреньем отряхаю
С моих одежд — пью жадно воздух новый:
Он мне родной!..
...Ужель и ты не веселишься духом?
Вот наша Русь: она твоя, царевич.
Там ждут тебя сердца твоих людей:
Твоя Москва, твой Кремль, твоя держава.

Самозванец

Кровь русская, о Курбский, потечет!
Вы за царя подъяли меч, вы чисты.
Я ж вас веду на братьев; я Литву
Позвал на Русь, я в красную Москву
Кажу врагам заветную дорогу! ..
Но пусть мой грех падет не на меня —
А на тебя, Борис-цареубийца! —
Вперед!

Пушкин мечтал поселиться вблизи Савкиной горки. Михайловское не принадлежало поэту — это было имение его родителей. А ему для работы нужен был тихий уголок.

Древний камень на Савкиной горке.

Вид с Савкиной горки на долину реки Сороти и Михайловское.

В начале тридцатых годов Пушкин задумал приобрести маленькое имение Савкино, куда входила и Савкина горка. 29 июня 1831 года поэт писал П. А. Осиповой: «Да сохранит бог Тригорское от семи казней египетских; живите счастливо и спокойно, и да настанет день, когда я снова окажусь в вашем соседстве! К слову сказать, если бы я не боялся быть навязчивым, я попросил бы вас, как добрую соседку и дорогого друга, сообщить мне, не могу ли я приобрести Савкино, и на каких условиях. Я бы выстроил себе там хижину, поставил бы свои книги и проводил бы подле добрых старых друзей несколько месяцев в году. Что скажете вы, сударыня, о моих воздушных замках, иначе говоря о моей хижине в Савкине? — меня этот проект приводит в восхищение, и я постоянно к нему возвращаюсь».

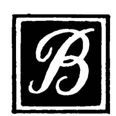
Обрадованная Прасковья Александровна не мешкая принялась за дело — разузнала все относительно приобретения. Но Пушкину не суждено было поселиться в Савкине. Вскоре тригорская соседка получила от поэта еще одно письмо: «Благодарю вас, сударыня, за труд, который

вы взяли на себя, вести переговоры с владельцами Савкина... Впрочем, спешить некуда: новые занятия удержат меня в Петербурге по крайней мере еще на 2 или 3 года. Я огорчен этим: я надеялся провести их вблизи Тригорского».

До конца жизни Пушкин мечтал построить себе «хижину» между Михайловским и Тригорским, вблизи Воронича и Савкиной горки, в тех местах, где созрел его гений, где проник он в тайны родной истории.

Проникнуть в эти тайны особенно помог поэту еще один памятник старины — древний Святогорский монастырь.

По приказу Ивана Грозного

четырех километрах от Михайловского расположен поселок Пушкинские Горы. Раньше он назывался Святые Горы, еще раньше — слобода Таболенец, по маленькому озеру, вокруг которого стоит.

Местность здесь на редкость живописная. То взбираясь на холмы, то скрываясь в ложбинах, приютились среди сосновых перелесков домики поселка. Холмы эти — Синичьи горы, отроги Валдайской возвышенности. Дальше тянутся они на запад, к границам Белоруссии и Литвы.

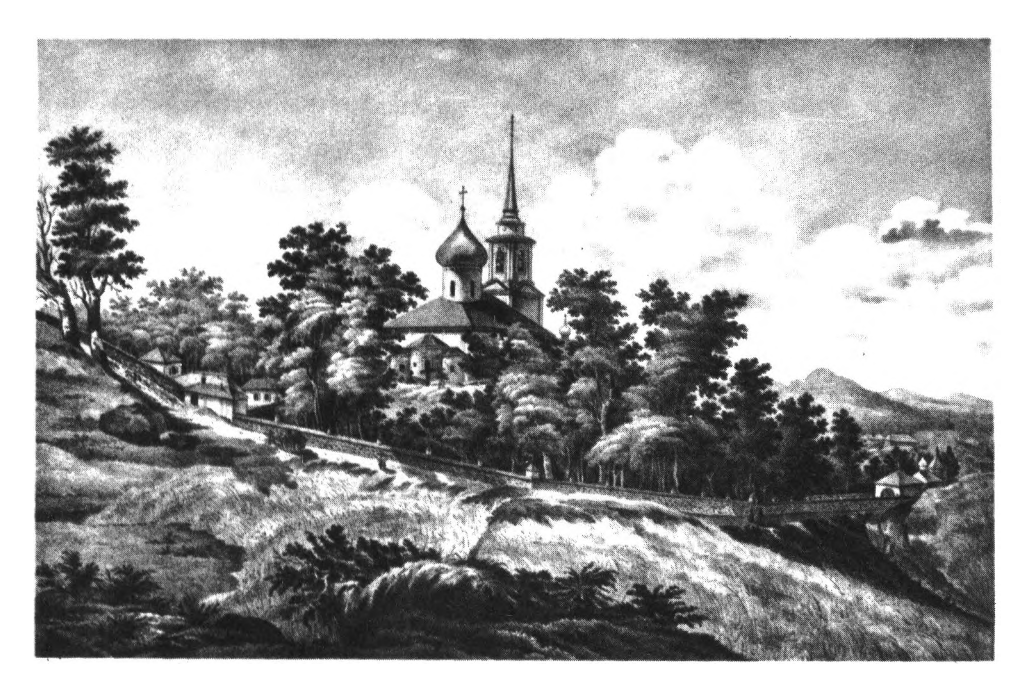
На самой высокой из Синичьих гор, на краю поселка, поднимается древний Успенский собор. А пониже, вокруг собора, разместились другие постройки Святогорского монастыря.

Святогорскому монастырю ровно четыреста лет. В глубь веков уходит его история.

Долгое время сохранялась в монастырской библиотеке рукописная легенда — «Повесть о явлении чудотворных икон на Синичьих горах». Рассказывалось в повести о том, почему именно в этом месте основана «обитель».

Дело было якобы так. Жил в городе Ворониче пятнадцатилетний пастух Тимофей, которого многие «за кротость нрава» считали юродивым. И вот однажды, в поле, «явилась» будто бы Тимофею икона божьей матери и приказала ему отправиться на Синичью гору. И начались, говорится в повести, на Синичьих горах различные «чудеса». Узнал про эти «чудеса» псковский наместник, князь Юрий Токмаков, сообщил о них в Москву Ивану Грозному. И приказал Иван Грозный воздвигнуть на Синичьих горах «церковь каменну... и повеле быти обители», то есть монастырю.

Такова церковная легенда. На самом же деле причиной основания монастыря послужили не «чудеса», а важные политические и военные

Святогорский монастырь.
Литография П. Александрова по рисунку И. Иванова. 1837 год.

соображения. Грозный царь знал эти места. В псковской летописи говорится, что он вместе со своим братом Георгием в 1546 году, будучи во Пскове, заезжал и в Воронич, — «во Пскове месяца ноября 28, в неделю одну ночь ночевав, и на другую ночь на Вороничи был». Иван Грозный считал, что еще один монастырь будет здесь не лишним, ибо с помощью религии легче держать в узде вольнолюбивых псковичей. К тому же «обитель» на высоких Синичьих горах в неспокойном приграничном районе — та же крепость.

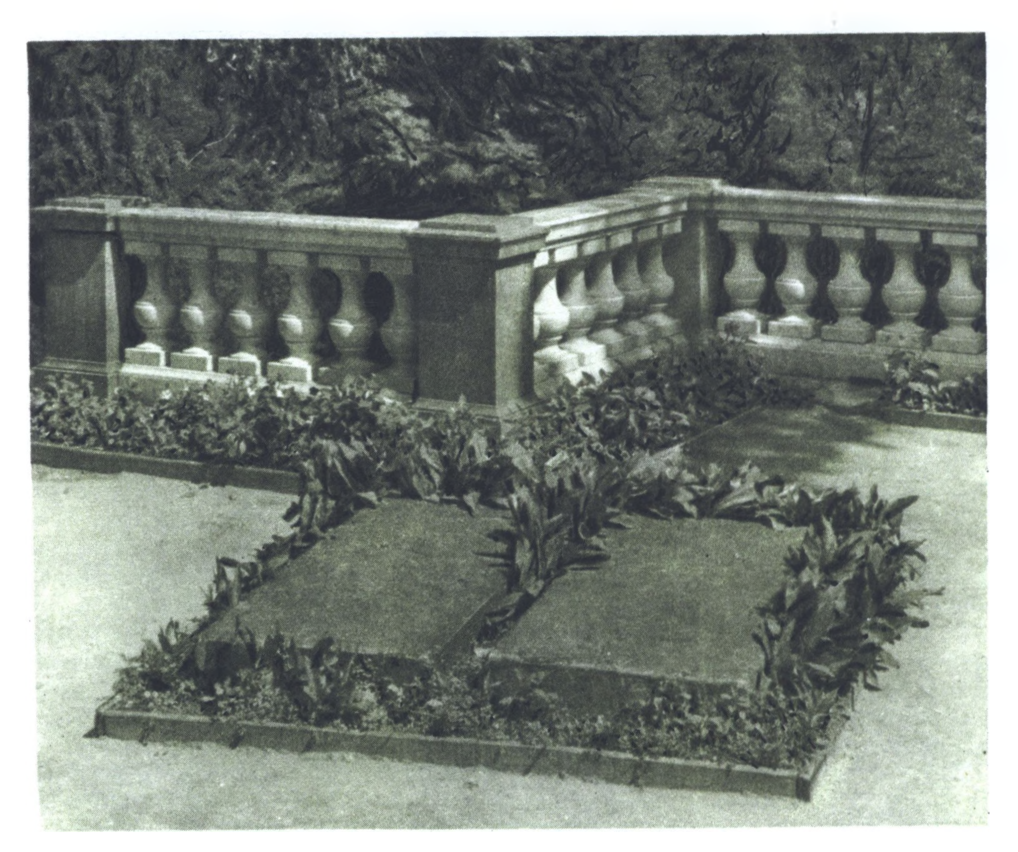
Вот почему в 1569 году по приказу Ивана Грозного псковским наместником князем Юрием Токмаковым и был основан Святогорский монастырь. Монастырь построили. И тогда, чтобы придать ему больше значимости, привлечь к нему большее число богомольцев, создали церковники легенду о будто бы творившихся здесь чудесах.

Из ранней истории Святогорского монастыря мало что известно. В конце XVIII века случился в монастыре пожар. Сгорела деревянная Никольская церковь, где хранился архив, казна, посуда. Сгорели сундук и шкаф со старинными грамотами, указами, документами.

До второй половины XVII века Святогорский монастырь был в числе трех десятков «старших», то есть самых больших и богатых на Руси. Он владел обширными землями, множеством крепостных крестьян, населяющих окрестные деревни. Жители и ныне существующих, самых близких к Михайловскому деревень, Бугрово и Кириллово, были когда-то крепостными монастыря.

В XVIII веке, при Екатерине II, непомерные аппетиты «монашествующей братии» были несколько урезаны. С той поры Святогорский монастырь захирел.

Во времена Пушкина это был уже обычный провинциальный монастырь — не богатый, но и не бедный, довольно влиятельный среди местного населения благодаря ловкости монахов и поддержке властей.

Могилы О. А. и М. А. Ганнибал в Святогорском монастыре.

Предприимчивые монахи из всего — начиная со сдачи земли в аренду и кончая продажей церковных свечей — извлекали немалые доходы. Жертвовали «на обитель» и окрестные помещики.

Одним из самых тороватых был дед Пушкина — Осип Абрамович Ганнибал. Он дарил монастырю значительные суммы и земли. Не от особого благочестия, а потому, что задумал устроить в «обители» родовое кладбище. Это считалось почетным. И добился своего. Когда в 1806 году Осип Абрамович скончался, его похоронили возле самого монастырского собора. В 1818 году рядом с ним похоронили и жену его — Марию Алексеевну Ганнибал. А еще через год в алтаре собора появилась плита с надписью: «Здесь положено тело младенца Платона Пушкина, родившегося 1817-го года, ноября 14-го дня, скончавшегося 1819-го года, июля 16-го дня. Покойся милый прах до радостного утра». Это была могила умершего в Михайловском маленького брата Пушкина — Платона.

В юности, наезжая в псковскую деревню, поэт посещал в Святогорском монастыре родовое кладбище Ганнибалов-Пушкиных. Но особенно часто бывал он в монастыре в годы ссылки. И неволей и волею. Неволей — он обязан был являться к своему «духовному отцу» игумену Ионе для душеспасительных бесед. Волей — приходил в монастырь как писатель.

Пушкин задумал ввести в трагедию «Борис Годунов» монахов, сцены в монастыре. И хоть немало воды утекло со времени царя Бориса и Дмитрия Самозванца, сохранялись еще в святогорской обители древний Успенский собор, старинные обычаи, обряды, церковные книги, устные сказания и легенды, рассказы о былом. Все это чрезвычайно интересовало Пушкина, помогало ему в работе над исторической трагедией.

Монастырь на Синичьих горах

Дорога из Михайловского в Пушкинские Горы подходит к самому Святогорскому монастырю.

Вокруг него массивная каменная ограда. Высота ее два метра, длина вместе с малой оградой, окружающей соборный холм, семьсот метров. Сложена ограда из больших кусков дикого камня, скрепленных известью, крыта железом. Почти такою видел ее Пушкин, только вместо извести камни тогда скреплял медвежий мох с черной землей, а поверх был положен дерн.

За оградой — огромные вековые липы. Они скрывают от прохожего

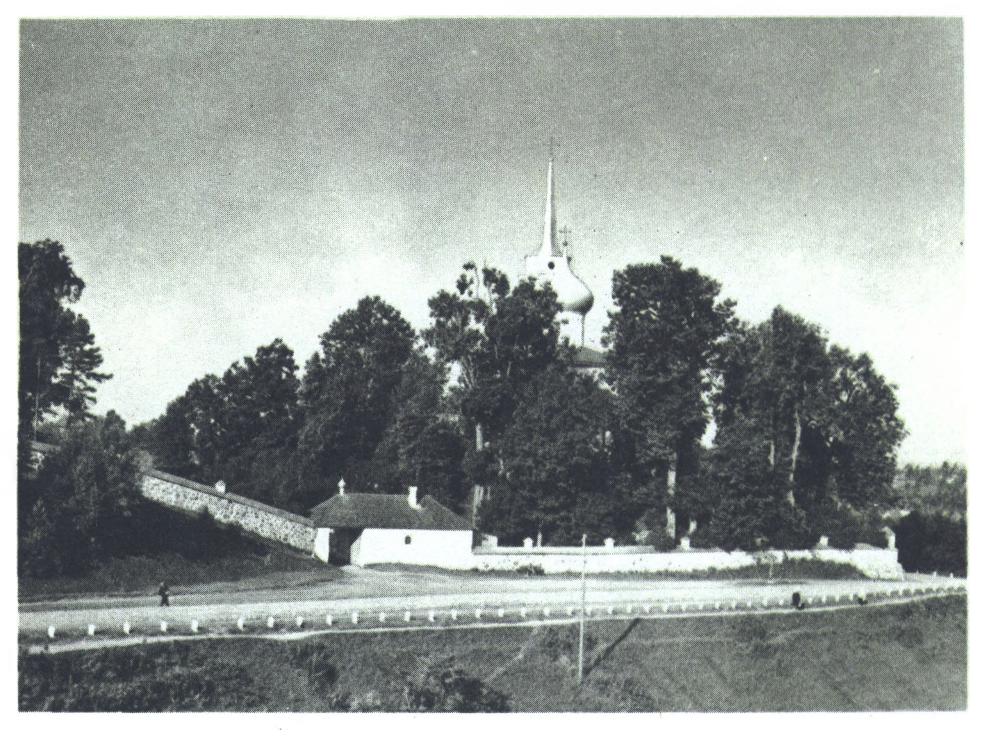
все монастырские строения, и лишь белый собор на холме торжественно вознесся над их пышными вершинами.

Пушкин всегда входил в Святогорский монастырь через Анастасиевские восточные ворота, обращенные к Михайловскому. Ворота эти по сию пору сохранили свой прежний облик — приземистая кирпичная арка старинной вековечной кладки, толстые деревянные створы на железных кованых петлях, увесистые запоры — крюки. В одной из створ — узкая калитка. При воротах караульная, каменный домик с двумя окошками на двор.

Дворов в монастыре было три: чистый, или «святой», черный и гостиный, где стояли лавки, устраивались ярмарки.

Теперь на «чистом» монастырском дворе разбит большой сквер с деревьями, цветниками, клумбами. Посреди сквера стоит бюст Пушкина работы скульптора И. Гинцбурга.

При Пушкине на монастырских дворах размещались многочисленные деревянные и каменные строения. Здесь был «братский корпус»,

Святогорский монастырь. Вид с дороги из Михайловского.

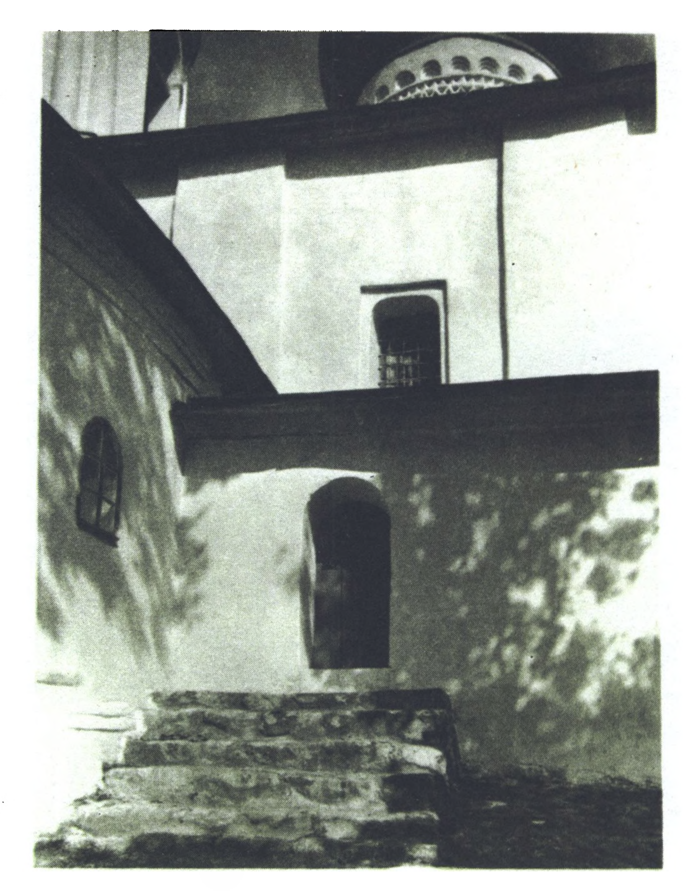

«Чистый» монастырский двор и «Трапезная».

где в кельях жили монахи, «настоятельский корпус» — дом настоятеля, только что отстроенные тогда из кирпича и булыжного дикого камня «кухня с трапезною», кладовая. Стояли здесь и сараи, амбары, хлебопекарня, квасоварня, ледник, баня, конюшня, скотный двор. «Монашествующая братия» помышляла не только о посте и молитве.

Из всех монастырских строений сохранились немногие — Успенский собор, каменная «кухня с трапезною» да караульня при Анастасиевских воротах.

Успенский собор, возведенный еще при Иване Грозном, — самая старая постройка монастыря. Строили собор из местного камня-плитняка опытные и сноровистые псковские мастера. Строили просто, прочно, на века. Гладкие белые стены метровой толщины со скупыми украшениями. Редкие, узкие, как бойницы, окна. Вверху незатейливый орнамент — треугольные и квадратные впадины в три ряда. А над всем — большая глава-луковица. Кажется, не так уж велик собор монастыря, а какая-то в нем мощь и величавость. Тут и храм, тут и крепость.

Древний Успенский собор Святогорского монастыря, вид с южной стороны.

Знали каменщики-псковичи, где построить собор, знали, как построить, чтобы помянул их народ добрым словом. И вскоре помянул. Когда в 1581 году Стефан Баторий разрушил Воронич и все его обители, укрытый дремучими лесами Святогорский монастырь уцелел. И немало окрестного люда спасалось от мечей неприятеля за крепкими стенами его собора.

Внутри в Успенском соборе все аскетически сурово. Невысокие тяжелые своды оперлись на шесть каменных столбов в два обхвата каждый. Штукатуренные стены отбелены известью. Когда-то их украшала роспись, но она не сохранилась. Утрачен и старинный иконостас.

Позднее, в конце XVIII века, к собору пристроили два придела, увеличили количество и размер окон. А затем вместо старой звонницы возвели колокольню.

С пушкинского времени собор почти не изменился. Так же прост и величав он был, когда поэт входил в его кованые двери. Тишина, полумрак... Сурово смотрят со стен темные лики святых, озаренные колеблющимся пламенем лампад. И виделось поэту: седобородый величавый старец в монашеском одеянии — летописец Пимен. Он склонился над летописью, рука его старательно выводит четкие буквы. Но вот он поднял голову — и под невысокими сводами звучит спокойный, негромкий голос:

Еще одно, последнее сказанье —
И летопись окончена моя,
Исполнен долг, завещанный от бога
Мне, грешному. Недаром многих лет
Свидетелем господь меня поставил
И книжному искусству вразумил;

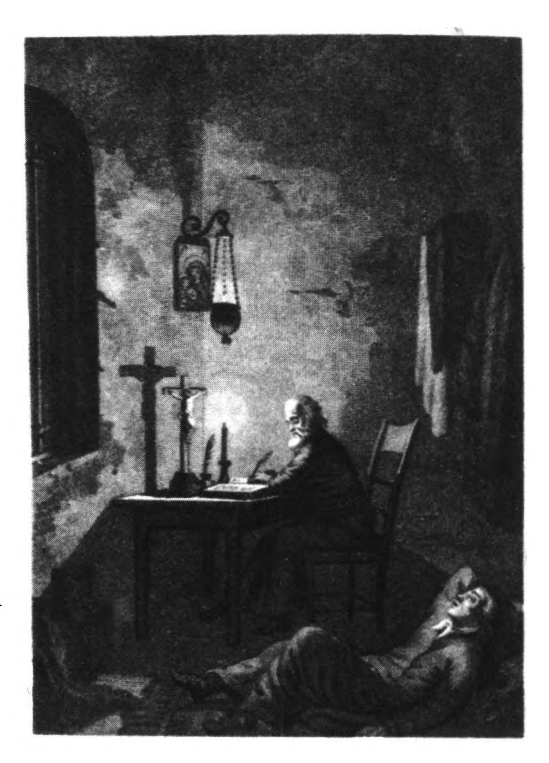
Собор, главный вход

Когда-нибудь монах трудолюбивый
Найдет мой труд усердный, безымянный,
Засветит он, как я, свою лампаду —
И, пыль веков от хартий отряхнув,
Правдивые сказанья перепишет,
Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу...

Современники Пушкина были потрясены сценой в келье Чудова монастыря, образом Пимена. Казалось, Пушкин совершил невозможное — пламенем своего таланта осветил тьму веков, заставил говорить подлинного, живого летописца.

И верится — именно здесь, под этими древними сводами впервые открылись поэту черты его героя.

В наши дни бывший Святогорский монастырь входит в Государственный Пушкинский заповедник. А в Успенском соборе теперь музей.

«Борис Годунов». Сцена «Ночь. Келья Чудова монастыря».
Гравюра С. Галактионова. 1828 год.

Святогорские Варламы и Мисаилы

Среди действующих лиц трагедии «Борис Годунов», кроме величавого старца — летописца Пимена, есть и другие монахи. Это развеселые отцы Варлаам и Мисаил. Они «утекли» из обители и скитаются по Руси. Имена монахов Варлаама и Мисаила Пушкин нашел в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Но, чтобы создать полнокровные художественные образы, одних имен было мало. И тут вновь помогло поэту его знакомство со Святогорским монастырем. Там в тесных кельях братского корпуса обитали и молодые и старые чернецы. Заходя в монастырь — в кельи, в трапезную, в собор, — Пушкин наблюдал их жизнь и нравы.

А жизнь эта, прямо сказать, была незавидной — скука и безделье. Молитвы, трапеза, служба в соборе, трапеза и опять молитвы... Все по установленному «чину», по издревле заведенному порядку. Даже еда — «трапеза» — и та шла по чину: молились, затем ели «холодное», молились — ели щи, молились — ели кашу. И все время, пока шла еда, дежурный монах монотонным голосом читал житие очередного святого, поучения или что-либо «божественное».

В первой редакции «Бориса Годунова» вслед за сценой «Ночь. Келия в Чудовом монастыре» шла сцена «Ограда монастырская». Сцена эта показывает, как много живых наблюдений черпал Пушкин в Святогорском монастыре.

Григорий

Что за скука, что за горе наше бедное житье!
День приходит, день проходит — видно, слышно все одно:
Только видишь черны рясы, только слышишь колокол.
Днем, зевая, бродишь, бродишь; делать нечего — соснешь;
Ночью долгою до света все не спится чернецу.
Сном забудешься, так душу грезы черные мутят;
Рад, что в колокол ударят, что разбудят костылем.
Нет, не вытерплю! Нет мочи. Чрез ограду да бегом.
Мир велик: мне путь дорога на четыре стороны,
Поминай как звали.

Чернец

Правда: ваше горькое житье,
Вы разгульные, лихие, молодые чернецы.

Безделье, скука рождали пьянство, буйство, воровство. Указами псковской консистории не раз предписывалось строго наказывать монахов и служек Святогорского монастыря за «ругательные слова и драку», «вынесение воровски» казенных денег, «нахождение в пьянстве» по нескольку дней, пребывание в кабаках. Немало подобных проступков записано было и в монастырском «штрафном журнале».

Монастырское начальство не отставало в разгуле от простых чернецов. При Пушкине в памяти святогорских монахов еще были совсем свежи похождения удалого игумена Петра, не раз исчезавшего из монастыря неведомо куда. Да и приемник игумена Петра — Иона, «духовный отец» Пушкина, не отличался ни святостью жизни, ни трезвым поведением. В архивах монастыря со времен настоятельства Ионы сохранился такой счет:

«В 1818 г. июля 20 дня куплино для приема архирея...

	Руб.	к.
6 круж. вина красного	19	50
2 бут. вина красного	5	—
2 бут. рому лучшего	12	—
2 бут. францвейну	5	—
Мадеры, лимонов и проч. всего на . . .	57	45»

Известно, что отец Иона весьма любил ром, но, видно, и другими крепкими напитками он также не брезговал.

Помыслы и желания отцов Варлаама и Мисаила из трагедии Пушкина совершенно под стать нравам монахов Святогорского монастыря.

«Корчма на литовской границе. Мисаил и Варлаам, бродяги-чернецы; Григорий Отрепьев, мирянином; хозяйка.

Хозяйка

Чем-то вас подчивать, старцы честные?

Варлаам

Чем бог пошлет, хозяюшка. Нет ли вина?

Хозяйка

Как не быть, отцы мои! сейчас вынесу.

(Уходит)

. . . .

Хозяйка *(входит)*

Вот вам, отцы мои. Пейте на здоровье.

Мисаил

Спасибо, родная, бог тебя благослови.

Монахи пьют: Варлаам затягивает песню: Как во городе было во Казани...

Варлаам *(Григорию)*

Что же ты не подтягиваешь да не потягиваешь?

Григорий

Не хочу.

Мисаил

Вольному воля...

Варлаам

А пьяному рай, отец Мисаил! Выпьем же по чарочке за шинкарочку.

Однако, отец Мисаил, когда я пью, так трезвых не люблю; ино дело пьянство, а иное чванство; хочешь жить как мы, милости просим — нет, так убирайся, проваливай: скоморох попу не товарищ...

Эй, товарищ! да ты к хозяйке присуседился. Знать, не нужна тебе водка, а нужна молодка, дело, брат, дело! У всякого свой обычай; а у нас с отцом Мисаилом одна заботушка: пьем до донушка, выпьем, поворотим и в донушко поколотим».

Последние слова отца Варлаама — это слегка измененное любимое присловье святогорского игумена Ионы. Пушкин не раз слышал, как Иона говаривал:

Наш Фома пьет до дна.
Выпьет, повторит
Да в донышко поколотит.

В черновых записях Пушкина есть и такая: «А вот то будет, что ничего не будет. Пословица святогорского игумена».

Была еще черта, которая роднила отцов Варлаама и Мисаила со святогорскими монахами, — и те и другие ходили собирать «на монастырь».

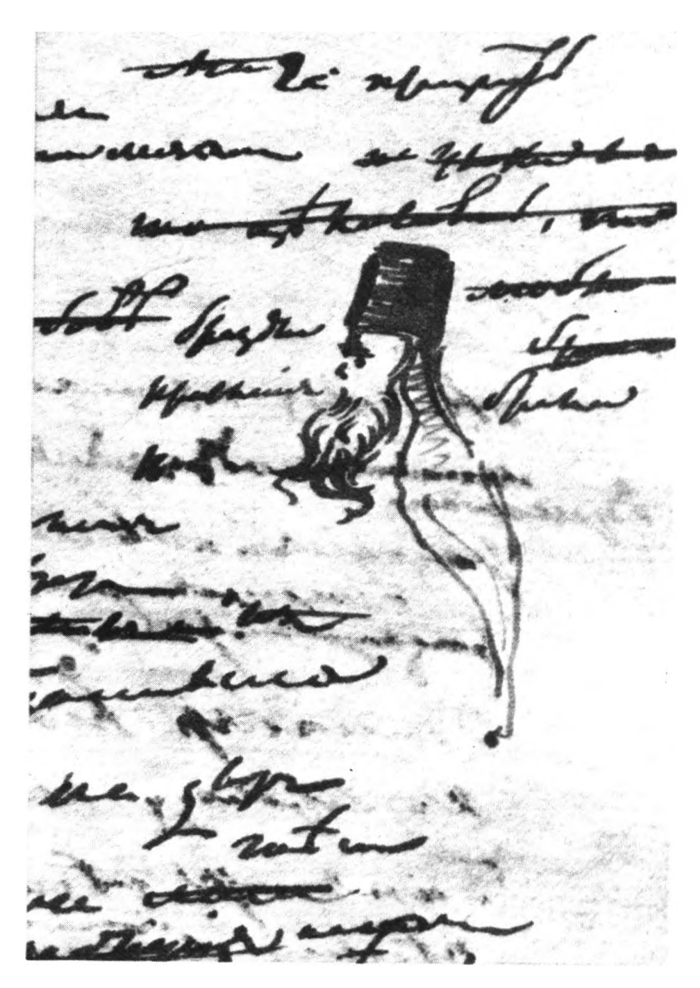
Святогорские монахи заходили и в Михайловское. И очень может быть, что на вопрос Пушкина о том, как идут у них дела, они отвечали жалобами, напоминающими сетования отца Варлаама: «Плохо, сыне, плохо! ныне христиане стали скупы; деньгу любят, деньгу прячут. Мало богу дают. Все пустились в торги, в мытарства; думают о мирском богатстве, не о спасении души. Ходишь, ходишь; молишь, молишь; иногда в три дни трех полушек не вымолишь. Такой грех! Пройдет неделя, другая, заглянешь в мошонку, ан в ней так мало, что совестно в монастырь показаться; что делать? с горя и остальное пропьешь; беда да и только. Ох, плохо, знать пришли наши последние времена...»

Кроме святогорских монахов, еще одно «духовное лицо» стояло перед глазами Пушкина, когда он работал над сценой в корчме. Это был священник Воскресенской церкви в деревне Вороничи — поп Шкода.

Прозвище свое «Шкода» отец Илларион Раевский получил за веселый и проказливый нрав. Любил он «пошкодить». Даже во время проповеди потешал прихожан шутками, прибаутками, озорными выходками. И чарочкой не гнушался.

Как рассказывали знавшие его, внешностью поп Шкода был вылитый Варлаам: «А росту он среднего, лоб имеет плешивый, бороду седую, брюхо толстое».

С этим простецким балагуром-попом очень любил потолковать Пушкин. Дочь попа Шкоды, Акулина Илларионовна, вспоминала впоследствии: «Покойный Александр Сергеевич очень любил моего тятеньку... И к себе в Михайловское тятеньку приглашали и сами у нас бы-

Настоятель Святогорского монастыря о. Иона.
Рисунок А. С. Пушкина.

вали совсем запросто... Подъедет это верхом к дому и в окошко плетью цок. «Поп у себя?» — спрашивает... А если тятеньки не случится дома, всегда прибавит: «Скажи, красавица, чтоб беспременно ко мне наведался, мне кой о чем потолковать с ним надо!» И очень они любили с моим тятенькой толковать... потому, хотя мой тятенька был совсем простой человек, но ум имел сметливый, и крестьянскую жизнь,

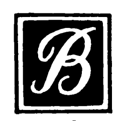
и всякие крестьянские пословицы и приговоры весьма примечательно знал... Только вот насчет божественного они с тятенькой не всегда сходились и много споров у них через это выходило. Другой раз тятенька вернется из Михайловского туча тучей, шапку швырнет: «Разругался я,— говорит, — сегодня с михайловским барином вот до чего— ушел... даже не попрощавшись... книгу он мне какую-то богопротивную все совал, — так и не взял, осердился!» А глядишь, двух суток не прошло — Пушкин сам катит на Воронич, в окошко плеткой стучит. «Дома поп? — спрашивает. — Скажи, — говорит, — я мириться приехал». Простодушный был барин, отходчивый...». «Я так про себя полагаю, — прибавляла Акулина Илларионовна, — что Пушкин через евонные тятенькины разговоры кой-чего хорошего в свои сочинения прибавлял».

Вполне возможно, что складные и ладные речи отца Варлаама напоминают «разговоры» — прибаутки и шутки озорного попа Шкоды.

Интересно отметить, что именно поп Шкода служил по заказу Пушкина в Воронической церкви обедню «за упокой раба божия боярина Георгия», то есть Джорджа Гордона Байрона. За год до того Байрон погиб в Греции, сражаясь за ее свободу. «Нынче день смерти Байрона, — писал Пушкин 7 апреля 1825 года П. А. Вяземскому, — я заказал с вечера обедню за упокой его души. Мой поп удивился моей набожности».

Набожность здесь действительно была ни при чем. Не имея другой возможности почтить память великого английского поэта и борца за свободу, Пушкин своеобразно использовал для этого церковный обряд.

В Святых Горах на ярмарке

Во времена Пушкина в Святогорском монастыре несколько раз в году, по большим праздникам, устраивались ярмарки. По преданию, они перешли сюда в XVII веке из Воронича, после окончательного его разорения.

Самая многолюдная ярмарка бывала в монастыре в девятник — девятую пятницу после пасхи.

Народу собиралось видимо-невидимо: окрестные помещики, купцы, торговцы, ремесленники, крестьяне «со своими домашними произведениями» — народ со всей округи. Приезжали из Новоржева, Опочки, Острова, Пскова, даже из Москвы и Нижнего Новгорода. И сухим путем, и по рекам — на ладьях. Торговцы являлись заблаговременно, недели за две, за три до начала ярмарки. Кто побогаче, снимали лавки

на монастырском «гостином дворе». Кто победнее, сколачивали временные лари-балаганы. «Святая обитель» наживалась на всем. За лавку, за ларь, за всякое место на ярмарке монашествующая братия взимала изрядную мзду.

Но вот все готово. В ларях и лавках разложены товары. На монастырском поле и на большой дороге, ведущей из Святых Гор в Новоржев, — возы, возы... Карусели, кабаки. А вверху над всем, на высоком шесте — ярмарочный флаг.

С раннего утра в «девятую пятницу» начиналась торговля. Торговали чем душе угодно: медом, сахаром, чаем, рыбой, вином, ситцем, сластями, скотом, сбруей, глиняными горшками всех видов и размеров, льном, полотном, набойкой — всего не перечесть.

Для простого народа ярмарка — праздник (до сих пор в этих местах деревенское гулянье называют ярмаркой). Ближние приходили целыми семьями, брали ребятишек. Надевали что получше, доставали последнюю полушку. Не было полушки — шли и так: людей посмотреть и себя показать, потолкаться среди народа, прицениться к товару, побалагурить, пошутить.

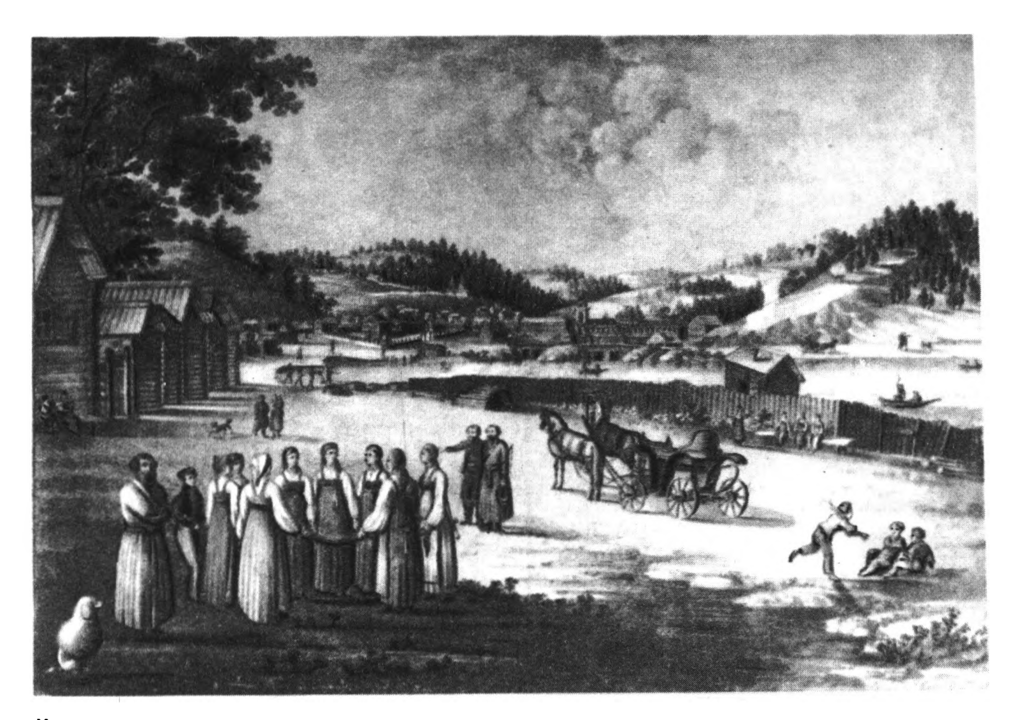
С утра до ночи разноголосым гулом стояли над ярмаркой шум, крик, смех, брань, конское ржанье, блеянье овец, треньканье балалаек, заунывное пение нищих-слепцов.

Яркое, красочное зрелище привлекало Пушкина. Одетый попросту «в русском платье», бродил поэт среди шумящей толпы, вслушивался в народную речь. Смотрел, как парни и девушки водили хоровод, останавливался там, где бранились и спорили старики, незаметно записывал меткие словечки, поговорки, песни.

Многие современники видели Пушкина на святогорских ярмарках. Интересную запись оставил в своем дневнике молодой опочецкий торговец И. И. Лапин. «1825 год... 29 Мая в Святых Горах был о девятой пятнице... И здесь имел щастие видеть Александру Сергеевича господина Пушкина, который некоторым образом удивил странною своею одеждою, а например, у него была надета на голове соломенная шляпа — в ситцевой красной рубашке, опоясовши голубой ленточкою, с железной в руке тростию, предлинными черными бакенбардами, которые более походят на бороду; так же с предлинными ногтями, которыми он очищал шкарлупу в апельсинах и ел их с большим аппетитом, я думаю около $^{1}/_{2}$ дюжины».

На святогорских ярмарках Пушкин как бы сливался с народом. С тем самым народом, который всецело владел его творческими думами.

Ведь героем его исторической трагедии был не Борис Годунов и не Дмитрий Самозванец, а народ, который движет историю, вершит судьбы государств и властителей. Почему непрочна власть Бориса Годунова? Потому что его не любит народ. Почему вначале силен Само-

Хоровод.
Народная картинка. Первая половина XIX века.

званец? За него народ. Сторонник Самозванца, боярин Пушкин говорит:

> Но знаешь ли, чем сильны мы, Басманов?
> Не войском, нет, не польскою помогой,
> А мнением, да! мнением народным.

Но Самозванец привел на Русь иноземцев; его приспешники зверски расправились с ни в чем не повинным семейством Годунова, и народ в ужасе отшатывается от них. Когда у стен Кремля боярин Массальский кричит собравшейся толпе: «Что же вы молчите? Кричите: да здравствует царь Дмитрий Иванович!» — «Народ безмолвствует». И в этом грозном молчании народа — смертный приговор Самозванцу.

Думая о народе, стремясь глубже проникнуть в его душу, лучше узнать его меткий и образный язык, Пушкин не только читал исторические сочинения и летописи, но и подолгу бывал среди крестьян. Может быть, именно потому так правдивы, так жизненно верны народные сцены «Бориса Годунова», суждения и речи в них простых людей.

Вот как ведет себя московский люд, когда в начале трагедии духовенство и бояре просят Бориса Годунова принять царский венец.

«Один
Все плачут,
Заплачем, брат и мы.

Другой
Я силюсь, брат,
Да не могу.

Первый
Я также. Нет ли луку?
Потрем глаза.

Второй
Нет, я слюнёй помажу.
Что там еще?

Первый
Да кто их разберет?»

Бродя по ярмарке, любил Пушкин, смешавшись с толпой, слушать пение нищих. Вот у Святых или Пятницких ворот монастыря собрались «сирые и убогие». Седой старик в длинной холщовой рубахе, сидя прямо на земле, неторопливо перебирает струны гуслей, смотрит куда-то вверх незрячими глазами, выводит протяжно дрожащим голосом:

Было два братца, два Лазаря:
Один братец — богатый Лазарь,
А другой братец — убогий Лазарь.
Пришел убогий к брату своему:
— Братец ты, братец, богатый Лазарь!
Напой, накорми, на путь проводи! —
Выговорил богатый: — Отойди прочь,
Скверный, отойди прочь от меня!..

Старик поет, другие убогие подпевают уныло, нестройно. Толпа слушает. Слушают пригорюнившись древние старушки. Слушает молодица со спящим ребенком на руках. Слушает, приоткрыв рот, кудрявый рябоватый парень. И Пушкин слушает. Слушает, наблюдает, а иногда и подтягивает:

И создал им господь чадо,
При молодости им на потеху,
При старости на призренье,
При семертном часе на помин душе.
А нарекли ему име Алексеем.
Еще божием ему человеком...

Поющие слепцы.
Акварель И. Ерменева. Конец XVIII века.

Поют нищие духовные стихи про Лазаря, про Алексея — божьего человека, про страшный суд. Поют различные «припевки». Пушкин просит петь еще, шутит, записывает, ходит с нищими по всей ярмарке.

Однажды был такой случай. Приехал на ярмарку капитан-исправник. Для порядка во время ярмарки присылали в Святые Горы немало полицейских чинов. Увидел капитан-исправник Пушкина, сидящего среди нищих, нахмурился начальственно и приказал старосте:

— Ступай спроси, что за человек?

Пушкин заметил внимание полицейского. Глянул на него злыми глазами и ответил старосте громко и резко:

— Скажи капитану-исправнику, что он меня не боится и я его не боюсь. А если надо ему меня знать, то я — Пушкин.

Сказал, бросил слепцам «беленькую» — двадцатипятирублевую ассигнацию и ушел домой.

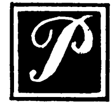
Поэта интересовали и песни нищих, и сами по себе «божьи люди» — юродивые, увечные, которые просили подаяние возле церквей и монастырей. Пушкин задумал ввести в свою трагедию юродивого Николку

и, кроме чтения «житий» таких знаменитых древнерусских юродивых, как «Железный колпак», стремился почерпнуть возможно больше из жизни. В уста юродивого Николки поэт вложил приговор народа над преступным царем: «Нельзя молиться за царя Ирода», то есть за царя-злодея, царя-убийцу.

Друзья Пушкина Жуковский и Вяземский знали, что он пишет трагедию из русской истории. Они надеялись, что «Борис Годунов» поможет Пушкину выбраться из ссылки. Пушкин думал иначе. Он прекрасно понимал, что «Борис Годунов» — трагедия политическая, где высказаны смелые и резкие суждения о самодержавии, как о силе, всегда враждебной и чуждой народу. И, понимая это, поэт писал Вяземскому: «Жуковский говорит, что царь меня простит за трагедию — навряд, мой милый. Хоть она и в хорошем духе писана, да никак не мог упрятать всех моих ушей под колпак юродивого. Торчат!»

Пушкин не ошибся. Его политические «уши», которые не давали покоя Александру I, вскоре весьма обеспокоили и нового царя — Николая I: и в связи с процессом декабристов, и в связи с тем, что из псковской губернии стали доходить о поведении Пушкина неблагоприятные слухи.

„Путешествующий ботаник"

Ранним июльским утром, только что отошла заутреня в Святогорском монастыре, постучал к игумену Ионе служка и, кланяясь, доложил, что какой-то приезжий спрашивает отца-настоятеля. С виду из благородных, одежда господская. В летах. Иона приосанился и велел просить.

Приезжий действительно оказался из «благородных». Манеры отменные. Скромен, но с достоинством. Отрекомендовался коллежским советником и любителем-ботаником Александром Карловичем Бошняком. В сии прекрасные места привели его страсть к путешествиям и любовь к науке. Но, как человек благочестивый, прибыв в Святые Горы, почел он долгом побывать в здешней обители и засвидетельствовать свое почтение ее достойному ревнителю. А также (тут путешествующий ботаник полез за кошельком) внести скромную лепту на поддержание святыни.

Отец Иона слушал с довольно хмурым видом витиеватую речь, но при последних словах его лицо оживилось, заметно подобрело. Он стал любезен. И на просьбу приезжего показать ему монастырь ответил полной готовностью.

Помолились в соборе, осмотрели строения и, вернувшись к настоятелю, занялись разговором. Между прочим, незаметно коснулись Пушкина. И тут выяснилось, что ботаник — его давний почитатель. Его интересовало все: как живет знаменитый стихотворец, как одевается, где бывает, о чем говорит. Так в приятной беседе и провели утро.

Выйдя из монастыря, путешествующий ботаник поспешил на квартиру, которую нанял в слободе. Там он отпер чемодан, вынул из-под гербариев тетрадь и, поплотнее прикрыв двери, принялся записывать.

«24-го, в субботу, рано по утру, — записывал он, — отправился я в Святогорский Успенский монастырь к игумену Ионе и, обратя внимание его щедротами на пользу монастырскую, провел у него целое утро... От него о Пушкине я узнал следующее:

1-ое. Пушкин иногда приходит в гости к игумену Ионе, пьет с ним наливку и занимается разговорами.

2-ое. Кроме Святогорского монастыря и госпожи Осиповой, своей родственницы, он нигде не бывает, но иногда ездит и в Псков.

3-ие. Обыкновенно ходит он в сюртуке, но на ярмонках монастырских иногда показывался в русской рубашке и в соломенной шляпе.

4-ое. Никаких песен он не поет и никакой песни им в народ не выпущено.

5-ое. На вопрос мой — «не возмущает ли Пушкин крестьян», игумен Иона отвечал: «Он ни во что не мешается и живет, как красная девка».

Кончив записывать, «путешествующий ботаник» спрятал тетрадь под замок, вынул кошелек, пересчитал деньги. Часть их ушла на дорогу, часть — на «щедроты» игумену Ионе. Деньги были казенные, а потому особенно любили счет.

Кто же был на самом деле «путешествующий ботаник»? Что привело его в Новоржевский уезд? Почему он так интересовался Пушкиным? Ответы на все эти вопросы были найдены только после революции 1905 года, в архивах III Отделения.

Отделение это создали вскоре после восстания декабристов для искоренения «крамолы» в Российской империи. Перепуганное правительство учредило жандармский корпус и «III Отделение собственной его величества канцелярии». Так невинно и благопристойно была названа тайная политическая полиция.

В бумагах III Отделения значилось, что чиновник Коллегии иностранных дел А. К. Бошняк в то же время состоит на службе в политической полиции. Действовал Бошняк на юге секретным агентом при начальнике херсонских военных поселений. Действовал умело и ловко. Прикинувшись человеком передовым, свободомыслящим, втерся он

в Южное общество декабристов. По отзыву декабриста князя С. Г. Волконского, был Бошняк шпионом и провокатором, «умным и ловким и принявшим вид передового лица по политическим мнениям».

После раскрытия заговора и разгрома «мятежников» заслуживший особое доверие Бошняк выполнял новые важные шпионские поручения.

Работы ему хватало. В стране шел суд над участниками заговора. В провинции искали сообщников «умышлявших». Крестьяне волновались. В мае 1826 года царь Николай I издал очередной манифест. В манифесте говорилось, что в России распространились слухи, будто правительство собирается освободить крестьян от крепостной зависимости. Слухи эти ложные. Крестьяне, под страхом строжайших наказаний, обязаны повиноваться помещикам и властям.

Слухи «о вольности крестьян» упорно ходили и по Псковской губернии. Псковский губернатор даже вынужден был разослать по уездам специальный циркуляр. В циркуляре предписывалось полиции распространителей вредных слухов ловить, а малейшие волнения среди народа подавлять. Помещикам рекомендовалось к посторонним лицам, заходящим в их имения, присматриваться.

Манифесты, циркуляры, слухи... Новоржевские и опочецкие скотинины, гвоздины, фляновы, петушковы перепугались. Им повсюду мерещились бунтовщики и подстрекатели. Зашептались, заговорили и о Пушкине. Сочинитель-де Пушкин, сосланный за безбожие, жизнь ведет крайне странную. С мужиками обходителен, ласков. С господами не знается, ни к кому не ездит. Ходит по ярмаркам в мужицком платье. Все, верно, для того, чтобы войти в доверие к «хамам», пустить в народ свои «возмутительные» песни.

Через соседа Пушкина, владельца села Жадрицы, П. С. Пущина сплетни и вымыслы дошли до Петербурга.

А там в III Отделении уже имелись доносы. «Прибывшие на сих днях из Псковской губернии достойные вероятия особы удостоверяют,— доносил тайный агент Висковатов, — что известный по вольнодумным, вредным и развратным стихотворениям титулярный советник Александр Пушкин, по высочайшему в бозе почившего императора Александра Павловича повелению определенный к надзору местного начальства в имении матери его, состоящем в Псковской губернии в Апоческом уезде, и ныне при буйном и развратном поведении открыто проповедует безбожие и неповиновение властям и по получении горестнейшего для всей России известия о кончине государя императора Александра Павловича он, Пушкин, изрыгнул следующие адские слова: «Наконец не стало тирана, да и оставший род его недолго в живых останется!!».

Управляющий III Отделением М. Я. фон Фок — великий дока по части шпионажа и сыска — не без удовольствия читал злобные измышления Висковатова. Читал и другие доносы. Так, тайный агент Лока-

телли доносил: «Все чрезвычайно удивлены, что знаменитый Пушкин, который всегда был известен своим образом мыслей, не привлечен к делу заговорщиков».

Фон Фок это знал. Знал и другое — следствием, конечно, установлена теснейшая связь заговорщиков с Пушкиным, пагубное влияние его стихов на умы. Но — и в этом «но» заключалась вся загвоздка — Пушкин не принадлежал к тайному обществу, не участвовал в заговоре. А значит, нельзя его схватить и предать суду. Если бы подтвердились слухи и доносы, тогда...

И вот в июле 1826 года в Псковскую губернию был направлен опытный шпион А. К. Бошняк. Направлен специально для того, чтобы провести «сколь возможно тайное и обстоятельное исследование поведения известного стихотворца Пушкина, подозреваемого в поступках, клонящихся к возбуждению к вольности крестьян» и для «арестования его и отправления куда следует, буде он оказался действительно виновным».

В Псковскую губернию Бошняк выехал не один. С ним был фельдъегерь по фамилии Блинков. Перед отъездом шпион получил под расписку триста рублей на издержки и «открытый лист № 1273». Открытый лист давал право фельдъегерю по приказу Бошняка арестовать Пушкина.

Прибыв на место назначения, оставил Бошняк Блинкова дожидаться на станции Бежаницы, а сам отправился в город Новоржев, чтобы там начать тайное «исследование».

Так недалеко от Михайловского появился весьма любознательный «путешествующий ботаник».

В Новоржеве остановился он в гостинице. Сведя дружбу с ее хозяином Д. С. Катосовым, выведал у него о Пушкине следующее:

«1-ое. Что на ярмонке Святогорского Успенского монастыря Пушкин был в рубашке, подпоясан розовой лентою, в соломенной широкополой шляпе и с железной тростью в руке.

2-ое. Что, во всяком случае, он скромен и осторожен, о правительстве не говорит, и вообще никаких слухов об нем по народу не ходит.

3-ие. Что отнюдь не слышно, чтобы он сочинял или пел какие-либо возмутительные песни, а еще менее — возбуждал крестьян».

Эти сведения не удовлетворили шпиона, и он поспешил далее, в село Жадрицы — имение отставного генерала П. С. Пущина, «от которого и вышли все слухи о Пушкине». Но и здесь Бошняка ждало разочарование. Генерал Пущин, его сестра и жена повторяли с чужих слов слухи и сплетни. Новым было лишь то, что, по их словам, Пушкин дружески обходится с крестьянами, здоровается с ними за руку.

И что после поездок верхом иногда велит своему человеку отпустить лошадь одну, говоря, что «всякое животное имеет право на свободу».

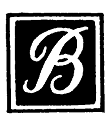
Уже из Жадриц неутомимый «ботаник» отправился в Святогорский монастырь — «искать истины при самом источнике». Но после беседы с игуменом Ионой понял: как ни вертись, поводов для «арестования» Пушкина не найти. И несолоно хлебавши возвратился в Новоржев, оттуда в Бежаницы — отпустить за ненадобностью фельдъегеря, а затем и сам убрался восвояси.

К рапорту по начальству Бошняк приложил неиспользованный открытый лист № 1273 и оставшиеся неистраченными 51 рубль 70 копеек казенных денег.

Результатом «исследования» Бошняка была его «Записка о Пушкине». Заключая ее, шпион вынужден был признать, что Пушкин «...не может быть почтен, — по крайней мере, поныне, — распространителем вредных в народе слухов, а еще менее — возмутителем».

Бошняк провел свое «исследование» так скрытно и ловко, что Пушкин даже не заподозрил о том, какая опасность ему угрожала. Так никогда и не узнал поэт о шпионских розысках мнимого ботаника. Все кануло до времени в омут III Отделения.

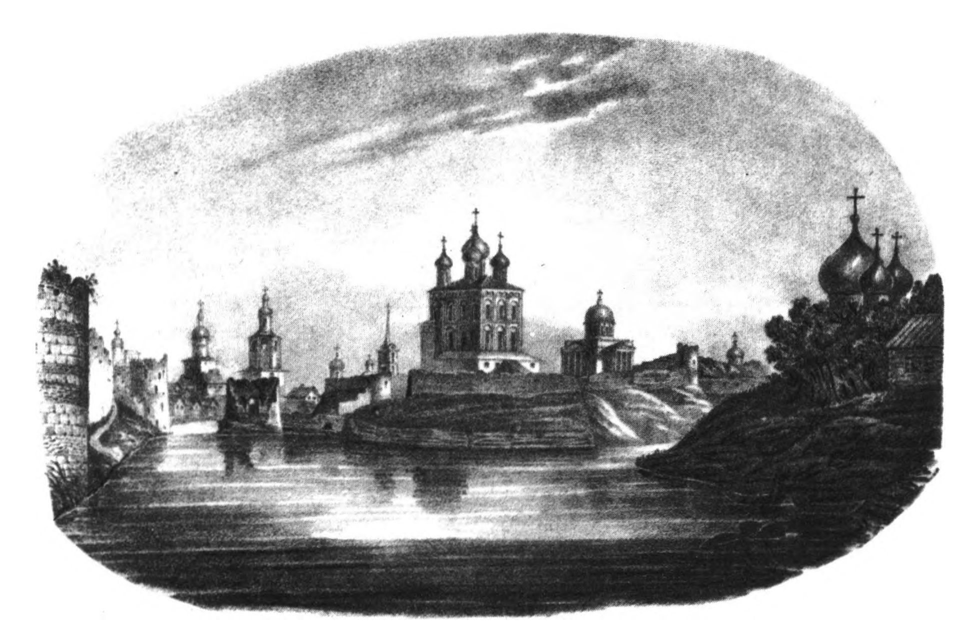
„Я теперь во Пскове"

В те дни, когда по Новоржевскому уезду рыскал Бошняк, Пушкин вместе с Языковым выехал во Псков. Выехал не только проводить приятеля. В губернском городе у него имелись неотложные дела.

Приехав во Псков, остановился Пушкин у знакомого — Г. П. Назимова. Небольшой деревянный дом, принадлежавший Назимову, стоял на углу Сергиевской и Застенной улиц. Когда-то весь древний Псков окружала высокая и крепкая каменная стена. И улица, протянувшаяся вдоль нее, получила название Застенной. Дом Назимова простоял до Великой Отечественной войны. Мемориальная доска на нем гласила, что здесь в 1826 году останавливался Александр Сергеевич Пушкин.

Во времена поэта губернский город Псков был почти весь деревянный. Каменных домов насчитывалось немного — сотни полторы. Имелось в городе несколько льняных и кожевенных заводиков да на десять тысяч жителей — два училища. А вот церкви, церквушки, часовни и питейные заведения попадались чуть ли не на каждом шагу. Городок был тихий, сонный, весь в зелени.

Псковский Кремль.
Литография по рисунку И. Иванова. 1837 год.

Только древний Кремль на крутом берегу красавицы Великой, полуразрушенные каменные стены, башни и другие памятники старины напоминали о былой славе «младшего брата господина великого Новгорода».

В годы михайловской ссылки Пушкин неоднократно бывал во Пскове.

Осенью 1824 года, не успел он приехать в Михайловское, сразу вызвали во Псков. Вызвал губернатор барон фон Адеркас. Встреча состоялась в «присутственных местах». Это длинное каменное здание тянулось тогда из конца в конец по краю большой базарной площади.

До своего губернаторства Адеркас служил в полиции. Он дело знал. Тотчас заставил Пушкина дать подписку в том, что поэт обязуется «...жить безотлучно в поместии родителя своего, вести себя благонравно, не заниматься никакими неприличными сочинениями и суждениями».

Приезжать в Псков Пушкину не возбранялось. И он приезжал. «На днях, увидя в окошко осень, сел я в тележку и прискакал во Псков. Губернатор принял меня очень мило».

Хитрый, ловкий служака, Адеркас внешне держался с Пушкиным

весьма любезно — приглашал его к себе и даже (великая честь!) просил исправлять свои собственные «стишки-с».

Губернаторский дом, где жил Адеркас, не сохранился. Он стоял недалеко от древней Покровской башни на берегу Великой. Обширный сад, окружавший дом, подходил к самой реке. Летом в саду принимали гостей.

На вечерах и приемах Адеркаса Пушкин встречался с губернским «обществом».

Здесь видел он и тех псковских барышень, о которых с досадой писал в черновиках «Онегина»:

Простил бы им их сплетни, чванство,
Фамильных шуток остроту,
Порою зуб нечистоту,
И непристойность и жеманство.
Но как простить им модный бред
И неуклюжий этикет?

К самому Адеркасу и его административным талантам Пушкин тоже относился весьма иронически. Сохранилось предание, что однажды поэт вместе с «опекуном» своим Пещуровым ехал из Михайловского во Псков. Переезд был нелегким — дороги плохие. На последней почтовой станции перед Псковом, в Черехе, ожидая лошадей, путешественники проголодались. А съестного не нашли. Тогда Пушкин сочинил на губернатора стихи:

Господин фон-Адеркас,
Худо кормите вы нас:
Вы такой же ресторатор,
Как великий губернатор.

Губернатору и псковскому «обществу» Пушкин предпочитал узкий кружок людей образованных и мыслящих. Это были молодые офицеры — Иван Ермолаевич Великопольский и Федор Иванович Цицианов. Оба — переведенные из Петербурга в Псковский пехотный полк после расформирования взбунтовавшегося Семеновского полка. И еще — жившие во Пскове штаб-ротмистр в отставке Гаврила Петрович Назимов, статский советник в отставке Николай Алексеевич Яхонтов — оба люди заслуженные, участники Отечественной войны 1812 года.

Собирались в доме Назимова, где останавливался Пушкин, на квартире Великопольского, который жил в казармах. Приятели, сходясь, не скучали: оживленные беседы, стихи, игра в карты — в штос...

Великопольский страстно любил литературу, писал стихи, печатался. Однажды вышло так, что он и Пушкин обменялись посланиями. Пушкин выиграл у Великопольского в штос пятьсот рублей и вскоре

столько же проиграл Назимову. Тогда он отправил Великопольскому записку с шутливыми стихами:

«С тобой мне вновь считаться довелось,
Певец любви то резвой, то унылой;
Играешь ты на лире очень мило,
Играешь ты довольно плохо в штос.
500 рублей, проигранных тобою,
Наличные свидетели тому.
Судьба моя сходна с твоей судьбою;
Сейчас, мой друг, увидишь почему.

Сделайте одолжение, пять сот рублей, которые вы мне должны, возвратите не мне, но Гаврилу Петровичу Назимову, чем очень обяжете преданного Вам душевно

Александра Пушкина».

Великопольский ответил Пушкину стихами. Начинались они так:

В умах людей, как прежде, царствуй,
Храни священный огнь души!

Псков. Дом Г. П. Назимова, где останавливался Пушкин.
Фотография. 20-е годы XX века.

Вид на псковский Кремль с левого берега реки Великой.

Как можно менее мытарствуй,
Как можно более пиши,
И за посланье — благодарствуй!

Не меньше, чем шумное общество приятелей, привлекали Пушкина одинокие прогулки по Пскову.

Мысли поэта полны были «Борисом Годуновым», а здесь повсюду встречал он следы старины. Заходил в церквушки пятисотлетней давности — церковь Василия с горки, Николы со усохи, Сергея с залужья. Как поэтичны они в своей простоте и безыскусности!

Не раз бывал Пушкин и в псковском Кремле. Взойдя на башню Кутекрома — угловую башню Кремля, любуясь просторами реки Великой, монастырями Завеличья, переносился поэт в далекое прошлое. Вон там внизу, в Кремле, на площади у Троицкого собора висел когда-то вечевой колокол, собирались на вече вольнолюбивые псковичи. В самом Троицком соборе, в каменных гробницах под тяжелыми плитами покоятся останки псковских князей. В одной из могил — об этом рас-

сказывает надпись — похоронен не посадник и не князь, а «святой» с простецким именем Николка.

По преданию, псковский юродивый Николка научил своих сограждан, как умилостивить разгневанного Ивана Грозного, и тем избавил псковичей от жестокой расправы. И они в благодарность причислили Николку к «лику святых», с почестями похоронили в соборе.

Пушкин всюду искал материалы для создания образа юродивого в «Борисе Годунове». Его, конечно, заинтересовал своеобразный псковский «святой». Осенью 1825 года, вскоре после одной из поездок во Псков, Пушкин написал как раз ту сцену своей трагедии — «Площадь перед собором в Москве», где действует юродивый. И юродивый этот, как и его псковский собрат, носит простецкое имя — Николка.

Недалеко от Пскова, в Снетогорском монастыре, на патриаршем подворье встречался Пушкин с большим знатоком русской старины — архиепископом Евгением Казанцевым. «Архиерей отец Евгений принял меня как отца Евгения» (то есть как автора «Евгения Онегина»), — шутливо рассказывал об этом Пушкин в письме к П. А. Вяземскому. Но самого поэта архиепископ Евгений интересовал прежде всего как «отца» «Бориса Годунова».

Псков. Поганкины палаты.

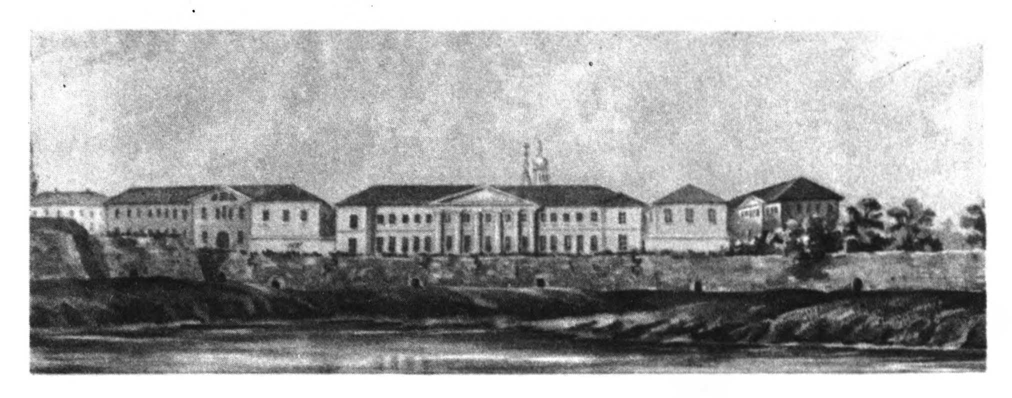
Гуляя по Пскову, не раз, верно, осматривал Пушкин знаменитые Поганкины палаты. Они сохранились и поныне. Это огромное суровое строение — не то жилой дом, не то крепость — поражало в старину и псковичей и иноземцев. Непробойные стены двухметровой толщины, перевитые железными решетками, узкие, маленькие, как бойницы, окна... Принадлежали эти палаты роду Поганкиных — богатых псковских купцов.

Много легенд ходило о них в народе. Рассказывали, будто построил палаты на награбленные деньги атаман разбойников, потому и назвали их люди нехорошо — «погаными». Недобрую славу снискал купец Сергей Поганкин. Многих он разорил. Сам жил в роскоши, а в подземелье его палат томились на цепях неимущие должники. Погубил он безжалостно и молодую жену — привязал ее к лошади и пустил в поле...

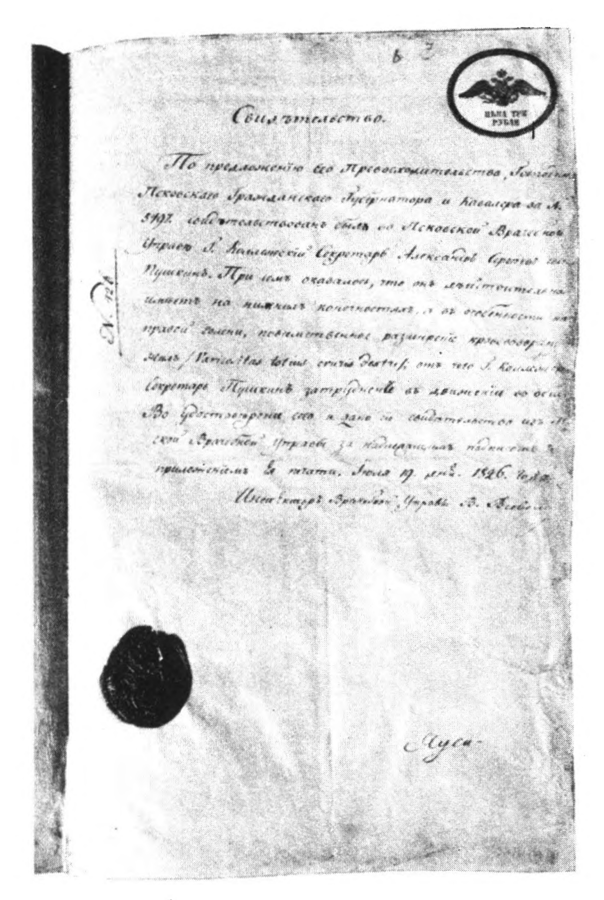
Пушкин написал в Михайловском балладу — сказку «Жених». Герой ее — жестокий и гордый молодец, живет разбоем, награбленным добром украшает свои хоромы. И кто знает, — не вспоминал ли Пушкин, работая над «Женихом», живописные Поганкины палаты и хозяина их купца-разбойника Сергея Поганкина?

Первый биограф Пушкина П. В. Анненков, со слов очевидцев, рассказывал, что, бывая во Пскове, поэт очень много времени уделял изучению народной жизни. «Он изыскивал средства для отыскания живой народной речи в самом ее источнике; ходил по базарам, терся, что называется, между людьми». Чтобы не выделяться в толпе, Пушкин переодевался «в мещанское платье», и в таком виде «он даже, — пишет Анненков, — явился в один из почтенных домов Пскова».

Особенно часто наезжал поэт во Псков в 1826 году. И понятно по-

Псков. «Присутственные места», вид со стороны реки Великой.
Литография. 30-е годы XIX века.

Свидѣтельство.

По предложенію его Превосходительства, Господина Псковскаго Гражданскаго Губернатора и Кавалера за № 5997. освидѣтельствованъ былъ во Псковской Врачебной Управѣ Г. Коллежскій Секретарь Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ. При чемъ оказалось, что онъ дѣйствительно имѣетъ на нижнихъ конечностяхъ, а въ особенности на правой голени, повсемѣстное расширеніе кровоносныхъ жилъ (Varicositas totius cruris dextri), отъ чего Г. Коллежскій Секретарь Пушкинъ затрудненъ въ движеніи вообще. Во удостовѣреніе сего и дано сіе свидѣтельство изъ Псковской Врачебной Управы за надлежащимъ подписомъ и приложеніемъ казенной печати. Іюля 19 дня 1826 года.

Инспекторъ Врачебной Управы В. Всеволодовъ

Свидетельство Псковской врачебной управы, выданное Пушкину 19 июля 1826 года.

чему. Известия о деле декабристов доходили в губернский город куда быстрее, чем в глухое Михайловское. К тому же жена командира расквартированной в Пскове дивизии генерала Набокова — Екатерина Ивановна — приходилась родной сестрой его любимому Жано — Ивану Ивановичу Пущину.

Когда в середине июля 1826 года Пушкин вместе с Языковым приехал в Псков, он решил снова предпринять попытку изменить свою судьбу. Подал губернатору прошение на имя нового царя. В прошении писал: «Здоровье мое, расстроенное в первой молодости, и род аневризма давно уже требуют постоянного лечения, в чем и представ-

ляю свидетельство медиков: осмеливаюсь всеподданнейше просить позволения ехать для сего или в Москву, или в Петербург, или в чужие краи».

К прошению было приложено медицинское свидетельство. Выдал его инспектор Псковской врачебной управы, штаб-лекарь Всеволод Иванович Всеволодов. Он осматривал Пушкина в здании «присутственных мест», где наряду с другими учреждениями помещалась и врачебная управа.

Пушкин встречался с Всеволодовым в Лямонове у Пещурова. Вначале он довольно иронически относился к «доктору-аматеру», то есть любителю, «очень искусному по ветеринарной части». Но, познакомившись с ним поближе, узнал, что Всеволодов не только ученый ветеринар, но и опытный хирург. «Мой добрый доктор», — стал называть его Пушкин. Сердечное расположение Всеволодова к Пушкину сказалось на свидетельстве, которое он выдал поэту.

«...Свидетельствован был во Псковской врачебной управе, — писал Всеволодов, — г. коллежский секретарь Александр Сергеев сын Пушкин. При сем оказалось, что он действительно имеет на нижних конечностях, а в особенности на правой голени, повсеместное расширение кровевозвратных жил... от чего г. коллежский секретарь Пушкин затруднен в движении вообще. Во удостоверение сего и дано сие свидетельство из Псковской врачебной управы за надлежащим подписом и с приложением ее печати.

Июль 9-го дня 1826 года.

Инспектор врачебной управы В. Всеволодов».

Слева стояла печать.

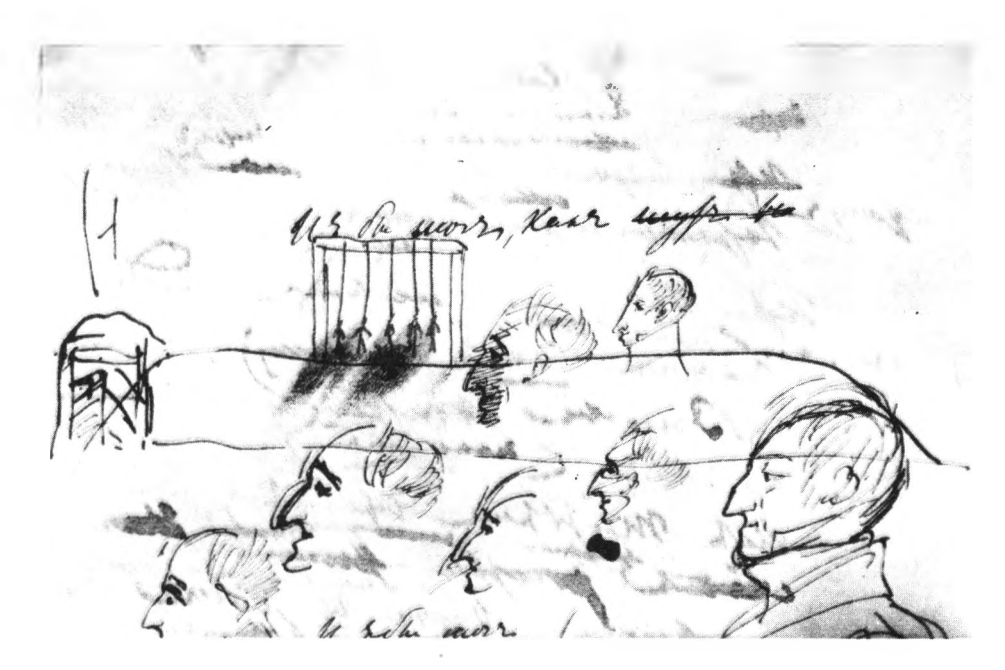
Свидетельство Псковской врачебной управы вместе с прошением Пушкина Адеркас отправил «по инстанциям» к царю.

Пушкин вернулся в Михайловское. «Я уже написал царю, — сообщал он Вяземскому. — ...Жду ответа, но плохо надеюсь... Я был в связи почти со всеми и в переписке со многими из заговорщиков».

Отъезд с фельдъегерем

Двадцать четвертого июля 1826 года в Псковской губернии узнали о судьбе декабристов. Пятеро повешены, остальные пожизненно или на многие годы сосланы на каторгу, в Сибирь.

Достойно начинал свое царствование будущий «жандарм Европы» — Николай Палкин. Одним ударом хотел он избавиться от лучшей части дворянской молодежи, этих благородных, неподкупных,

Страница черновой рукописи V главы романа «Евгений Онегин» с рисунками Пушкина, изображающими повешенных декабристов.

высокообразованных молодых людей, для которых свобода народа и отечества стояла превыше всего — семьи, карьеры, имущества, даже собственной жизни.

Гнев и глубокое горе овладели Пушкиным. Он был потрясен. Рушилось то, к чему он страстно стремился. И друзья, друзья... Пущин, Кюхельбекер, Рылеев, Бестужев. Самые дорогие и самые близкие. На рукописи стихотворения «Под небом голубым страны своей родной» Пушкин сделал шифрованную запись: «Усл. о с. Р.П.М.К.Б. 24», то есть «Услышал о смерти Рылеева, Пестеля, Муравьева-Апостола, Каховского, Бестужева-Рюмина 24-го».

Пушкину было бы легче, если бы он умел плакать. Но он не умел.

Суровый славянин, я слез не проливал, —
Но помню их...

Душевное потрясение искало выхода. Тогда же, 24 июля, Пушкин написал три скорбных и гневных стихотворения самого «крамольного» содержания о казненных декабристах. Всем трем дал общее название

«Пророк». Стихи эти до нас не дошли. Но предание донесло отрывок одного из них:

Восстань, восстань, пророк России,
В позорны ризы облекись,
Иди, и с вервием на вые
К убийце гнусному явись.

В понимании декабристов подлинный поэт — тот же пророк. Перед Пушкиным стояла страдальческая тень Рылеева...

Что бы ни делал в это время Пушкин, мысли его возвращались к одному. Черновая рукопись пятой главы «Евгения Онегина». Одна страница — на полях профили Пестеля, Пущина, Кюхельбекера, Рылеева и между ними — сам Пушкин. Другая страница — дважды нарисована виселица с пятью повешенными и дважды повторена незаконченная фраза: «И я бы мог...»

Пушкин пишет Вяземскому: «Повешенные повешены; но каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна».

Судьба еще одного старого друга волнует поэта. В 1824 году Николай Иванович Тургенев — активный член тайного общества — уехал за границу в длительный отпуск. В декабре 1825 года он был далеко от России. Теперь же царское правительство требовало у Англии выдачи Н. И. Тургенева как важного государственного преступника.

Английское правительство не выдало Тургенева. Но до Пушкина доходили разноречивые слухи. «Правда ли, — с тревогой спрашивал он у Вяземского, — что Николая Тургенева привезли на корабле в Петербург? Вот каково море наше хваленое!..» И в этом же письме поэтически упрекает Вяземского за его стихотворение, восхваляющее море:

Так море, древний душегубец,
Воспламеняет гений твой?
Ты славишь лирой золотой
Нептуна грозного трезубец.
Не славь его. В наш гнусный век
Седой Нептун земли союзник.
На всех стихиях человек —
Тиран, предатель или узник.

Участь декабристов была решена. Судьба ссыльного Пушкина все еще оставалась неопределенной.

Наступил уже август 1826 года, а ответа на прошение, посланное из Пскова через Адеркаса, все еще не было. Вяземский пенял Пушкину, что тот слишком холодно и сухо писал царю. Пушкин отвечал: «Ты находишь письмо мое холодным и сухим. Иначе и быть невозможно. Благо написано. Теперь у меня перо не повернулось бы».

Жизнь будто замерла в Михайловском. И «тригорский замок» притих. Трагические события на все наложили свой мрачный отпечаток. Двоюродные братья Прасковьи Александровны, Муравьевы-Апо-

столы, один — Сергей Иванович — повешен, другой — Матвей Иванович — в каторге. Там же Евгений Петрович Оболенский — троюродный брат хозяйки Тригорского. Пострадал еще один родственник — С. И. Кашкин.

— Меня оставили в покое. Кажется, это не к добру, — усмехался Пушкин.

Но покой был обманчивым. Не успело окончиться «исследование» Бошняка, началось так называемое «дело Алексеева». Заключалось оно в следующем. После восстания декабристов распространился в списках не пропущенный цензурой отрывок из элегии Пушкина «Андрей Шенье». Хотя события, описываемые в элегии, относились ко времени французской революции XVIII века, отрывок приурочили к современности и назвали злободневно — «На 14 декабря».

Начинался он стихами:

О горе! О безумный сон!
Где вольность и закон? Над нами
Единый властвует топор.
Мы свергнули царей. Убийцу с палачами
Избрали мы в цари. О ужас! о позор!

Отрывок перехватили. Полицейский агент Коноплев доставил его генералу Скобелеву. Тот переправил эти стихи всесильному шефу жандармов, главному начальнику III Отделения — Бенкендорфу.

«Какой это Пушкин, — запросил Бенкендорф Скобелева, — тот ли самый, который живет в Пскове, известный сочинитель вольных стихов?»

«Мне сказано, что тот, который писать подобные стихи имеет уже запрещение», — отвечал Скобелев.

Бенкендорф дал ход «делу». На столе у Николая I, рядом с прошением Пушкина об освобождении из ссылки, появился листок со стихами, написанными поэтом якобы на 14 декабря.

28 августа 1826 года, через несколько дней после коронации Николая (она, по обычаю, происходила в Москве) начальник Главного штаба генерал Дибич записал резолюцию царя на прошение Пушкина: «Высочайше повелено Пушкина призвать сюда. Для сопровождения его командировать фельдъегеря. Пушкину дозволяется ехать в своем экипаже свободно, под надзором фельдъегеря, не в виде арестанта. Пушкину прибыть прямо ко мне. Писать о сем Псковскому губернатору».

Царь требовал Пушкина для объяснений. Из Москвы в Псков поскакал фельдъегерь. Он вез пакет, на котором стояла многозначительная надпись: «Секретно».

В тот памятный день 3 сентября 1826 года Пушкин и тригорские барышни гуляли допоздна. Погода стояла прекрасная. В одиннадцатом

часу ночи, как обычно, распрощались на дороге в Михайловское, и Пушкин берегом Маленца отправился к себе. Пришел он домой и глазам не поверил — няня в слезах, суматоха, тревога. В зале дожидается нарочный из Пскова с письмом от губернатора и «отношением» из Москвы.

«Все у нас перепугались, — вспоминал впоследствии михайловский кучер Петр. — Да как же? Приехал вдруг ночью жандармский офицер из городу, велел сейчас Пушкину в дорогу собираться, а зачем — неизвестно. Арина Родионовна растужилась, навзрыд плачет. Александр-то Сергеич ее утешает: «Не плачь, мама, — говорит, — сыты будем; царь хоть куды ни пошлет, а все хлеба даст». Жандарм торопил в дорогу».

И вот уже Пушкин в коляске, и кони мчат его из Михайловского во Псков. «Простите, сени, где дни мои текли в глуши...»

Утром чуть свет прибежала в Тригорское Арина Родионовна и, рыдая, рассказала об отъезде Пушкина.

— Александр-то Сергеевич, — сокрушалась она, — только деньги захватил, шинель надел и поехали...

— Что ж, взял этот офицер какие-нибудь бумаги с собой?

— Нет, родные, никаких бумаг не взял и ничего в доме не ворошил; после только я сама кой-что поуничтожила.

— Что такое?

— Да сыр этот проклятый, что Александр Сергеевич кушать любил, а я так терпеть его не могу, — и дух от него, от сыра-то этого немецкого, такой скверный.

Испуганная Прасковья Александровна записала в своем календаре: «В ночь с 3-го на 4-ое число сентября прискакал офицер из Пскова к Пушкину, — и вместе уехали на заре».

Чтобы успокоить своих тригорских друзей, Пушкин в тот же день написал П. А. Осиповой из Пскова: «Полагаю, сударыня, что мой внезапный отъезд с фельдъегерем удивил вас столько же, сколько и меня. Дело в том, что без фельдъегеря у нас грешных ничего не делается; мне так же дали его, для большей безопасности. Впрочем, судя по весьма любезному письму барона Дибича, — мне остается только гордиться этим. Я еду прямо в Москву, где рассчитываю быть 8-го числа текущего месяца; лишь только буду свободен, тотчас же поспешу вернуться в Тригорское, к которому отныне навсегда привязано мое сердце. Псков, 4-го сент.».

Несмотря на бодрый, успокоительный тон письма, настроение у Пушкина было тревожное.

Что впереди, что ждет его в Москве? На всякий случай он захватил недавно сочиненного крамольного «Пророка». Если впереди опять гонения, он вручит эти стихи прямо в руки «убийце гнусному» — Николаю.

Восьмого сентября Пушкин был уже в Москве.

Фельдъегерская тройка.
Литография А. Орловского.

Тотчас же дежурный генерал известил об этом начальника Главного штаба барона Дибича и получил распоряжение относительно поэта: «Нужное, 8-го сентября. Высочайше повелено, чтобы вы привезли его в Чудов дворец, в мои комнаты, к 4 часам пополудни».

В Чудовом дворце остановилось тогда прибывшее в Москву царское семейство во главе с новым императором Николаем I.

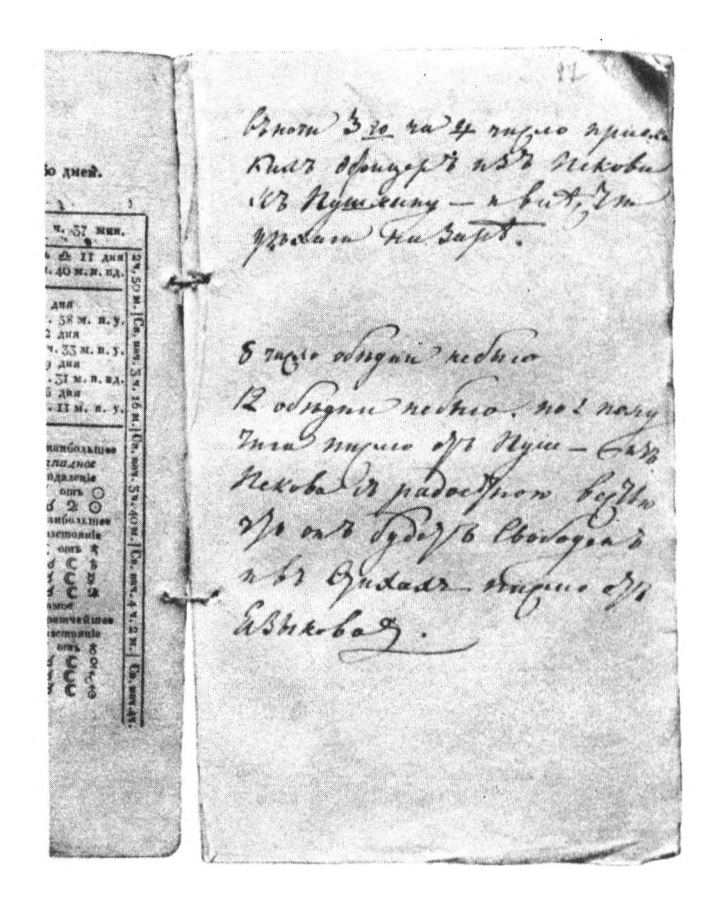
Пушкина прямо с дороги доставили туда.

Свидание с царем состоялось в одном из покоев Чудовского дворца.

И вот они встретились — гонимый самодержавием первый поэт России и ее новый император.

Николай был всего на три года старше Пушкина. Они могли бы вместе учиться в Лицее. Ведь Александр I одно время хотел воспитывать «общественно» своих младших братьев.

В Царском Селе, а затем в Петербурге Пушкину не раз доводилось видеть великого князя Николая — надменного, рослого, с бледным, правильным и каким-то неподвижным лицом. Пушкин слышал

Запись П. А. Осиповой в месяцеслове об отъезде А. С. Пушкина из Михайловского.

нелестные отзывы об этом человеке. Даже от Жуковского, который обучал русскому языку жену Николая прусскую принцессу Фредерику-Луизу-Шарлотту-Вильгельмину. Жуковский говорил, что, кроме муштры и солдат, великого князя ничто не интересует.

И вот теперь этот любитель муштры стал российским императором.

В отличие от своего старшего брата Александра Николай не был натурой столь сложной, противоречивой. Он был грубее, прямолинейнее. Александр I мог ненавидеть человека и разговаривать с ним с обворожительной улыбкой. Николай не умел так искусно скрывать свои

чувства. После 14 декабря он был мрачен, раздражителен. Он вообще не имел привычки церемониться с кем бы то ни было. Но с знаменитым Пушкиным решил обойтись полюбезнее. Завести доверительный разговор и выведать, что у поэта на уме. Николай спросил между прочим:

— Пушкин, принял ли бы ты участие в четырнадцатом декабря, если бы ты был в Петербурге?

— Непременно, государь, — ответил Пушкин. — Все мои друзья были в заговоре, и я не мог бы не участвовать в нем.

Но Николай уже решил «простить» поэта. Слишком устрашающе-мрачное впечатление произвело на все русское общество начало нового царствования — аресты, виселицы, ссылки... А Пушкин популярен, необычайно популярен. Его приходится простить. К тому же (эта мысль принадлежала шефу жандармов Бенкендорфу) правительству будет очень выгодно, если удастся «приручить» автора «Вольности» и «Андрея Шенье» и «направить» его перо.

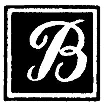
Ссылка кончилась. Друзья поэта ликовали. «Поздравляем тебя, милый Пушкин, с переменой судьбы твоей, — восторженно писал Дельвиг. — У нас даже люди прыгают от радости. Я с братом Львом развез прекрасную новость по всему Петербургу. Плетнев, Козлов, Гнедич, Слёнин, Керн, Анна Николаевна все прыгают и поздравляют тебя».

И Пушкину казалось — наконец-то свобода...

Но иллюзии рассеялись быстро и безвозвратно.

Скоро, очень скоро с глубокой нежностью и грустью будет вспоминать «свободный» Пушкин место недавнего своего заточения — далекое Михайловское и «два года незаметных», проведенных там.

Накануне гибели

есною 1835 года Пушкин ненадолго приехал в Михайловское. Приехал не по делу (дел в деревне не было), а лишь для того, чтобы рассеяться, хоть немного отдохнуть в родных местах, успокоить душу.

— Господи, как у вас тут хорошо! — вырвалось у поэта в Тригорском. — А там-то, там-то, в Петербурге, какая тоска зачастую душит меня!

Как счастлив я, когда могу покинуть
Докучный шум столицы и двора
И убежать в пустынные дубравы,
На берега сих молчаливых вод.

С каждым годом жизнь Пушкина в Петербурге становилась невыносимее.

Жестокие цензурные гонения: «Ни один из русских писателей не притеснялся более моего... Я не смею печатать мои сочинения».

Неотвязная опека жандарма Бенкендорфа: «Его императорское величество в отеческом о вас... попечении, соизволил горучить мне, генералу Бенкендорфу, — не шефу жандармов, а лицу... наблюдать за вами и наставлять Вас своими советами».

Невозможность шагу ступить по своему усмотрению: «Милостивый государь Александр Сергеевич! Государь император, узнав... что Вы... странствовали за Кавказом и посещали Арзерум, высочайше повелеть мне изволил спросить Вас, по чьему позволению предприняли вы сие путешествие... А. Бенкендорф». Все, даже женитьба и та с разрешения: «Его императорское величество с благосклонным удовлетворением принял известие о предстоящей вашей женитьбе... А. Бенкендорф».

Изо дня в день — «соизволения» царя, приказания, окрики, угрозы...

Царь пожелал, чтобы жена Пушкина, красавица Наталия Николаевна, танцевала на придворных балах в Аничковом дворце. И ему, знаменитому поэту, «жалуют», как какому-то мальчишке, неприличное в его годы звание камер-юнкера.

«Камер-юнкер двора его величества» Александр Пушкин обязан жить как все. Большая квартира, множество прислуги, дорогие туалеты жены, балы, рауты, выезды... А средств не хватает. Долги. Вечная мучительная забота о деньгах. Все больше расписок от петербургских ростовщиков: «Взято Пушкиным под залог шалей, жемчуга и серебра 1250 руб.», «Взято Пушкиным под залог брегета и кофейника...», «Взято Пушкиным...»

Теперь, как из тюрьмы на волю, рвется Пушкин из Петербурга в Михайловское, зовет туда жену.

Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит —
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить и глядь — как раз — умрем.
На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля —
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

В Петербурге невозможно работать, и Пушкин просит царя отпустить его в деревню.

«У меня нет состояния... — пишет поэт Бенкендорфу, — ныне я поставлен в необходимость покончить с расходами, которые вовлекают меня в долги и готовят мне в будущем только беспокойство и хлопоты,

А. С. Пушкин.
Миниатюра на кости работы Линева. 1834 год.

а может быть — нищету и отчаяние. Три или четыре года уединенной жизни в деревне снова дадут мне возможность по возвращении в Петербург возобновить занятия».

Но царь никуда не отпускает поэта. Единственно, что разрешают «свободному» Пушкину, — время от времени отпуск для поездки в деревню.

При малейшей возможности Пушкин едет в Михайловское. Весною 1835 года провел он в деревне четыре дня. Осенью — вырвался опять в надежде поработать. Но работать не мог — одолевали тревоги, заботы... «О чем я думаю? Вот о чем: чем нам жить будет?». «Государь обещал мне газету, а там запретил, заставляет меня жить в Петербурге, а не дает мне способов жить моими трудами».

Одно-единственное стихотворение написал Пушкин в ту осень — «Вновь я посетил...», последнее стихотворение, созданное им в Михайловском.

Последнее стихотворение, а через шесть месяцев — последний приезд...

Ранней весною 1836 года Пушкин привез в Святогорский монастырь тело своей матери, чтобы похоронить на родовом кладбище.

Грустно бродил поэт по скромному деревенскому кладбищу под шумящими липами. У стен древнего собора, рядом с гранитными плитами, под которыми покоятся Осип Абрамович и Мария Алексеевна Ганнибалы, — свежая могила...

После похорон матери Пушкин недолго задержался в деревне.

Побывал он в Тригорском. Там стало просторнее, Зизи и Алина вышли замуж. Зизи — за барона Б. А. Вревского, имение которого Голубово расположено было верстах в двадцати от Михайловского. Пушкин навестил Зизи. И сам он, и Евпраксия Николаевна — они оба изменились. Пушкин постарел, «подурнел», лицо утомленное и грустное, кудри развились, на лбу резкие морщины. А Зизи располнела, превратилась в «очень милую и добрую бабенку» — заботливую мать многочисленного семейства. Только дружба их осталась неизменной.

Вспомнили былое, «Тригорский замок», Языкова... Пушкину вдруг неудержимо захотелось поделиться своими чувствами с бывшим дерптским студентом: «Отгадайте, откуда пишу к Вам, мой любезный Николай Михайлович? из той стороны

— где вольные живали etc.

где ровно тому десять лет пировали мы втроем — Вы, Вульф и я; где звучали ваши стихи, и бокалы с Емкой, где теперь вспоминаем мы Вас — и старину. Поклон Вам от холмов Михайловского, от сеней Тригорского, от волн голубой Сороти, от Евпраксии Николаевны, некогда полувоздушной девы, ныне дебелой жены... у которой я в гостях. Поклон Вам ото всего и ото всех Вам преданных сердцем и памятью!»

Два дня погостил Пушкин у Евпраксии Николаевны. В Голубове тогда разбивали молодой сад. По преданию, несколько деревьев посадил и Пушкин.

Перед отъездом из деревни поэт купил в Святогорском монастыре, рядом с могилой матери, место для себя.

И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать,
Но ближе к милому пределу
Мне все б хотелось почивать.

Не прошло и года — на этом месте Пушкина похоронили.

„Согласно желанию покойного..."

В петербургской газете «Литературные прибавления к «Русскому инвалиду» 30 января 1837 года было напечатано обведенное черной рамкой извещение:

«Солнце нашей поэзии закатилось! Пушкин скончался, скончался во цвете лет, в середине своего великого поприща!.. Более говорить о сем не имеем силы, да и не нужно; всякое русское сердце знает всю цену этой невозвратимой потери и всякое русское сердце будет растерзано. Пушкин! наш поэт! наша радость, наша народная слава!.. Неужели в самом деле нет уже у нас Пушкина! К этой мысли нельзя привыкнуть!

29-го января 2 ч. 45 м. пополудни».

Эти из глубины души идущие слова (написал их литератор В. Ф. Одоевский) выражали чувства всего народа.

Пушкин убит на дуэли ничтожным авантюристом, гвардейским офицером Дантесом...

Трагически кончилась подлая интрига, затеянная под «высоким» покровительством царя. Современники знали, кто направлял пистолет убийцы. Сын историка Карамзина — Андрей — писал из Парижа в Петербург матери: «Поздравьте от меня петербургское общество, маменька, оно сработало славное дело. Пошлыми сплетнями, низкою завистью к гению и красоте оно довело драму, им сочиненную, к развязке; поздравьте его, оно стоит того. Бедная Россия! Одна звезда за другою гаснет на твоем пустынном небе... То, что сестра мне пишет о суждениях хорошего общества, высшего круга, гостиной аристократии (черт знает, как эту сволочь назвать), меня ни мало не удивило; оно выдержало свой характер. Убийца бранит свою жертву — и это

должно быть так, это в порядке вещей. Быстро переменялись чувства в душе моей при чтении вашего письма, желчь и досада наполнили ее при известии, что в церковь пускали по билетам только la haute société [высшее общество — знать]. Ее-то зачем? Разве Пушкин принадлежал к ней? С тех пор, как он попал в ее тлетворную атмосферу, — его гению стало душно, он замолк... Выгнать бы их и впустить рыдающую толпу, и народная душа Пушкина улыбнулась бы свыше».

Велики были горе и возмущение народа, когда стало известно о гибели поэта. Прусский посланник в Петербурге доносил своему правительству, что смерть Пушкина воспринята в России «как общественное бедствие» и что в квартире покойного «перебывало до 50 000 лиц всех состояний». Посланник не преувеличивал.

У дома Волконской на Мойке, где жил поэт, невзирая на холод, стояла огромная толпа. Студенты, офицеры, старики, женщины, дети, простой петербургский люд, беднота в тулупах и даже в лохмотьях, шли и шли бесконечной вереницей, чтобы проститься с Пушкиным. Профессора университета (им это было запрещено) украдкой пробирались к дому на Мойке. Видели здесь заплаканного Жуковского, мрачного Вяземского, удрученного Крылова. Видели и высокого белокурого юношу с взволнованным лицом, тогда еще никому не известного Ивана Сергеевича Тургенева...

* * *

Пушкин умер...

Давно так не волновалась столица России, как в эти зимние дни 1837 года. Все бросились в книжные лавки за сочинениями поэта. Сговаривались гроб нести на руках. В Нидерландском посольстве (там жил Дантес) собирались бить стекла.

И в Зимнем дворце говорили о Пушкине.

— Никаких изъявлений! Никаких почестей! — раздраженно внушал Николай почтительно вытянувшемуся Бенкендорфу. — Хоронить без шума, как простого дворянина.

Воля монарха — закон. Озабоченные жандармы принялись за дело. На набережной Мойки — солдатские пикеты. У дома Волконской — мордастые квартальные в треугольных шляпах. «Без преувеличения можно сказать, — возмущенно рассказывал П. А. Вяземский, — что у гроба собрались не друзья, а жандармы».

Блюстители порядка действовали как воры. Тайно, ночью гроб перевезли в небольшую Конюшенную церковь. Народ обманули. Было объявлено, что отпевание состоится в Исаакиевском соборе, в Адмиралтействе, а отпевали в Конюшенной церкви и пускали по билетам.

Хоронить в Петербурге побоялись. Вспомнили — Пушкин желал, чтобы его похоронили в Святогорском монастыре. И на этот раз с трогательной готовностью решили поступить «согласно желанию покойного».

А. И. Тургенев.
Акварель П. Соколова. 30-е годы XIX века.

Второго февраля Александру Ивановичу Тургеневу сообщили, что по воле царя он назначается сопровождать тело Пушкина, которое увозят из Петербурга.

«Назначен я, в качестве старого друга, отдать ему последний долг. Я решился принять... Граф Строганов представил мне жандарма... Куда еду — еще не знаю», — записал в своем дневнике А. И. Тургенев.

Увозили мертвого Пушкина торопливо, крадучись, с опаской, с оглядкой. Ведь полиция доносила, что «многие располагали следовать за гробом до самого места погребения в Псковской губернии».

Третьего февраля, в полночь возле Конюшенной церкви остановились крытые кибитки и простые крестьянские дроги. Вынесли из церкви

гроб, погрузили, уселись. И печальный кортеж быстро двинулся в путь по ночному заснеженному Петербургу. Впереди — жандарм. За ним дроги с гробом. Возле гроба на дрогах одинокая скорбная фигура — старый дядька Пушкина, Никита Козлов, захотел проводить в последний путь дорогого своего питомца. За дрогами, в кибитке, почтальон и А. И. Тургенев. Некогда он отвозил Сашу Пушкина в Царскосельский Лицей...

Проехали Царское Село, Гатчину, Лугу. Ненадолго останавливались отогреться, передохнуть. Только Никита Козлов будто прирос к дрогам. Даже жандарма проняло.

— Человек у него был, — рассказывал жандарм, — что за преданный был слуга! Смотреть даже было больно, как убивался. Привязан был к покойнику, очень привязан. Не отходил почти от гроба: ни ест, ни пьет.

Мчались сломя голову на курьерских лошадях. Начальство распорядилось — скорее довезти, скорее похоронить.

«Жена моя возвращалась из Могилева и на одной станции неподалеку от Петербурга увидела простую телегу, на телеге солому, под соломой гроб, обернутый рогожею, — записал в своем дневнике литератор и профессор А. В. Никитенко. — Три жандарма суетились на почтовом дворе, хлопотали о том, чтобы скорее перепрячь курьерских лошадей и скакать дальше с гробом. «Что это такое?» — спросила моя жена у одного из находившихся здесь крестьян. «А бог его знает что! Вишь, какой-то Пушкин убит — и его мчат на почтовых в рогоже и соломе, прости господи, как собаку».

На станции перед Псковом А. И. Тургенев встретил знакомого — камергера Яхонтова. Тот тоже ехал в Псков, но зачем, не сказал.

Двинулись дальше. Похоронный поезд обогнал Яхонтова. Александр Иванович был уже у псковского губернатора Пещурова, когда тому принесли секретное письмо из Петербурга. Оказалось, — письмо вез Яхонтов. Пещуров при Тургеневе стал читать вслух: «Милостивый государь Алексей Никитич! — писал Пещурову управляющий III Отделением Мордвинов. — Господин действительный статский советник Яхонтов, который доставит сие письмо Вашему превосходительству, сообщит Вам наши новости. Тело Пушкина везут в Псковскую губернию для предания земле в имении его отца... Имею честь сообщить Вашему превосходительству волю государя императора, чтобы Вы воспретили всякое особенное изъявление, всякую встречу, одним словом всякую церемонию...»

Царя особенно раздражало то, что, по слухам, почитатели Пушкина собирались во Пскове выпрячь лошадей и дальше «везти гроб людьми».

Чтобы не привлекать внимания, похоронный поезд был отправлен из Пскова глухой ночью. В Острове уже ждало «начальство» — исправ-

ник и городничий. Подсадили к жандарму еще сопровождающего — поручика Филиповича — и поскорее отправились далее, в Тригорское, к Осиповой.

На другой день, 5 февраля, в три часа пополудни, промерзший в дороге Александр Иванович Тургенев был в Тригорском.

Прасковья Александровна в это время хворала, Анна Николаевна гостила в Петербурге. Неожиданного гостя встретила молоденькая Маша Осипова. К вечеру прискакали и сани с гробом. «Какой ведь случай! — вспоминала М. И. Осипова. — Точно Александр Сергеевич не мог лечь в могилу без того, чтобы не проститься с Тригорским и с нами».

Тело отправили в Святогорский монастырь, отрядили крестьян из Михайловского и Тригорского рыть могилу. Гроб до утра поставили в соборе. Могилу рыли с превеликим трудом. Земля так промерзла, что ломом пробивали толстый слой льда. В тот вечер Александр Иванович, Прасковья Александровна, Маша и Катя Осиповы долго сидели в тригорской гостиной, просматривали старые альбомы, говорили о Пушкине...

Тайный увоз тела Пушкина в Святогорский монастырь.
Этюд А. Наумова. 1892 год.

«6 февраля, в 6 часов утра, — записал в своем дневнике А. И. Тургенев, — отправились мы — я и жандарм!! — опять в монастырь, — все еще рыли могилу; моим гробокопателям помогали крестьяне Пушкина, узнавшие, что гроб прибыл туда; мы отслужили панихиду в церкви и вынесли на плечах крестьян и дядьки гроб в могилу».

Хоронили Пушкина А. И. Тургенев, Никита Козлов, жандарм, несколько михайловских и тригорских крестьян, святогорские монахи во главе с игуменом, столетним старцем Геннадием, две тригорские барышни — Маша и Катя Осиповы. Их послала Прасковья Александровна, «чтобы, — говорила она, — присутствовал на погребении хоть кто-нибудь из близких».

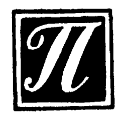
Когда печальный обряд окончился и А. И. Тургенев вернулся в Тригорское, хозяйки предложили ему посетить Михайловское.

«...Мы вошли в домик поэта, где он прожил свою ссылку и написал лучшие стихи свои. Все пусто. Дворник, жена его плакали», — так описал эту поездку Тургенев.

Горевали по Пушкину и другие знавшие его крестьяне. «Кто бы сказал, что даже дворня (Тригорского), такая равнодушная по отношению к другим, плакала о нем! В Михайловском г. Тургенев был свидетелем такого же горя», — рассказывал в письме к отцу поэта Б. А. Вревский, муж Евпраксии Николаевны.

На обратном пути из Тригорского А. И. Тургенев заехал в Псков и оттуда написал Жуковскому: «Мы предали земле земное на рассвете. Я провел около суток в Тригорском у вдовы Осиповой, где искренне оплакивают поэта и человека в Пушкине. Везу вам сырой земли, сухих ветвей и только».

Могила поэта

рошло несколько месяцев с того морозного утра, как останки поэта предали земле. Наступила весна 1837 года. Там, где временно похоронили Пушкина, П. А. Осипова устроила склеп. В него и опустили гроб уже навечно.

Когда в 1954 году производились работы по укреплению могильного холма, стало видно, что склеп этот сложен из кирпичей, а гроб Пушкина дубовый, в две доски, сшитый коваными гвоздями.

Первоначально на могиле поэта насыпан был холмик, обложенный дерном, поставлен черный крест с белой надписью: «Пушкин».

Современников очень волновал вопрос, как лучше украсить могилу величайшего поэта России. «Пусть каждый из нас, кто ценил гений

Вход на могилу Пушкина.

Пушкина, будет участником в сооружении ему надгробного памятника, — писал в 1839 году журналист и писатель Н. А. Полевой. — Наши художники вспыхнут вдохновением, когда мы потребуем от них труда, достойного памяти поэта. И в мраморе, или в бронзе, станет на могиле Пушкина монумент, свидетель того, что современники умели его ценить. И сильно забьется сердце юноши при взгляде на этот мрамор, на эту бронзу. И тихо задумается странник, зашедший в ветхие стены уединенной Святогорской обители, где почиет незабвенный прах первого поэта нашей славной Русской земли! ..»

Волновал вопрос о намогильном памятнике и вдову Пушкина — Наталью Николаевну. После смерти поэта делами его семьи ведала опека. И Наталья Николаевна просила опекунов ускорить установку памятника.

Опекуны — В. А. Жуковский, М. Ю. Виельгорский, Г. А. Строганов — понимали, что создание надгробия Пушкину — задача не простая. Они не раз писали псковскому губернатору, прося его найти живописца «для снятия вида с могилы». Памятник должен был гармонировать и с местом, где собирались его поставить.

Писали опекуны и П. А. Осиповой, чтобы она прислала «хотя поверхностный рисунок с кратким описанием места, где ныне покоятся бренные останки Александра Сергеевича».

Сохранился набросок, сделанный по заказу П. А. Осиповой, изображающий первоначальный вид могилы поэта.

Сохранились и рисунки, сделанные по указанию псковского губернатора. Выполняя просьбу опекунов, он отрядил в Михайловское и Святогорский монастырь хорошего рисовальщика — псковского землемера И. С. Иванова. И тот с натуры нарисовал все требуемое. Когда рисунки были доставлены в Петербург, опекуны заказали и самый монумент. Кто его автор, — точно не установлено. Выполнял работу известный петербургский «монументального цеха мастер» Александр Пермагоров.

Перевозку готового памятника из Петербурга в Святые Горы и установку его опека поручила старому знакомцу Пушкина — михайловскому приказчику М. И. Калашникову.

Весною 1841 года памятник был поставлен. Он стоит здесь и ныне.

Могила Пушкина...

По крутому склону старая каменная лестница ведет на вершину холма. Сорок шесть ступеней. У восточной стены Успенского собора небольшая площадка, обнесенная белой мраморной оградой. Посреди площадки — скромный памятник. Пышные надгробья здесь были бы неуместны, а это под стать всему — и строгому величию древнего собора, и милой простоте окружающей природы. Тонкий обелиск белого мрамора стоит на мраморном своде. Под сводом изваяна урна с наброшенным покрывалом. Свод покоится на массивном черном цоколе. На

Могила Пушкина.

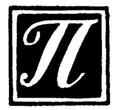
нем краткая надпись: «Александр Сергеевич Пушкин, родился в Москве, 26-го мая 1799 года, скончался в С.-Петербурге, 29-го января 1837 года».

«Место это торжественное, — писал в 1924 году Анатолий Васильевич Луначарский. — И не только потому, что вы чувствуете близость дорогого сотням миллионов ушедших, живущих и имеющих родиться людей, — праха. Оно, как нельзя лучше, несет на себе маленький белый памятник величайшего из русских писателей.

Холм поднялся над окрестной волнистой равниной; поднялся властно и спокойно. Он весь порос огромными вековыми деревьями. В просветы между ними глаз уходит далеко, скользя по разнообразному рельефу пригорков, оврагов, рощиц, селений. В ранний вечер, когда я там был, все это одето было игрой косых лучей и длинных теней, все было полно мира и крепкой думы. И совершенно под стать этому грустному раздолью — серьезно и тоже чуть-чуть грустно, но беспрестанно шумят открытые на холме всем ветрам зеленые великаны. Сторожат могилу».

Много лет, окруженная заботой и любовью всего советского народа, в мире и тишине, нарушаемой только пением птиц да негромкими голосами приходивших сюда людей, стояла великая могила. Так было до лета 1941 года.

„Освободите Пушкина“

очти за год до окончания Великой Отечественной войны, 22 марта 1944 года, в фронтовой газете «Суворовец» были напечатаны отрывки из дневника девятнадцатилетней советской девушки Жени Воробьевой.

Женя Воробьева жила с матерью под Ленинградом в городе Пушкине. Когда гитлеровцы захватили город и жителей его угнали на запад, Женя оказалась на Псковщине, близ села Михайловского, стала свидетельницей того, что творили здесь фашисты.

Из дневника Жени Воробьевой:

«*24 марта 1942 года.* Я снова с Пушкиным! Если б я знала, что мы придем сюда, мне было бы легче. Ведь и Пушкин после Лицея попал сюда, в Михайловское. Здесь он проводил свое изгнание. Здесь он писал «Евгения Онегина». Здесь все дышит им, и я снова чувствую себя легкой, оживленной, свободной, словно кошмар немецкого нашествия кончился.

СУВОРОВЕЦ

„Дорогие герои, освободите Пушкина!“

Дневник Жени Воробьевой

СЕГОДНЯ мы публикуем выдержки из дневника 19-летней советской девушки, вырвавшейся из фашистского плена, Жени Воробьевой. Свой дневник она передала корреспондентам В. Викторову и Л. Башкирову и разрешила его опубликовать.

* * *

Женя Воробьева.

Дневник Жени Воробьевой.
Страницы газеты «Суворовец», 22 марта 1944 года.

25 марта. Нам не разрешили жить в Пушкинских Горах. Когда мама вернулась из комендатуры и сказала об этом, мне стало страшно. Неужели снова будем брести по дорогам из деревни в деревню. Вечером мама снова пошла к немецкому коменданту. Нам разрешено поселиться в деревне Петровское. Это рядом с Михайловским, рядом с Пушкиным.

27 марта. Сейчас я ходила к озеру со странным названием Кучане. На том берегу можно разглядеть дом Пушкина: белый, простой, светлый и слева от него маленький, дряхлый домик няни.

15 апреля. Наконец удалось побывать в Пушкинских Горах. Пришла на могилу. Белый мраморный обелиск на холме. Удивительно, как этот прозрачный белый цвет связан с Пушкиным. Белый Лицей, белый дом на берегу реки, белый мрамор на могиле. Но потом пришли немцы. Я слышала, как они грохотали сапогами в церкви Святогорского монастыря, как они что-то насвистывали. Во дворе монастыря они устроили конюшню. У могилы Пушкина! Я поняла, что до тех пор, пока немцы

на нашей земле, в Пушкинских Горах, в Пушкине, под Ленинградом — не может быть счастья и радости.

20 сентября. Я теперь вытаскиваю дневник только для самых важных записей. Вчера мужчин нашей деревни немцы гоняли рубить Пушкинский заповедник».

Шел 1944 год. Наши войска на всех фронтах громили гитлеровские полчища. Отступая, фашисты бесчинствовали, грабили, уничтожали самое дорогое для нашего народа.

10 января 1944 года Женя Воробьева записала в дневнике: «Не могу прийти в себя. Все это время я не ходила ни в Пушкинские Горы, ни в Михайловское, чтобы ничего не видеть. Но вчера немцы погнали всех девушек туда рыть окопы, и я видела, как немцы везли вещи из музея Пушкина. Везли на десяти подводах под охраной солдат. Я успела разглядеть старинные кресла, диваны, книги. У меня было такое чувство, что немцы Пушкина везут в Германию на каторгу...

15 января. Ну, теперь ждать недолго. Сегодня немцы сожгли наше Петровское. Сколько лет стояла эта деревенька! Ведь она еще прадеду Пушкина принадлежала. И вот нет ее — пепелище. Горят соседние деревни. Это верный признак, что немцы бегут, что наши близко. Мы перебрались жить в Песочки. Здесь немцы тоже не оставили ни одного дома. Трудно было рыть землянки, но я не чувствовала усталости. Я думала об одном: неужели они посмеют поднять руку на Михайловское, неужели они и там сожгут все? Неужели они в своей бешеной злобе осквернят могилу Пушкина?»

Фашисты посмели. Они сожгли Михайловское.

«*2 марта.* Да здравствует солнце, да скроется тьма! Да здравствует моя Родина, моя армия, да здравствует свобода! Нет больше немцев в Песочках! Дорогие герои, освободите теперь Пушкина!»

«Освободить Пушкина!» — эта мысль владела всеми бойцами на участке фронта Новоржев — Пушкинские Горы.

Советская армия стремительно наступала. Передний край проходил почти у самого Святогорского монастыря. Солдаты в окопах, партизаны у лесных костров за Соротью перед решительными боями читали Пушкина.

Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?..

Обернутые в газету томики переходили из рук в руки.

«Эту книжку мы читали в тылу врага... Она прибавляла нам сил и уверенности в победе. Мы этого никогда не забудем», — так написали на томике Пушкина бойцы одного из партизанских отрядов Псковщины.

Михайловское... Могила Пушкина... С непередаваемым чувством шли в бой солдаты. Казалось, сам Пушкин встречал своих освободителей.

И кажется — над полем схватки,
Над развороченной землей,
В знакомой взвихренной крылатке
Поднялся Пушкин, как живой.
В огне, бушующем по плечи,
Для вражьих пуль неуязвим,
Идет, идет поэт навстречу
Освободителям своим.
Горят глаза отвагой гордой,
И кудри ветер боя вьет,
И на закат рукой простертой
Зовет бойцов, вперед зовет...
Гремит и рядом, и поодаль,
Все ближе, ближе и ясней:
«Придет ли час моей свободы?
Пора, пора! — взываю к ней...»
Идут, идут на память сами
Стихи, высок их звонкий взлет.
И Пушкин близко — пред глазами
В метели огненной идет...

Эти стихи написал один из тех, кто освобождал Пушкинские Горы, поэт-сибиряк Александр Смердов.

Весною 1944 года пушкинские места были освобождены. Первыми в Святогорский монастырь пришли саперы.

«Могила А. С. Пушкина заминирована, входить нельзя. Ст. лейтенант Старчеус». Дощечка с такой надписью стояла у входа в монастырь. Теперь она хранится в музее.

Прокладывая путь по заминированной земле, саперы поднялись к могиле поэта. Груды битого кирпича от взорванной колокольни, листы железа с купола, обломки досок, церковной утвари, куски огромного колокола, простреленные иконы, вырванные страницы старых церковных книг...

Отступая из Пушкинских Гор, фашисты пытались взорвать собор и колокольню. Колокольня рухнула, но древняя кладка собора устояла. Упал и разбился огромный колокол весом в 151 пуд 10 фунтов (2 тысячи 420 килограммов), который висел здесь и в пушкинские времена. Это был самый большой колокол Святогорского монастыря. Его мощный голос доносился до Михайловского.

Но самое страшное ждало саперов впереди. Под могильным холмом они обнаружили туннель и в нем заложенный фашистами фугас

огромной силы, специальные мины, авиабомбы. Только стремительное наступление наших войск спасло от гибели могилу поэта.

До трех тысяч мин извлекли саперы в Святогорском монастыре и вокруг него. Доступ к Пушкину был свободен.

«Мимо Святогорского монастыря на фронт шли машины. У монастыря они обязательно останавливались, и командиры и бойцы поднимались по лестнице наверх к могиле Пушкина, — вспоминал известный советский поэт Н. С. Тихонов. — Всегда среди приехавших находился человек, который произносил краткое слово. Эта встреча с Пушкиным людей, спешивших на фронт, который ушел уже за Режецу, производила большое впечатление».

Победно закончилась Великая Отечественная война. Наши города и села залечили нанесенные фашистами бесчисленные раны. Встал из руин и пепла поселок на Псковщине — Пушкинские Горы. А на краю поселка, на высоком холме, у стен древнего собора могила под белым мрамором...

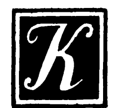
И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.

Все вокруг как хотел Пушкин — жизнь, радость, труд и сияющая неизменной красотой русская природа.

Предупреждение о заминировании могилы Пушкина, установленное саперами в 1944 году.

„К нему не зарастет народная тропа“

Каждый год в начале июня, когда у домика няни цветет сирень, а в зарослях жасмина над Соротью заливаются соловьи, тысячи людей приходят в село Михайловское на большой народный праздник — день рождения Пушкина, День поэзии.

В этот день здесь особенно людно. И не удивительно: Пушкина любят и знают все. Тропа, ведущая к нему, стала бесконечной, необозримо широкой дорогой.

«Я прилетел сюда из далеких краев, из Бейпина, чтобы почтить память великого русского поэта и возложить венок на могилу Александра Сергеевича Пушкина. Я шел далеко, шел по народной тропе, и народная тропа пролегала за пределами великой Руси, за пределами великого Советского Союза. Она пролегала по всему миру. Если поэт писал:

> Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
> И назовет меня всяк сущий в ней язык... —

то сейчас надо внести исправление: слух о Пушкине прошел по всему миру, и гремит его имя на всех сущих в нем языках».

Так говорил известный китайский поэт Эми Сяо на митинге у могилы Пушкина 6 июня 1949 года, когда вся наша страна, весь мир отмечали стопятидесятилетие со дня рождения великого поэта.

Сто тысяч человек собрались тогда в Михайловском. Но и в обычные дни, когда нет ни памятных дат, ни торжественных юбилеев, с ранней весны до глубокой осени в Пушкинском заповеднике не сосчитать экскурсантов. Они бродят по михайловским рощам, встречают рассвет на городище Ворониче, любуются закатами на Маленце.

«Какое счастье, что мы после долгих мечтаний, наконец, в таком заветном для всех нас месте,— пишут в «Книге впечатлений» заповедника ленинградские школьники. — В школе мы много читали о Пушкине и много посетили музеев в Ленинграде. Но то, что мы увидели в Михайловском, ни с чем не сравнить, — это неповторимо».

Таких записей бесконечно много. Расставаясь с сельцом Михайловским, все — и взрослые, и дети — уносят с собой светлый образ Пушкина, звук его стихов, чарующую прелесть этих поэтических мест.

Оглавление

СВЯТОГОРСКИЙ МОНАСТЫРЬ И МОГИЛА ПОЭТА

Оформление Т. Цинберг

Фотографии М. Величко

Фронтиспис — картина неизвестного художника первой половины XIX века

Карта заповедника М. Сорокиной

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Басина Марианна Яковлевна
Там, где шумят Михайловские рощи

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

Ответственный редактор А. И. Плюснина.
Художественный редактор В. В. Куприянов.
Технический редактор З. П. Коренюк.
Корректоры К. Д. Немковская и Л. К. Малявко.
Подписано к набору 14/IV 1969 г. Подписано к печати 5/I 1971 г. Формат 70×90[1]/16. Бум. № 1. Печ. л. 15. Усл. печ. л. 17,55. Уч.-изд. л. 14,05. Тираж 75 000 экз. ТП 1971 № 529. Ленинградское отделение ордена Трудового Красного Знамени издательства «Детская литература» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Ленинград, Д-187, наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Ленинград, 2-я Советская, 7. Заказ № 566.
Цена 1 р. 68 к.

1р.68к.